

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

Том 3

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

ТОМ 3

 Memories

Москва
Издатель И. Б. Белый
2012

ББК 63.3 (6)

А64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор
фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна

(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна

(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич

(Vladimir Khritinin)

(составление).

Д-р Ян Либенберг

(Dr Ian Liebenberg)

(составление).

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

**А64   Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами рос-
сийских подданных. В 13 томах. Т. 3. — Москва: Издатель
И. Б. Белый, 2012. — 350 с. с илл.**

ISBN 978-5-904935-21-4 (Т.3)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012

© Шубин Г. В., составление и др., 2012

© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012

© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012

© Хритинин В. Ю., составление, 2012

© Liebenberg I., составление, 2012

© «Memories», оформление, 2012

© Издатель И. Б. Белый, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-21-4 (Т.3)

Успехи англичан и начало перехода войны в партизанскую

Очень любопытное мнение высказывает **Едрихин** о причинах побед и поражений буров:

Письма о Трансваале VII

Успехами второй половины кампании англичане столько же обязаны даровитому лорду **Робертсу**, сколько и не особенно талантливому **Уайту**, сумевшему, однако, в наиболее важный период стратегического развертывания главных сил привлечь на себя почти три четверти армии буров¹. Как известно, после боя 18 (3) октября (он) отступил к Ледисмиту. Этот город, получивший такую громкую известность, представляет собой небольшую группу домиков, брошенных на берегу Занд-ривер. Вокруг него толпятся в беспорядке высокие горы со своими характерными, точно срезанными ножом вершинами. Пользуясь двухдневным перемирием, англичане поспешно укрепились здесь, то есть вдоль наружных гребней ближайших гор насыпали траншеи (каменные брустверы без рвов), в некоторых местах эти траншеи были сомкнуты в виде редутов крайне упрощённой формы; редуты связали между собой соединительными траншеями, и таким образом получилась маленькая крепость. Главную силу её составляли, конечно, не каменные брустверы, которые при высоте около двух аршин и сухой кладке давали укрытие только от ружейных пуль и снарядных оскол-

ков, а сами горы – эти естественные валы, высота и крутизна которых представляла большую трудность при эскалации² под огнём из траншей. Такую крепостицу можно было взять или штурмом, или блокадой.

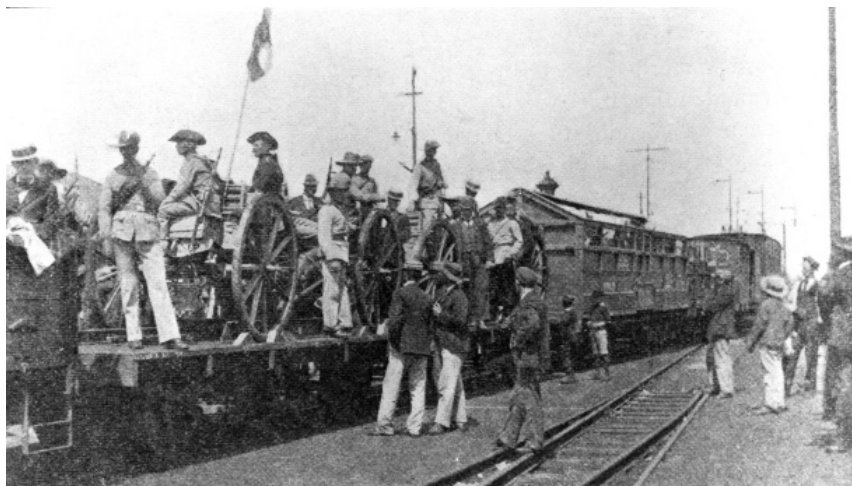
По окончании перемирия буры передвинули свою артиллерию и в течение первой недели подвергли Ледисмит сильному обстреливанию, но на штурм не решились. Между тем энергия, развившаяся очень сильно во время первых наступательных маршей, начала понемногу ослабевать.

Как и всегда, чтобы притупить остроту неприятного сознания только что сделанной ошибки, человек ищет какого-нибудь прецедента. Кем-то произнесено было слово «южноафриканская Плевна»³ – прецедент был найден, а им диктовался уже и дальнейший образ действий. Решено было блокировать Ледисмит, то есть дожидаться, когда изнеможённый голодом **Уайт** сам положит оружие, хотя о том, сколько у англичан запасов, сведений не было; неизвестна была даже более или менее точная цифра гарнизона, полагали «так тысяч 8–15».

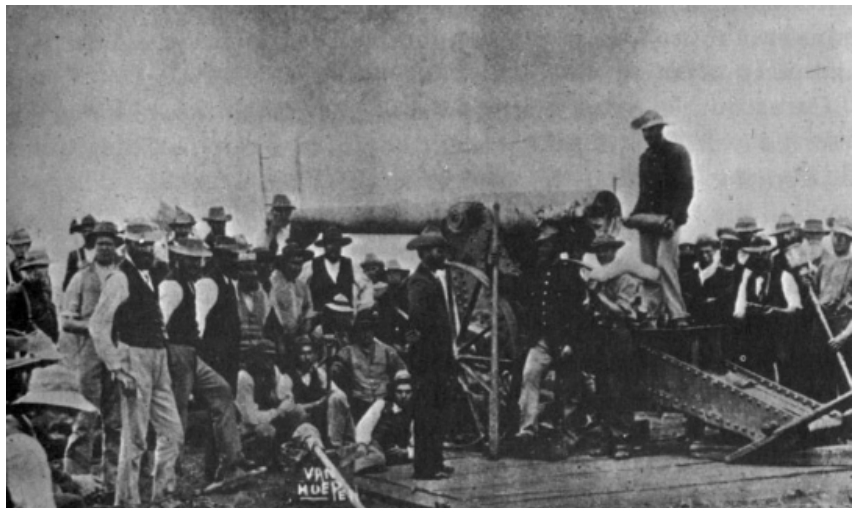
Решившись на блокаду, буры раскинули свои маленькие лагеря по огромной окружности, и вокруг осаждённого города началась довольно мирная жизнь, при военной обстановке. Англичане спокойно сидели в крепости, а буры наблюдали их. Каждой команде был отведён особый район охранения. Днём по линии постов располагались несколько человек, которые, лёжа за камнем с трубкой в зубах и **маузером** (так буры называли **маузеровские** винтовки), сторожили, не покажется ли где-нибудь голова англичанина. На случай вылазки неприятеля сигналом тревоги служил пастушеский рожок. Одиночные ружейные выстрелы здесь слышались довольно часто. Иногда, впрочем, от времени до времени тяжело нагнётся воздух, просвистит где-нибудь граната. Это соскучившиеся артиллеристы обеих сторон, заметив какую-нибудь цель, напоминали себе о том, что здесь война. Но если впереди кое-что напоминало собой войну, то в тылу линии обложения картина являлась уже совсем мирной. Вокруг лагерей паслись стада быков, спутанные лошади, мулы, овцы. По дороге из лагеря в лагерь разъез-

жали лёгким галопцем буры, очень часто под зонтиком и в сопровождении **каффра**, вёзшего ружьё и патронташ⁴ своего «бааса» (господина). Все лагеря походили один на другой, с тем различием, что у буров-фермеров лагерь состоял из повозок с приделанными на задках будками, а у буров-горожан и в иностранных отрядах – из палаток, частью выданных правительством, частью отнятых у англичан. Но порядок был один и тот же: каждый располагался там, где хотел. У каждой палатки или повозки дымились костры, на которых чёрная прислуга готовила кофе, пекла блины, варила мясо. Тут же на солнце сушилась кожа убитого барашка, валялись кости, остатки пищи, на сучьях акации сушилось нарезанное полосками и сплошь покрытое мухами мясо. Известных мест обыкновенно не отводилось. Правда, для наблюдения за порядком существовала должность интенданта⁵, но обязанности его зависели как от собственного усмотрения, так и от доброй воли бюргеров, считающих каждый себя своим собственным генералом.

Пользуясь беспечностью буров, долго бездействовавшие англичане прокрались однажды ночью и взорвали дальнобойную пушку **Крезо** [точнее, повредили ствол], в другом месте натальские буры, подойдя для дружеской беседы, предательски испортили орудия **Круппа** и **Максима**. С этих пор сторожевая служба под Ледисмитом усложнилась. Во избежание подобных казусов орудия отнесли подальше и охранение их вверили определённым командам. На ночь установился сильный наряд. Каждая команда выходила вся, оставив в лагере только дневную стражу и административных лиц. Начали ставить посты парных часовых на 100 шагов от поста. Часовые стояли обыкновенно по два часа, сменяя друг друга сами. Пробовали даже высылать вперёд патрули, но однажды в Преторийской команде в состав патруля вошли один американец и один испанец, которые при возвращении наткнулись на свой пост и, не успев ответить пароля, были убиты своими же, а когда вскоре после того оранжевые буры пристрелили своего же капрала, то высылку патрулей решено было бросить как неподходящее дело. (Для стрельбы ночью буры употребляют такой приём: ле-

Бурские артиллеристы едут на фронт

Лонг-Том буров

вую руку накладывают поверх ствола и по косточкам стреляют в грудь – пуля попадает в голову.)

Так в продолжение первых двух месяцев тянулась жизнь осадного корпуса под начальством генерала **Жубера**.

В то же самое время небольшой обсервационный корпус под начальством генералов **Бота** и **Луки Мейера**, продвинувшись было к Исткорту, отступил за Тугелу, избрав эту реку оборонительной линией для удержания **Буллера**, шедшего на выручку **Уайта**.

Если продолжительное бездействие под Ледисмитом начало уже оказывать своё расслабляющее действие, то совершенно не то было на Тугеле: близкое соприкосновение с противником, ежеминутное ожидание боя действовали необыкновенно сильно на буров, по природе страстных охотников. Здесь царило не возбуждение, а если так можно выразится, боевая восторженность. Каждый был уверен в своей непобедимости и с нетерпением ожидал англичан на заранее подготовленных позициях.

3 (15) декабря произошло первое большое сражение под Колензо. Подробности его достаточно известны. Приведу только несколько эпизодов, слышанных мной от участников боя. В этот день утром генерал **Буллер** объявил своим войскам и послал извещение **Уайту**, что вечером он будет обедать в Ледисмите.

Обрекогносцировав позицию буров с воздушного шара, англичане выкатили свою артиллерию и начали обстреливать, но не ту гору, на которой лежали главные силы буров, а ту, на которой было несколько человек. Выстрелы морских орудий производили адский шум, но бронебойные снаряды без ударных трубок разрывались очень редко. Наконец после почти 10-часовой бомбардировки англичане двинулись в атаку на предполагаемую позицию буров, и фланг боевой линии очутился в 800 шагах от настоящей позиции противника. До сих пор мёртвая гора сразу ожила; точно из внезапно разверзшегося вулкана вспыхнули огни орудий, а ружейные пули градом захлестали по растерявшемуся противнику. Моментально

лошади под орудиями были подбиты, ошалевшая пехота за- металась и бросилась назад на свои поддержки. Но, несмотря на страшную суматоху, англичане обнаружили удивительную находчивость; на выручку подбитой артиллерии вскачь бросились лазаретные линейки и закрыли собой орудия; началась быстрая перепряжка мулов, но несчастные животные легли тут же; часть пехоты выкинула белый флаг, остальные в панике устремились через Тугелу и сломали за собой мост. На месте осталось более 2000 убитых и раненых, кроме того, буры взяли 1000 пленных и (неразборчиво)⁶ орудий и лазаретные линейки, а сами потеряли 6 человек.

А. Вандам⁷.

Автор рассказывает и о своём личном участии в неудачном штурме Ледисмита и о воздействии продолжительной осады этого города на ход той злосчастной войны:

Письма о Трансваале VIII

Самоуверенность у людей обыкновенно растёт и падает пропорционально их успехам и зачастую в геометрической прогрессии. После победы под Колензо буры начали смотреть на своего противника с нескрываемым высокомерием. Даже у наиболее скромных исчезло всякое сомнение в благополучном исходе кампании. Поэтому на советы некоторых европейских офицеров вместо бесполезной траты снарядов на ежедневную одиночную стрельбу по крепости подвергнуть Ледисмит сильной бомбардировке и затем взять его штурмом буры с неудовольствием отвечали, что они находят неразумным подвергать разрушению город, который потом достанется им же, а штурмовать город по европейской науке они предоставляют **Буллеру**.

Между тем в Претории, откуда, собственно говоря, неза- метно руководили кампанией, чувствовали, что центр тяжести

Буры пьют чай в поле

Смотр бурской команды осаждающей Ледисмит

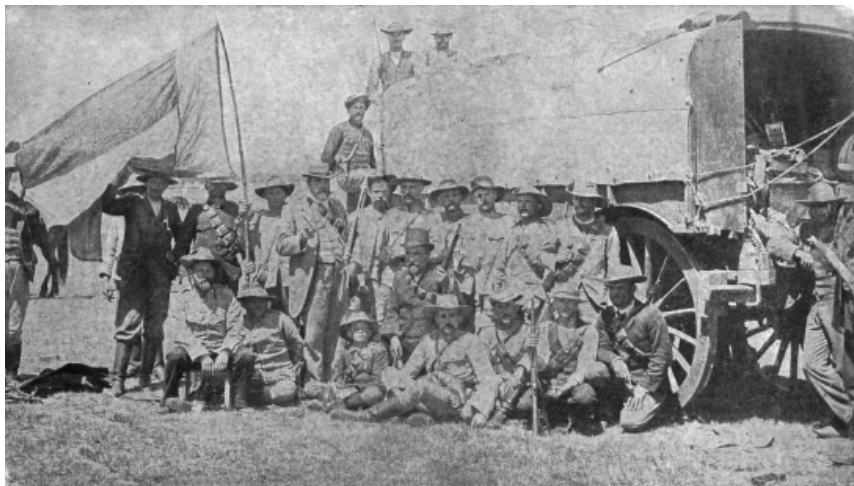
операций переваливает на западный театр. Туда ежедневно прибывали всё новые и новые части войск. Вместе с огромной материальной силой, Англия выдвинула и главный свой моральный ресурс в виде лордов **Робертса** и **Китченера**. Таким образом, по ходу событий восточный театр войны, на котором сосредоточены были главные силы буров, приобретал второстепенное значение, а следовательно, необходимость поскорее разделаться с Ледисмитом, приковавшим к себе почти половину армии, становилась всё более и более очевидной. И вот на военном совете решено было произвести 25 декабря общую атаку Ледисмита. (Военный совет составляют главнокомандующий, генералы и коменданты, начальствующие ополчениями каждого уезда (в мирное время – наши становые приставы⁸). На военном совете (до) предварительного обсуждения вопроса поются псалмы, затем каждый из присутствующих излагает своё мнение. Распоряжения даются устно. Ни карт, ни планов, ни письменных диспозиций нет. При покойном **Жубере** и **Кронье** в совете всегда присутствовали их жёны, голоса которых имели почти решающее значение. Заседание заканчивается пением псалмов.) Распоряжения об атаке были отданы накануне вечером. В этот день я был при Преторийской команде. Около 7 часов вечера после речи пастора⁹ (почти все буры говорят по-английски) и пения псалмов, фельдкорнетом было объявлено нечто вроде диспозиции¹⁰, согласно которой половина команды – 150 человек, назначалась для атаки, другая же половина должна была составить резерв. Атакующей части приказано было ночью занять высохшее русло ручья приблизительно в 1000 шагов от восточных укреплений Ледисмита и с рассветом открыть стрельбу, чтобы привлечь на себя внимание и силы противника и этим облегчить главную атаку оранжевых буров на юго-западную сторону крепости.

Было ещё совершенно темно, когда атакующая часть спустилась с горы и расположилась в промоине. Холодная и сырая мгла окутывала всю местность. Не признавая никаких мер предосторожности и не опасаясь обнаружить своё присутствие, буры закурили трубки... Томительное ожидание тянулось уже

более часа, но вот ярко горевшие звёзды начали мало-помалу бледнеть, и в предрассветном тумане показались вершины гор. Впереди на сероватом фоне неба вырисовывалась уже стена английских укреплений (два редута, соединённые траншеей, – в общем протяжении позиции около 800 шагов). Мёртвая тишина царила повсюду. Вдруг откуда-то издалека, словно тяжёлый протяжный вздох, пронёсся звук орудийного выстрела и эхом раздался по горам. За ним другой, третий, всё чаще и чаще, яснее и яснее, – «так», «так-так-так», «так-так» сухо затрещали **маузеровские** винтовки вперемешку с глухими звуками английского **Ли-Метфорда**. Это оранжевые буры, не дождавшись демонстративной атаки, повели главную. Команда встрепенулась, все посмотрели на ассистента фельдкорнета, но угрюмый старик, всё время молча сидевший с закрытыми глазами, заявил, что он не получил определённых приказаний и поэтому, если бюргеры желают, то они могут атаковать английские укрепления. После минутного совещания решено было наступать. По мокрой от росы траве буры ползком двинулись к железнодорожной насыпи, до которой было около 200 шагов. Дойдя до насыпи, атакующая часть раздалась вправо и влево, и эта жиденькая цепь охотников, и по костюму и по вооружению (винтовки были без штыков, и по всем приёмам, начала подыматься на насыпь. Но лишь только показались головы буров, так моментально по всей линии английских траншей вспыхнули огоньки и рой пуль со свистом и жалобным пением пронзился и взрыл песок, кто-то ахнул, все быстро скатились с насыпи и залегли за камнями, из-за которых сейчас же началась редкая одиночная стрельба. Артиллерия обеих сторон открыла частный огонь и гранаты, злобно шипя, заносились в воздухе, скрещиваясь над головами атакующих. (Помещённой на горе бурской артиллерии всё время пришлось стрелять через головы своих.)

За железнодорожной насыпью местность всё время подымается сначала слабо, потом всё круче и круче, на первых шестистах шагах покрыта довольно высокой травой и усеяна крупными камнями, дававшими хорошее укрытие стрелкам.

Переползая на животе от камня к камню и задерживаясь за каждый из них для стрельбы, наступающие медленно подвигались вперёд. Наступление было начато в 3.1/2 часа, в 7.1/2 часа цепь залегла на последней позиции в 150–200 шагах от укреплений, два человека подползли, однако, к самой стене. Перед атакующими лежало теперь совершенно чистое пространство, все камни были собраны англичанами на постройку траншей. Двигаться дальше было безрассудно. Высокий, более 2 аршин бруствер был с 3-х ярусной обороной. Англичан, судя по огню, было раза в 3 больше, чем буров, в некоторых местах стояли скорострелки (пулемёты). Достаточно было шевельнуться за камнем – и несколько пуль свистело уже мимо ушей; чуть-чуть приподнятая над камнем шляпа тотчас же простреливалась. Начала грозить опасность и от своей артиллерии. Несколько недолетевших шрапнелей дали чересчур близкий разрыв. Кто-то из буров догадался и воткнул палочку с красным платком, указывая этим на опасность; орудия смолкли. Наступил критический момент. Два часа лежали здесь буры, притаясь за камнями, но вот около 10 часов началось медленное отступление, опять ползком на животе с долгими задержками за камнями. Во всё это время команд не подавалось никаких. К двум часам пополудни цепь снова очутилась у железнодорожной насыпи, сзади в некоторых местах виднелись ещё люди, но по большей части в таких позах, которые ясно говорили, что эти люди остались лежать так навсегда. Железнодорожная насыпь прерывается в одном месте рытвиной, через которую перекинут мостик. Отступившие воспользовались этой лазейкой и расположились за насыпью. Дальнейшее отступление должно было происходить снова на открытой местности, опять с подъёмом в гору, поэтому во избежание напрасных потерь решено было дожидаться здесь ночи, хотя ожидание сопряжено было с риском – с наступлением темноты англичане могли сделать вылазку и отрезать эту небольшую кучку людей. Они уже пытались было выдвинуть **максимовское** орудие, чтобы продолжным огнём взять насыпь, но удачно пущенная бурами шрапнель остановила эту попытку.

Бурский лагерь под Ледисмитом

Трапеза буров в полевом лагере

При таких условиях голодным, изнемогавшим от жары, жажды и переживаемых впечатлений людям предстояло сидеть ещё много часов... Время тянулось медленно, солнце как будто остановилось на месте. В разных местах вокруг крепости борьба ещё продолжалась. Пушечная пальба, пересыпаемая иногда грохотом скорострелок, то затихала, то снова разгоралась. Но вот около 5 часов вечера, заглушая все эти звуки, послышался какой-то особенный гул. Незаметно появившаяся чёрная туча быстро двигалась с востока, оттуда уже потянуло приятной свежестью. Через несколько минут волна ветра с силой ударила по горам и, разбитая, закружила вихрями, взрывая песок и прижимая к земле тощие растения. Крупные капли дождя захлестали по камням, и с неба, точно из опрокинутого ушата, хлынул страшный ливень с градом. В трёх шагах нельзя было различить человеческую фигуру.

Эта неожиданная поддержка с неба дала Преторийской команде возможность отступить. Из 150 человек на поле сражения осталось 10, в том числе старик – ассистент фельдкорнет, и те молодые, огромного роста, оба красавцы – буры **Вильмсен** и **Либерскахне**, которые лежали у самой стены, один из них был прострелен двумя пулями в грудь навывлет, другому пуля попала в рот и вышла в затылок.

С другой стороны оранжевые буры смело повели главную атаку и, несмотря на картечный огонь, сбили англичан с позиции и захватили одно орудие, но не поддержанные вовремя, должны были отступить и очистить гору, с вершины которой совершенно ясно открывался уже Ледисмит. В общем, это была первая крупная неудача буров (Эладслаагте буры не считают, так как там были побиты одни только немцы). Они потеряли 163 человека убитыми и ранеными¹¹ (англичане писали 2000) и пришли в сильное смущение от огромности этой потери, хотя, в сущности, надо удивляться, что эта цифра оказалась такой ничтожной, особенно в сравнении с теми крупными ошибками, которые были допущены в распоряжениях.

Буры хотели овладеть Ледисмитом внезапным нападени-

Трансвальские буры на аванпосту. 1900 г.

ем, но по неясности отданных приказаний внезапное нападение обратилось в неподготовленную, а потому неудачную атаку.

Приказания были отданы слишком заблаговременно, и, говорят, что **кафры** успели предупредить англичан о намерениях буров. Затем для атаки назначена была в каждой команде половина людей, другая составляла резерв, но какое назначение имел последний – определить довольно трудно, ибо в бою, даже когда атакующие переживали самый критический момент, люди резерва всё время лежали на своих первоначальных местах и только смотрели, что из этого выйдет.

Не решаясь на вторичный штурм, буры задумали теперь утопить англичан вместе с Ледисмитом и для этого верстах 4-5 ниже города начали строить плотину на реке Занд-ривер. Страшно быстрая горная речка имеет не менее 1/100 падения: при таких условиях, по самым элементарным расчётам, высота плотины должна была быть около 70 аршин, какую же, следовательно, нужно было придать длину и толщину этому сооружению, предназначавшемуся удерживать напор целого моря воды, в котором должны были погибнуть современные фараоны? Буры произвели свои расчёты по Библии¹², а потому плотину прорвало в самом начале.

К этому времени оправившийся после Колензо **Буллер** начинает уже свои знаменитые лобовые атаки на Тутеле. Сначала он поднимается вверх по реке и с высот Звартскопа два дня громит лиддитом незанятые позиции буров, потом у Спионскопа учиняет скандальное побоище своих же войск, затем снова спускается к Колензо и здесь начинает ломиться в дверь, которую ему издаleка уже полуоткрыл **Робертс**. Действия **Буллера** своевременно получили надлежащую оценку. Ко всему сказанному о нём можно прибавить разве только то, что если у буров нерешительность действий происходила иногда из опасения больших потерь, то отныне знаменитый английский генерал не заслуживает в этом отношении ни малейшего упрёка. Во всех странствованиях по Тутеле он как будто бы искал место, где бы удобнее было уложить возможно большее количество своих солдат.

А. Вандам¹³.

Приведём и интересные страницы из книги **Ромейко-Гурко** о знаменитом решении руководителей африканеров перейти к полномасштабной партизанской войне:

Кригсраат, 17 марта 1900 г.,
у города Кронстада

Председательствуют президенты обеих республик; участвуют 22 генерала и офицера союзных войск.

Президент **Крюгер** читает молитву, после чего передаёт слово президенту **Стейну**, но предварительно секретарь читает основное, предлагаемое на обсуждение Кригсраата, положение: англичане заняли Блумфонтейн, коммандо большей частью разбежались; ставится вопрос: каким способом или по какой системе продолжать вести войну?

Президент **Стейн**: Если англичане думают, что, заняв Блумфонтейн, они хозяева положения, то жестоко ошибаются: война лишь теперь начинается. Частью отпущенные, ча-

стью разошедшиеся бюргеры снова возвращаются и уже ко вторнику они будут в состоянии возобновить борьбу; вопрос в том, как её возобновить, должны ли мы снова занимать позиции и на них ожидать противников, или же избрать иной способ борьбы? По моему мнению, это лежание на позициях ныне ни к чему не приводит, раз противник нашёл способ заставлять нас очищать их, не неся при этом особенных потерь. Мы должны всячески стремиться стать ему в тягость; его коммуникационная линия становится всё длиннее, и её мы должны не только тревожить, но и отрезать. Малые, хорошо предводимые команды должны это дело выполнить. Опыт нас научил, что потери врага были гораздо большими, когда мы нападали, нежели какие мы ему причинили, оставаясь неподвижными на позициях за камнями. Поэтому мы должны нападать и не должны больше занимать позиций, мы должны с малыми командами идти повсюду и нападать. Впрочем, я не специалист в военном деле, хотя за эти пять месяцев много изучал этот вопрос, не навязывая своего мнения, я счёл долгом его высказать. Ещё добавлю, что по полученным сведениям, у Англии должны скоро возникнуть затруднения в Европе и, в особенности, в Индии, благодаря России, которая подвигается к Афганистану и к Персидскому заливу. Если мы ещё продержимся 6 недель, Англия, благодаря положению дел в Европе, будет принуждена к заключению мира. Мы должны за это время искусно бороться, но, спрашиваю вас ещё раз, каким образом?

Генерал **Христиан Девет**: Так как противник прошёл через мои позиции, то я беру слово ранее генерал-команданта. Я не мог удержать моих позиций против превосходных сил англичан, они меня из них выманеврировали (*manoenureerden* ту?). Мои силы будут слишком малы, чтобы действовать активно, а поэтому я не мог сделать более того, что я сделал, чтобы освободить генерала **Кронье**, но затем я вполне согласен с президентом, что мы должны нападать, когда к тому представится подходящий случай. Я не стою за осаду Блумфонтейна, хотя мы и могли бы окружить город, но это взяло бы слишком много времени и потребовало слишком много людей.

Генерал **Жубер** заявляет, что он также не стоит за нападения на крепости, ибо для этого надо много войска; поэтому он всегда был против обложения Кимберлея и Мафекинга; он стоит за разрушение неприятельской коммуникационной линии, а если противник займёт сильные позиции, то надо его оттуда выманить и тогда нападать. Я также против занятия сильных позиций, мы только под Колензо, благодаря этому, имели успех, да и то, в конце концов, должны были отойти. Теперь мы должны нападать, но для этого надо отделяться от наших лагерей, наши коммандо должны двигаться с лошадьми, имея при себе дождевой плащ, немного пищи и больше ничего, не ожидать должны мы противника, а высылать вперёд небольшие коммандо с ответственными самостоятельными начальниками и везде, где можно, нападать, тревожить, производить нечаянные нападения. Бюргеры к югу от Блумфонтейна, видя нас действующими, снова приобретут мужество.

Командант (имя неизвестно): Двух вещей я не понимаю – почему всю войну бюргеры никогда не преследовали и почему они непременно хотят иметь камни, чтобы из-за них стрелять. Господь – наше прикрытие; мы должны атаковать в открытом поле и отбирать у англичан их пушки.

Президент **Крюгер** заявляет, что он также против осады Блумфонтейна, и что надо действовать небольшими подвижными колоннами, но, прежде всего, надо войти в связь с командами, которые остались к югу от Блумфонтейна: они могут подумать, что англичане аннексировали всю страну; мы должны им дать верные сведения, это им придаст новое мужество.

Генерал **Деларей** вполне соглашается с предложением президента **Стейна** и командант-генерала и говорит: Наступление большими лагерями нам не удалось, нам это не по силам.

Далее он указывает на громоздкость лагерей: Отступление с большими повозками является причиной бегства людей с позиций, ибо всякому хочется быть при своей повозке. Мы должны иметь конные коммандо с продовольствием и амуницией¹⁴ и больше ничего. Англичане наступают фронтом в два часа (18 вёрст) шириной, мы их не можем встретить таким же фрон-

Бурский генерал Деларей. Справа – русский военный агент подполковник Ромейко-Гурко

том, а поэтому должны стремиться атаковать их во фланги; однако так как теперь команды фристатеров ещё только собираются, а трансваальские команды также захотят получить отпуск, пробыв 5 месяцев в поле, то действовать немедленно не представляется возможным.

Он желает знать, когда можно рассчитывать, что люди снова будут в сборе. **Девет** заявляет, что его люди соберутся через 8 дней. Тогда, говорит генерал **Деларей**, их надо стянуть к Кронстадту и здесь расположить командами силой около 500 человек. Более крупными частями большинство начальников управлять, руководить и повелевать не может.

Генерал **Девет** заявляет, что и он заметил под Попларгровом, что отступление фургонов явилось одной из главных причин бегства бюргеров, поэтому он стоит за оставление их дома. Он сам уже отправил свой вагон (фургон) и предложил то же самое своим людям, временно ушедшим по домам.

Президент **Стейн** предлагает приступить к голосованию, но ещё вставляет слово генерал **Я. Кронье** (Оранжевая Республика). Он говорит, что, по его мнению, каждое коммандо должно держаться вместе. Генерал **Жубер** соглашается, что к дроблению коммандо следует прибегать лишь в крайности, и фельдкорнетов никогда не расчленять, зато надо назначить над каждым 25 человеками капралов, так как это очень удобно для управления, наблюдения и контроля.

Генерал **Девет** поддерживает назначение капралов, но против их избрания: фельдкорнеты уже достаточно должны были изучить своих людей, чтобы определить, кто наиболее храбрый, расторопный и понятливый; этих они и должны назначать.

Президент **Крюгер** находит необходимым оформить это постановлением Кригсраата, которой и решает, что все фельдкорнеты должны назначить капралов над каждым 25 человеками; капралы должны заботиться о снаряжении, продовольствии и вооружении подчинённых им людей, а также руководить и быть ответственными за их действия в бою, они должны следить, чтобы не изводились патроны, команданты должны наблюдать за исполнением сего и составить списки назначенных капралами.

Затем говорит генерал **Девет** и заявляет: Во всех войнах, а равно и в настоящую, случается, что места командантов и генералов занимают люди, совершенно к тому неспособные; я имею в виду не личности, а лишь важность нашего общего дела. Я нахожу, что если какой-либо офицер не исполнил своих обязанностей или находится не на своём месте (на высоте своего признания), то такового следует немедленно устранить, – для этого должен быть учреждён военный совет. Кто своего дела не делает, тот должен нести свою кару; это касается не личности, а дела, и я надеюсь, что если я окажусь не прав, то и меня немедленно отстранят. Он исключает только командант-генерала, ибо он выбран всенародно, и решение Кригсраата не может отменить решения целого народа. Командант-генерал **Жубер** отвечает, что желает быть

службой самого малого, коль скоро последний в состоянии отстаивать независимость обеих республик. В Натале он уже дал право другому (**Луи Бота**) распоряжаться его именем, так как последний, находясь всё время ближе к делам, лучше его способен судить о положении вещей. Но, однако, он всё же с большим удовольствием будет продолжать совместную работу с **Луи Бота**.

Предложение **Девета** сформулировано и принято Кригсраатом в таком виде: генералы, старшие команданты Оранжевой Республики и команданты, которые не исполняют своих обязанностей, а равно вследствие беспечности которых произошли или могли произойти неудачи, должны быть судимы военным советом из семи офицеров.

Далее президент **Крюгер** сообщает телеграмму, полученную от генерала **Бота**, в которой тот спрашивает, как поступать с угольными копиями при отступлении из Наталя? В принципе он, **Бота**, против их уничтожения, ибо они принадлежат владельцам различных наций.

Президент **Стейн** заявляет, что хотя он тоже не стоит за разрушение копий, но уголь составляет военную контрабанду и очень нужен Англии для ведения войны. Кончил он словами: Что касается меня, то я готов сам взорвать половину Оранжевого свободного штата, если я этим добьюсь независимости для моего народа. Президент **Крюгер** говорит, что и он знает, что в копиях заинтересованы многие государства, а поэтому объявил, что уничтожит их, если его страна будет занята противником, в надежде, что эти государства найдут в этом предлог для заступничества.

Командант **Герцог**¹⁵ берёт слово и говорит: Играем ли мы с врагом или ведём с ним войну? Далее он подтверждает, что уголь – это средство для ведения войны, что копи все надо разрушить и что их сохранение есть отступление от исполнения своих обязанностей. Республики ведут войну слишком гуманно, желая во что бы то ни стало доказать, что они высокогуманны; не всё можно доводить до крайности, пускай берут пример с самих англичан.

Почему мы не сжигаем всё, что оставляем за собой, предоставляя это врагу. То, что мы делаем, не гуманность, а слабость.

Далее формулируется постановление Кригсраата и принимается предложение, близко отвечающее предложенным в начале прений президентом **Стейном** и **Деветом**.

Закрывая заседание, президент **Стейн** выразил надежду, что каждый офицер чувствует серьёзность настоящего положения. Заключительные слова его были: Теперь для нас вопрос жизни или смерти – останемся ли самостоятельным, свободным народом или сделаемся рабами, вот перед чем мы стоим. Я сделаю всё, что в моей силе, и мой старший брат (президент **Крюгер**) тоже; на нас вы можете положиться; но я не военный человек, вы же офицеры (то есть люди военные) и вам очень многое доверено, – будущая судьба нашего отечества, ваша награда будет зависть от вашего образа действия; ваше дело очень трудное, Бог да поможет вам. Мы все смертны, но есть ли более славная смерть, как пасть в бою за свой народ и за свою родину, во главе своих бургеров. Бог да защитит вас. Положение очень тяжёлое, но когда ночь всего черней, то рассвет уже недалёк¹⁶.

Приведём и некоторые другие сведения из книги **Ромейко-Гурко**, выпущенной в 1901 г.:

...Вероятное вооружённое столкновение рисовалось бурам не в виде возможных побед над английскими войсками в поле или успешных наступательных действий, а в форме упорной, продолжительной, даже нескончаемой обороны границ и естественных преград, что выражалось в бывшей у всех на устах фразе: «Англичане никогда не пройдут».

Но раз такое вооружённое столкновение является неизбежным, то естественно, что трансваальское правительство предпочитало, чтобы оно начато было ранее, чем Англия вполне к нему подготовится, то есть ранее, чем она наводнит Капскую колонию войсками из метрополии. Это давало Трансваалу два

преимущества – возможность выдвинуть свои вооружённые силы на английскую территорию, где и занять более сильные оборонительные позиции вдоль естественных преград, и больше шансов к тому, чтобы в предстоящей борьбе приняли участие не только Оранжевая Республика, с которой незадолго перед тем заключён был оборонительный союз, но и всё голландское население Капской колонии с так называемым *Africander Bond* во главе.

Надеялись, что эта лига, считавшая в своих рядах всех наиболее влиятельных вождей сепаратистской партии Капской колонии, открыто заявит себя на стороне голландских республик, что приведёт к поголовному восстанию всех африканеров неанглийского происхождения, уже с давних пор принявших своим девизом «Африка для африканцев». В 1881 г. одна из главных, хотя и тщательно скрывааемых, причин уступчивости Англии по отношению к горсти плохо вооружённых фермеров, от которых её войска понесли оскорбительное для всякой регулярной армии поражение, состояла в существовавших в Лондоне опасениях взрыва восстания среди голландского населения Капской колонии. Насколько же это обстоятельство, возникшее в начале кампании 1899 г., изменило бы взаимное соотношение сторон в пользу Южно-Африканских Республик?

Вне всякого сомнения, что если бы надежды, возлагавшиеся на серьёзное восстание в Капской колонии оправдались, то задача Англии сделалась бы в несколько раз более трудновполнимой.

Если в настоящих условиях (книга вышла в 1901 г.) все усилия Англии тщетны в достижении желаемых результатов в этой неравной борьбе, то при развитии партизанских действий в самой колонии, где местность гораздо более способствует ведению таковых, – задача Англии значительно усложнилась бы, так что даже сомнительно, чтобы за год кампании английским войскам удалось бы по южному операционному направлению достигнуть берегов реки Ваала, то есть границ Трансваальской Республики...

Население

Население обеих Южно-Африканских Республик делится на белое, в свою очередь подразделяемое на коренное и пришлое (**кафры**).

Коренное белое население Трансвааля числом около 250 000 (по другим данным, значительно менее 200 000. – *Прим. авт.-сост.*) живёт, преимущественно, разбросанно по своим фермам, причём более зажиточные имеют свои небольшие дома в ближайшем городе, куда они ездят слушать богослужение и за покупками. Но на зиму, когда трава выгорит и скот уже не находит себе корма на выжженных солнцем и засухой полях, большая часть менее зажиточных фермеров перекочевывает из так называемого Hoogveld в Boschveld, то есть с горного плато в более низменные восточные и северные округа. При этом буры живут в палатках или больших крытых фургонах, кочуя с места на место и занимаясь исключительно охотой.

Пришлое население, числом около 150 000 всевозможных национальностей, живёт исключительно в городах, где занимается торговлей или ремёслами.

Чёрное население, числом около миллиона (не считая Свазиленда), делится на городское, где **кафры** могут жить лишь в особо отведённых для них кварталах (исключая состоящих в услужении у белых), и сельское.

Сельское население своих земель не имеет, причём часть его живёт на землях фермеров, за что обязано денежной платой или натуральной повинностью, то есть работой при доме или в поле, а другая, большая часть – на землях, принадлежащих правительству, где оно живёт большими селениями, платя ежегодную подать в размере 10 шиллингов с каждой хижины (богатые **кафры** имеют несколько хижин, обыкновенно по числу жён).

Когда фермер нуждается в **кафра**х для домашних или полевых работ, то обращается к комиссару цветного населения, который переселяет с казённых земель на его ферму **кафров** целыми семьями, но при этом на одной ферме (фермой называется участок земли в 2500 моргов (морг – около полудесятины) и измерялся в прежнее время так, чтобы вокруг участка

Типичная бурская семья с чёрными слугами

можно было объехать в час времени...) не может находиться более пяти семей.

Число сколько-нибудь значительных населённых пунктов в пределах республик ничтожно. Все они, за исключением Претории, Йоханнесбурга, Потchefстрема и Блумфонтейна, имеют менее 6000 жителей, а некоторые состоят лишь из нескольких десятков домов...

Самый населённый город – Йоханнесбург, население коего к началу 1899 г. возросло почти на 100 000, не считая **кафров**, работавших на золотых приисках, но ко времени объявления войны население его сильно убавилось, так как уже с июля месяца англичане стали покидать город, а с начала сентября началась массовая эмиграция. Всего за сентябрь и первую половину октября выехало по железной дороге из Йоханнесбурга 53 000 белых и 78 000 цветнокожих.

Средства страны

До массового наплыва иностранцев, начавшегося с открытием золотых приисков, местное население занималось почти исключительно скотоводством, земледелием же лишь для удовлетворения потребностей местного, весьма редко расселившегося и малочисленного белого населения.

За последние годы, ввиду усилившегося спроса на зерновые продукты со стороны быстро разросшихся городов, земледе-

лие стало развиваться в особенности в Оранжевой Республике и некоторых западных округах Трансвааля, но всё же развитие его не находится в соответствии с увеличением населения, происходящим, главным образом, вследствие иммиграции.

Обрабатывающая промышленность до сих пор стоит на самой низкой степени развития и большая часть её отраслей совершенно отсутствует в стране. Почти все без исключения мануфактурные товары и большая часть пищевых продуктов провозятся или из Европы или из Америки; последние также из Капской колонии. Даже предметы одежды получают в готовом виде из Европы, что отчасти объясняется дороговизной рабочих рук на месте. Зато богатство страны рогатым и мелким скотом неистощимо. Страна богата также всевозможными ископаемыми, но из них, кроме золота, в большом количестве добывается лишь каменный уголь...

Пути сообщения. Грунтовые дороги

На всем пространстве обеих республик, кроме Йоханесбургских золотых приисков, шоссированные дороги существуют только в черте городских поселений.

Грунтовые дороги делятся на большие – шириной в несколько колеи, соединяющие более значительные населённые пункты, и малые, в одну колею, отходящие от больших проезжих дорог к отдельным фермам и нарождающимся городам.

Наконец, в гористых местностях, при движении верхом для сокращения пути пользуются тропами, проложенными в два следа, так как буры имеют обыкновение ездить о двуконь.

Качество дорог находится в прямой зависимости от времени года или, вернее, количества выпадающих дождей. Зимой, в сухое время года, грунтовые дороги, благодаря твёрдости глинистого грунта, ничем не уступают шоссированным (на местных грунтовых дорогах существование колеи неизвестно, так как каждая тяжёлая повозка везётся не менее как семью парами волов, то животные больше утаптывают путь, нежели колёса разбивают его), зато во время периода дождей глинистая почва делается до того липкой и скользкой, что движение становится крайне тяжёлым; сильное же разлитие рек неред-

ко прекращает всякое сообщение, так как мостовые переправы крайне редки. Вообще броды, или, вернее, спуски к ним и подъёмы представляют наибольшее препятствие для колёсного движения; эти уклоны и вызывают необходимость запрягать 14 и более волов в одну повозку, поднимающую от 150 до 200 пудов¹⁷.

Прямое железнодорожное сообщение центральных областей рассматриваемого района с морскими портами было открыто лишь в 1895 г., с окончанием постройки железнодорожной линии Претория–Делагоа-Бау, а к началу военных действий вся сеть железных дорог равнялась: в Трансваале – 1433 километрам, а в Оранжевой Республике – 634 километрам, не считая строящихся и проектированных...

...Всё железные дороги построены в одну узкую колею шириной 3 фута 6 дюймов, с очень крутыми горизонтальными и вертикальными уклонами...

Единственная награда, установленная законом за военные заслуги, состоит в объявлении в правительственных ведомостях имени отличившегося с описанием совершенного подвига, награда, которой бюргеры очень дорожат.

Другим, уже материальным стимулом для непосредственного участия в деле, является узаконенное право на получение определённой части военной добычи – так называемый *Buit*. При этом та военная добыча, которая захвачена у неприятеля с опасностью для жизни или с проявлением личного мужества, всецело принадлежит лицу её захватившему. В обыкновенных же случаях, лишь одна треть добычи делится между людьми, её захватившими, а 2/3 составляют собственность государства. На военную добычу имеют также право вдовы и семьи убитых при её захвате.

Так как в законе совершенно не оговорено, что следует считать военной добычей, то по мнению простых бюргеров, то есть собственно буров, таковой является всякое имущество, принадлежащее противнику или населению, живущему на неприятельской территории, в том случае, если оно покинуло свои жилища на произвол судьбы.

Железнодорожные станции во время англо-бурской войны

Такое представление о военной добыче сложилось у буров оттого, что за последнее время единственные войны, которые они вели, были простые экспедиции против различных **кафрских** племён, предпринимавшиеся с целью репрессалий за какой-либо разбойничий набег с их стороны. Результатом таких экспедиций было наложение контрибуций и притом не деньгами, а имуществом, преимущественно скотом – единственным богатством **кафров**. В этом буры брали лишь пример со своих бывших учителей в культурном развитии, а ныне врагов – англичан.

Пули дум-дум

Нельзя не сказать несколько слов о пулях **дум-дум**, так как обе воюющие стороны обвиняли друг друга в том, что вопреки многократным заверениям, эти пули не будут употребляться, таковые всё же раздавались в войска.

Трансваальское правительство, делая заказы на заграничных фабриках, сделало также заказ пуль **дум-дум**, но в весьма ограниченном размере. Вызвано это было требованием бюргеров, которые заявляли, что они не могут заменять свои старые ружья **Мартини-Генри** (калибра 11,43 мм) на **маузеровские** (калибра 7 мм) ввиду того, что для охоты они не годятся, ибо производят слишком лёгкие раны.

Однако тот небольшой запас патронов с пулями **дум-дум**, который имелся в складах в начале военных действий, не высылался в лагерь. За первые 8 месяцев кампании, если и можно было видеть на ком-нибудь из буров патроны с этими пулями, то исключительно от **Ли-Метфордовских** ружей, то есть отобранных от англичан. Когда же запасы обыкновенных патронов стали приходить к концу, то, естественно, что и разрывные пули были розданы на руки, но можно ли это ставить в вину трансваальскому правительству, когда почти ежедневно оно могло удостовериться, что англичане, несмотря на все свои заверения, продолжают стрелять пулями **дум-дум**. Доказательством этому служили не только захваченные бурами значительные запасы этих пуль, как, например, в лагере у Дунди, в обозе, захваченном у Санас-Поста, но и патроны

с этими пулями, находимые на убитых и пленных англичанах. Так, на моих глазах, в деле 9 июля (1900) у Олифанштейна (в верстах в 50 к юго-востоку от Претории) был снят с убитого английского майора (как известно, английским офицерам взамен холодного оружия даны были карабины, как утверждали для того, чтобы их издали нельзя было отличить от нижних чинов; но надо заметить, что цели это не достигало, ибо издали офицер, скорее, узнавался по движениям (он должен распоряжаться), нежели по вооружению) едущей пехоты патронами с пулями **дум-дум**, но, как всегда, в количестве примерно 10% всего числа патронов, так как стрельба на дальние дистанции пулями **дум-дум** не обладает одинаковой меткостью с обыкновенными.

Меры для поддержания искусства стрельбы

Как видно из вышеизложенного, массовое перевооружение войск союзников произведено было или перед самой кампанией, или даже после начала военных действий. Однако никаких дурных последствий оно не имело. Это объясняется отчасти тем, что часть командо были собраны за несколько недель до открытия военных действий, так что люди имели время ознакомиться с новым ружьём (винтовкой), а главное тем, что буры вообще очень быстро осваиваются со всяким новым огнестрельным оружием, ибо с детства привыкли к обращению с ружьём и у себя в семье имеют возможность ознакомиться с различными системами, начиная с курковых. В сравнительно недавнее прошлое сама жизнь создавала из населения Южной Африки прекрасных стрелков. Говорят, что ещё в конце 80-х гг. (XIX в.) отец, обыкновенно, давал 12-летнему сыну ружьё¹⁸ и три патрона и приказывал принести с охоты козла или антилопу, в 13 лет для этого ему давалось два патрона, а начиная с 14 – всего один. В особенности много охотились буры зимой, когда откочёвывали в низменные округа. Целые дни проводили они там на охоте за дичью и дикими зверями, на охоте же устраивались и состязания в стрельбе. Но за последние годы чума и суровые зимы уменьшили количество дичи, вследствие чего правительство нашло нужным уже

с 1890 г. принять меры к поддержанию в населении искусства меткой стрельбы. Одновременно было признано необходимым обязать местную администрацию два раза в год удостоверяться в том, что бюргер имеет налицо полученное, хотя бы за деньги ружьё и неприкосновенный запас патронов, и постановило ассигновать ежегодно 3000 фунтов стерлингов (а с 1896 г. – 6000 фунтов стерлингов) на призы за стрельбу, которые и распределять по уездам соответственно числу лиц, обязанных службой в ополчении. Состязания в стрельбе происходили два раза в год, в дни, когда собирали бюргеров для проверки исправности и наличности ружей и патронов.

Независимо от этого правительство поощряло образование стрелковых обществ, которые были основаны почти в каждом округе. Между прочим, членам обществ уступали из правительственных пороховых магазинов патроны по заготовительной цене.

Члены стрелковых обществ обыкновенно собирались на состязания раз или два раза в неделю, причём стрельба производилась не по мишеням, а по возможности разнообразным местным предметам с измеренных и неизмеренных расстояний; в первом случае обычным расстоянием для стрельбы было 300 и 1000 шагов.

Чтобы дать понятие о развитии стрельбы в стране достаточно указать, что по отчёту командант-генерала за 1894 г., за один этот год из пороховых магазинов населению продано более 1500 тысяч патронов. Это равносильно тому, как если бы в России их ежегодно продавалось 1200 миллионов.

Снаряжение ополченцев было весьма несложно и совершенно произвольно. Состояло оно из патронташа, носимого через плечо (некоторые носили их крест-накрест); наиболее употребительный состоял из кожаного ремня или парусиновой полосы, на которые нашиты гнезда с застегивающимися клапанами; в каждое гнездо помещается одна или две пачки с патронами; всех гнезд от 12 до 16 (в зависимости от роста), следовательно, каждый стрелок может носить на себе от 60 до 80 патронов или двойное количество, если гнезда вмещают по две

пачки; то же достигается при носке двух патронташей. Кроме того, большая часть людей, отправляясь на передовые линии, набирали патронов в карманы верхнего платья.

Другую часть снаряжения составляла баклага для воды – жестяная, обшитая войлоком (при намачивании войлока испаряющаяся вода освежает воду). С течением времени почти все буры обзавелись флягами, отобранными у английских пленных или убитых. Многие буры носили баклаги притороченными к седлу, а не через плечо.

Все люди имели при себе байковые¹⁹ одеяла. При передвижении верхом оно приторачивается к седлу, а при отправлении на позиции в траншеи – несётся на руке. Таким же способом носились пальто или непромокаемый плащ. Ещё одним предметом одеяния простого бура был вязаный шерстяной шарф, им он обвязывал шею, а ночуя в поле, повязывал голову.

К этому надо прибавить, что не только у всех офицеров, но и у многих простых ополченцев имелись бинокли или старые подозрные трубы, которыми они очень дорожили.

Снаряжение конское

Снаряжение лошади состояло из седла английского образца, по большей части без потника²⁰, (несмотря на это, побитые лошади встречались сравнительно редко) и без кобур.

Буры предпочитают возить всё необходимое для похода в повозках лагерного обоза, а в случае оставления таковых позади, перекидывают через седло пару перемётных парусиновых сум, куда укладывается немного запасного белья и продовольствия, или же имеют при себе заводную лошадь с вьюком. Запас продовольствия состоит из кофе, сахара, соли и вяленого мяса, так называемый biltong (мясо режется на длинные куски, солится, потом сушится и выветривается на солнце и на ветру. Пища получается вкусная и не портящаяся; естся в сыром виде, следовательно, не требует разведения огня). К седлу, кроме баклаги с водой, приторачивается кружка (железная, эмалированная), а отправляясь в дальний путь – железный чайник.

Все буры ездят на мундштуках²¹, при том нередко без трен-

зельных²² поводьев. Под мундштуком недоуздок²³ с чумбурным поводом, который при выпускании лошадей на подножный корм коротко привязывается к ноге лошади выше колена.

Так как лошадей не принято чистить, а питаются они подножным кормом, то лошадь, собственно для себя, ничего на седле не везёт.

Никакого шанцевого (сапёрного) инструмента ни один бур ни за что на седло не возьмёт, да и приторочить его было бы трудно, так как бывший в употреблении инструмент состоял из тяжёлых лопат и кирок, совершенно не приспособленных для возки на седле.

Обоз лагерный

Обоз, находившийся при войсках союзников, подразделялся на две категории – лагерный или личный, и комиссарский или правительственный.

Назначение первого состояло в перевозке непосредственно за ополченскими коммандо всего необходимого в лагерной жизни, как-то: палаток, приспособлений для варки пищи, орудий для устройства лагеря, состоявших из лопат, кирок, топоров и тому подобного (эти же инструменты служили для возведения полевых укреплений, запасной одежды, фуража для лошадей и даже запаса дров, так как горючие материалы в стране составляют редкость).

Повозки лагерного обоза составляли собственность ополченцев, как упомянуто выше, люди соединялись по добровольному соглашению в группы от 6 до 10 человек и сообщая снаряжали повозку и всё имущество, перевозившееся в ней. Запрягалась она обыкновенно 14 волами...

Обоз комиссариатский

Комиссариатский обоз состоял исключительно из тяжёлых фургонных, подымавших от 150 до 180 пудов, запряжённых 7-8 парами волов или 10-13 мулами. Повозки эти были частью куплены, частью собраны реквизиционным способом – по местному выражению, «командированы», преимущественно от необязанных или освобождённых от службы в войсках. При каждой повозке находилось не менее двух **кафров** (один правит,

другой погоняет длинным бичом), также командированных, то есть призванных в войска для исполнения нестроевых должностей. Назначение этого обоза состояло в доставлении в лагерь из комиссарских складов, обыкновенно устраивавшихся у ближайших железнодорожных станций, всего необходимого для войск. Установленной нормы или правильной организации для этого обоза не существовало; к каждому комиссариатскому магазину придавалось некоторое количество фургонов в зависимости от удаления и численного состава обслуживаемых лагерей. Так, например, в Клерксдорпе (конечная железнодорожная станция западной линии), откуда отправлялись все войсковые тяжести к войскам, оборонявшим нижнее течение реки Вааля у Фортинстримз, при комиссариате имелось около 120 фургонов. Пробег 230 вёрст между конечными пунктами совершался в оба конца в 14–15 дней.

Подвоз от комиссариатских складов к лагерям производился или по требованию заведовавших малыми комиссариатскими складами, бывшими при лагерях, или по требованию войсковых начальников.

Повозки отправлялись или по одиночке, как, например, в случае спешного требования боевых припасов, и в таком случае на мулах, которые, совершая передвижения, на рысях движутся значительно быстрее волов, или группами по десять повозок...

...Тем не менее нельзя не отметить того факта, что ополченские части нередко проявляли необыкновенную дисциплину огня, которая выражалась в том, что буры давали подойти противнику на сравнительно близкое расстояние, не отвечая на его огонь и не обнаруживая себя выстрелами. Это вытекало из сознания, что преждевременное обнаружение своего месторасположения привлечёт на них огонь численно превосходящей артиллерии противника, а равно являлось последствием понимания обстановки и сознания тех выгод, которые можно извлечь впоследствии из силы и меткости ружейного огня, если дать противнику подойти на близкое расстояние к стрелковым цепям. В данном случае, в людях говорило чутьё охотника, за-

лѣгшего на пути следования зверя и до тех пор не стреляющего, пока зверь, почуяв его, не остановится. Вообще инстинкты охотников оказали бурам немало услуг в их боевой деятельности. Люди, выучившись стрелять на охоте, то есть исключительно боевыми патронами, естественно, приобрели навык никогда не пускать пуль на ветер, чему так способствует и причает манѣврнная стрельба холостыми патронами. С малых лет бур привык к мысли, что выпущенная пуля должна для кого-нибудь предназначаться, а посему приучился прежде всего оценивать расстояние до земли, следовательно, устанавливать прицел. Бур, находясь на позиции, или совершенно не стреляет, если считает, что высматривание цели сопряжено с чересчур большим риском, или же стреляет, тщательно прицеливаясь, по какой-либо ясно видимой цели. В стрелковых цепях можно было слышать следующие замечания, обращѣнные к ближайшим соседям: «Смотрите, не стреляйте в лошадей, а только всадников...»²⁴

Приведѣм и некоторые выводы **Ромейко-Гурко** об эффективности различных видов оружия, задействованных в ту войну.

IV.

Пользование орудиями крупных калибров в полевой войне

Ничтожное число орудий, которыми располагали оба противника ко времени открытия военных действий, заставило буров придать войскам, действовавшим в поле, крепостные орудия, предназначавшиеся для обороны города Претории, а англичан – морские орудия, снятые с судов и поставленные на импровизированные лафеты.

С некоторой вероятностью можно предположить, что в будущих войнах орудия крупных калибров появятся не только при осаде крепостей, но и на полях сражений. Применение их в последнем случае несѣт в себе и положительные и отрицатель-

ные стороны, а посему лишь каждый отдельный случай должен определить, представляется ли целесообразным их применение в зависимости от характера театра военных действий и противника.

К числу отрицательных сторон, сопряжённых с применением тяжёлых орудий в поле, приходится причислить их громоздкость и затруднительность перевозки по грунтовым дорогам, а также вытекающую из той же причины трудность питания их снарядами. Наконец, трудность наблюдения за падением снарядов при стрельбе на большие дистанции вызывает желательность выставления наблюдателей, соединённых с батареей световыми или электрическими аппаратами, что, очевидно, усложняет стрельбу.

Положительные результаты, которые можно извлечь от применения орудий крупных калибров, у коих дальность полёта снарядов достигает восьми и более вёрст, состоят в следующем: орудия располагаются вне сферы ружейного и артиллерийского (из полевых орудий) огня, что значительно облегчает их действие; огонь этих орудий принудит противника начать перестроение их походного порядка в боевой ещё ранее, нежели это является необходимым ныне, расположение и передвижение резервов в сфере огня этих орудий будет находиться в прямой зависимости от топографических условий местности, то есть от имеющихся закрытий на ней, что, очевидно, замедлит и усложнит наступление и управление боевым порядком; наконец, нельзя не считаться с тем обстоятельством, что сила разрушения снарядов и способность поражения живых целей у орудий крупных калибров значительно большая.

В последнем отношении, то есть в смысле поражения живых целей, орудия, применявшиеся с обеих воюющих сторон, оставляли желать многого. Снаряды английских орудий, снятых с судов, и, следовательно, предназначенных главным образом для иных целей, рвались на очень малое число кусков, и поэтому давали мало поражений; шрапнелью же из них, по-видимому, совершенно не стреляли. Что касается бывших в употреблении трансваальцев 155-миллиметровых орудий **Крезо**, то предназна-

ченные для них шрапнели, по несовершенству конструкций дистанционной части, почти никогда не рвались.

Применение скорострельных орудий малых калибров

Во многих боевых столкновениях англо-бурской войны большую роль и существенную пользу обеим сторонам оказали 37-миллиметровые скорострельные орудия **Виккерс-Норденфельда**, так называемые **Vom-maxim**, то есть гранатные пулемёты. В начале кампании они имелись лишь в войсках союзников, но англичане, испытав на себе действие этих орудий, немедленно сделали большой заказ их, и уже в половине марта они появились на полях сражений среди английских войск. Впрочем, действие этих орудий было более моральное, нежели материальное, ибо снаряды их по своим размерам, и быть может и по несовершенству конструкции, рвались на весьма малое число поражающих осколков. Между тем по своей конструкции, по характеру огня, по лёгкости, по быстроте пристрелки, эти орудия, казалось бы, всего более подходят как для действия по кавалерии, так и для сопровождения конных частей, нисколько не связывая подвижности их. При стрельбе по быстродвижущейся кавалерийской части является возможность, не прекращая стрельбы, изменять наклон орудия, наблюдая за падением снарядов, так что действие этих орудий можно сравнить с действием водяной струи.

Если бурам, а также англичанам, редко приходилось именно таким способом пользоваться действием этих орудий, то лишь вследствие того, что совершенно достаточно было десятка удачно попавших снарядов среди сколько-нибудь скученных пеших или конных людей, чтобы они бросились врассыпную, не представляя более достаточно подходящей цели для поражения из орудий малого калибра.

Однако ранее, чем решить, могут ли подобного типа орудия быть применены на европейских театрах, необходимо определять, несут ли их снаряды настолько сильный разрыв-

ной заряд, чтобы даже углубившись в мягкую почву сообщить своим осколкам достаточную живую силу, чтобы вывести человека из строя. В этом отношении южноафриканский театр военных действий находится в особых условиях, так как почва его состоит или из обломков камней и скал – как, например, по склонам большей части холмов, где эти снаряды часто рикошетировали и рвались на воздухе, или из твёрдой глины, перемешанной с камнями; если же снаряд случайно попадал в болотистую почву, то получался камуфлет²⁵.

V. Пулемёты

Пулемёты различных систем и калибров, установленные как на колёсах, так и на треножных стойках, перевозившиеся во вьюках или на обыкновенных подводах (телегах), за время войны Англии с Южно-Африканскими Республиками получили довольно большое распространение, но результаты их применения были, по большей части, ничтожны, что однако не даёт ещё права, делать заключение о малой их пригодности для европейских армий. Ничтожность получившихся результатов скорее объясняется невыгодно складывавшейся обстановкой для их успешного применения.

Войска буров представляли из себя и в пешем и в конном строю. Если этим термином можно наименовать способ их расположения на месте и в движении – слишком редкую цель для того чтобы стрельба из пулемётов могла быть действительной. Что же касается противной стороны, то весьма вероятно, что не исключительно меткий огонь буров, но и действие пулемётов заставило англичан вскоре после начала кампании отказываться от применения в сфере действительного ружейного огня, сомкнутых и даже разомкнутых строев.

Начиная с июля месяца (1900 г.) буры уже редко применяли пулемёты по недостатку патронов.

Ввиду своей лёгкости, пулемёты новейших систем, как колёсные, так и станковые, по-видимому, могут быть признаны

вполне пригодными не только для усиления огня пехоты, но и для придания драгунским частям в тех случаях, когда представляется необходимым увеличить их обороноспособность...

Приложение № 3

Состав артиллерии ЮАР

Число орудий	Калибр в мм	Какой фабрики	Описание системы
4	150 (155)	Крез Шнейдер	Крепостное орудие затвор поршневой. Компрессор гидравлический. Установка на платформе. Клинья под колёсами. Порох дымный. Снаряд не унитарный
4	120	Круппа	Гаубица ²⁶ . Затвор поршневой. Компрессоры по сторонам тела орудий. Порох бездымный. Снаряд унитарный.
1	150	Круппа	Крепостная гаубица. Заряжается с дула. Порох дымный. (Оставлена в Йоханнесбургском форту, не была в употреблении.)
1	155	?	Мортира ²⁷ . Заряжается с дула. Снаряд сферический. (Не была в употреблении.)
6	75	Крез Шнейдер	Полевое орудие. Скорострельная с компрессорами и сошником ²⁸ . Затвор поршневой. Порох бездымный. Снаряд унитарный.
8	75	Круппа отп 1896	Полевые орудия. Поршневой затвор. Лафет без компрессора, с сошником. Порох бездымный. Снаряд унитарный.
4	75	Виккерс- Норденфельд	Полевые орудия. Скорострельные. Компрессор и сошник. Затвор поршневой. Порох бездымный. Снаряд унитарный.

Число орудий	Калибр в мм	Какой фабрики	Описание системы
12	37	Виккерс-Норденфельд	Гранатная Максима . Скорострельная, около 150 выстрелов в минуту. Тело орудия помещено в гидравлическом компрессоре. Безоткатная. Унитарный снаряд подаётся на парусинной ленте, автоматически.
4	37	Круппа	Гранатная Максима . Скорострельная без отказа. Однозарядная (употреблялась для определения расстояния эмпирическим (опытным) способом).
10	10 (11,43)	Мартини-Генри (Максим)	Пулемёт. Пуля в никелевой оболочке. Порох дымный, но впоследствии патроны перенаряжены на бездымный. Подача патронов на ленте.
11	7	Ли-Метфорд (Максим)	Пулемёт. Пуля в никелевой оболочке. Порох бездымный. Патроны на ленте. На колёсах и треногах.
44 орудия	21 пулемёт		

Приложение № 4

**Запас артиллерийских снарядов
перед открытием военных действий**

Наименование орудий	Калибр в мм	Гранат	Шрапнелей	Картечей
Крепостное Крезо	155	3940	398	795
Полевая гаубица Круппа	120	{1745 (снаряды со стальной головной частью) {1100	1114	

Наименование орудий	Калибр в мм	Гранат	Шрапнелей	Картечей
Полевое Крезо	75	4946	5576	486
Полевое Круппа	75	3402	1966	232
Полевое Норденфельда	75	1977	370	136
Итого		17265	13005	1651
Скорострельное (лен- точное) Виккерс- Норденфельда	37	{34142 {12169		
Скорострельное Круппа	37	3614		
Итого		49925		49
Всего		67164	13005	1700

(Запас к пулемётам)	Патронов
Пулемёты Мартини-Генри ²⁹	1881176
Пулемёты Ли-Метфорд ³⁰	1576100
Итого	3457276
Всего артиллерийских снарядов	
Для орудий крупных калибров	31880
Для орудий мелких калибров	49974
На каждое орудие крупного калибра по	1138
На каждое орудие мелкого калибра по	3123
На каждый пулемёт патронов	164632

**Запас артиллерийских снарядов к 1 августа (1900 г.)
на складе в Машадодорпе**

Наименование орудий	Калибр в мм	Гранат	Шрапнелей	Картечей
Крепостное Крезо	155	360	2000	300

Наименование орудий	Калибр в мм	Гранат	Шрапнелей	Картечей
Полевое Крезо			300	
Полевое Круппа	75	300	160	69
Скорострельное Виккерс-Норденфельда	37	800		
Скорострельное Круппа	37	650		
Итого		2310	2460	369

Пулемёты	Патронов
Мартини-Генри	90 000
Ли-Метфорд	100 000

Приложение № 6.

Состав артиллерии Оранжевой Республики

Число орудий	Калибр	Какой фабрики	Описание системы
14	75		Полевые орудия образца 1892 г. Поршневого затвор. Порох дымный. Снаряд не унитарный.
6	6 фунтов	?	Горные орудия
3	3 фунта	?	Горные орудия
1	37 миллиметров	Круппа	Гранатная Максима , скорострельное, однозарядное. Унитарный заряд, бездымный порох
3	10 [7.7] миллиметров ³¹	Ли-Метфорд	пулемёты

Приложение № 7.

Денежное содержание чинов полиции

Наименование чинов	Содержание в год в фунтах стерлингов
Комиссар	1000
Командант	от 450 до 650
1-й лейтенант	от 350 до 450
2-й лейтенант	350
Инспектор	300
Суб-Инспектор	200
Старший вахмистр ³²	300
Вахмистр	от 260 до 275
Сержант	190
Конный полицейский белый	от 250 до 265
Пеший полицейский, белый	от 160 до 175
Пеший полицейский кафр	от 40 до 50 ³³ .

Приведём и другие данные **Ромейко-Гурко** об особенностях театра войны.

Укрепление позиций и укрытия от навесного огня

В тот период кампании, когда буры основывали успех исключительно на оборонительной силе занятых ими позиций, они прилагали все старания к тому, чтобы при помощи искусственных сооружений усилить их обороноспособность. При этом самое распространённое, почти даже единственное очертание, которое они придавали своим полевым укреплениям, состояло из довольно глубоких траншей с совершенно отвесными скатами, в которых вырывались ниши для помещения патронов и лагерного имущества, причём в некоторых случаях эти ниши делались таких размеров, чтобы люди могли в них помещаться и находить укрытие от навесного шрапнельного огня, земля, выбрасывавшаяся при вырывании траншей, вы-

Частично разрушенные бурские полевые позиции на Питерс-Хил. 1900 г.

кидывалась для насыпки бруствера, а так как большая часть холмов Южно-африканского плато представляет из себя смесь твёрдой глины с обломками плитняка или булыжника, то это давало возможность употреблять эти камни для одежды внутренней отлогости бруствера. Твёрдость почвы в соединении с каменной одеждой позволяли не оставлять бермы³⁴. Если гребень бруствера возвышался над подошвой траншей более чем на средний рост человека, то для помещения стрелка выдавливался в наружной крутости рва особый приступ. Некоторые стрелки устраивали себе из камней, а при возможности, из земляных мешков – бойницы. Когда позиция занималась на холмах, коих вершины и склоны сплошь завалены обломками скал и камней, то поневоле приходилось пользоваться сими последними для возведения укрытий от выстрелов, причём, если представлялась возможность, люди углублялись в землю, а в противном случае складывали каменные стрелки, с боков же,

для защиты от косых выстрелов, – небольшие траверсы. В этих случаях для орудий старались найти какое-нибудь укрытое, замаскированное место между более крупными обломками скал, к которым, если позиция занималась заблаговременно, представлялись земляные мешки. Из земляных мешков возводили также укрытия для орудий небольших калибров...

Кроме сооружений, служивших для укрытия стрелков и орудий, бурами устраивались, хотя в редких случаях, как, например, вокруг Ледисмита, Кимберлея и Мафекинга, искусственные препятствия, которые состояли исключительно из колючей проволоки, в беспорядке большими кольцами разбросанной в нескольких десятках шагов впереди траншей, в высокой траве или между обломками скал; способ этот применён был впервые после двух удачных ночных вылазок, предпринятых гарнизоном Ледисмита 11 декабря.

За линией траншей, на скате холма, обращённого к стороне противоположной противнику, буры иной раз возводили нечто вроде земляных навесов из железных листьев, на которые наваливались обломки камней. Эти постройки давали довольно надёжное укрытие от осколков гранат и шрапнельных пуль (довольно часто наблюдалось, что при высоком разрыве шрапнелей, пули, достигая поверхности земли, уже не обладали достаточной живой силой для причинения ран), одновременно с этим служа защитой от тропических ливней.

Применение окопов к местности далеко не всегда было удачно, так как перед ними очень часто получалось довольно обширное мёртвое пространство. Происходило это от желания иметь безопасное сообщение с тылом, где располагались лошади, вследствие чего траншеи возводились на самом гребне холма, и если склон, обращённый к противнику, давал перегиб, то есть по мере спуска становился более крупным, то часть склона ниже этого перегиба, вплоть до подошвы, оставалась в мёртвом пространстве. Возводились укрепления по большей части самими бурами, и лишь в некоторых случаях им помогали **кафры**, исполнявшие нестроевые обязанности при обозе, и то лишь в тех случаях, когда не было опасности от огня против-

ника. Каменные стенки складывались руками, а траншеи вырывались всевозможными инструментами, какие только можно было найти при повозках лагерного обоза.

С того времени как союзники принципиально решили изменить способ войны, возведение укреплений было почти совершенно прекращено. Даже в тех случаях, когда позиции избирались и занимались заблаговременно, с намерением отстоять их при наступлении противника, довольствовались в виде закрытий обломками скал – к тому же в то время при бурях не было шанцевого инструмента для производства земляных работ, вместе с тяжёлыми фургонами он был возвращён на фермы...³⁵

Ромейко-Гурко так характеризовал некоторых выдающихся деятелей бурских республик:

Личность старика президента Трансваальской Республики достаточно обрисована его общеизвестной и политической деятельностью, чтобы стоило подробно на ней останавливаться. Принадлежа к поколению, которое выросло и воспиталось в то время, когда в стране не было возможности получить хотя бы элементарное образование, когда Трансвааль по справедливости можно было назвать бурской, то есть крестьянской республикой, весьма естественно, что всё образование Крюгера ограничилось умением читать и писать. Единственная книга, на которой воспитался его ум, по которой сложилась его житейская мудрость, это – Новый и Старый Завет. Лишь благодаря недюжинному природному уму, сметке и здравому смыслу, мог он восполнить недостаток или, вернее, отсутствие образования. Предпринятое им в начале 1880-х гг. путешествие по Европе несколько расширило его умственный кругозор.

Громадная популярность, которой **Крюгер** пользуется среди большей части своих бюргеров, является следствием признания его одним из главных деятелей восстания 1880–1881 гг. и виновником последовавшего затем признания Англией в 1884 г. полной независимости республики. Популярность его

основана ещё на том, что его считают самым ярким и убеждённым противником мирного экономического завоевания страны иностранцами, главным образом англичанами, и надёжным защитником национальных интересов. Соединяя с природным умом необыкновенную силу воли и настойчивость, хотя, быть может, несколько пассивную, он бесспорно является выдающейся личностью, в особенности принимая во внимание недостаток образования; одна из отличительных черт его характера – это глубокая религиозность и искренняя вера в божественное предопределение. Чтобы влиять на своих сограждан он старается, главным образом, действовать на их религиозное чувство. Основная цель, которую он себе поставил, это сохранение страны и её богатств для того народа, который первым расселился на нынешней территории Трансвааля и утвердился на ней ценой тяжёлых жертв, после ожесточённой борьбы с **кафрскими** племенами, вместе со своим народом он искренне верует, что найденные в стране золотоносные земли являются Божьим даром в награду и утешение за их многострадальное прошлое. Сознывая вместе с тем, что в настоящую минуту буры не обладают ни достаточными капиталами, ни достаточными научными и техническими познаниями для того, чтобы самим, без помощи иностранцев эксплуатировать естественные богатства страны, он прилагает все старания к тому, чтобы скорее задержать слишком быстрое развитие добывающей промышленности края, дабы молодое подрастающее и учащееся поколение буров могло бы со временем принять более деятельное участие в разработке этих естественных богатств, которые к тому ж не считаются неисчерпаемыми³⁶.

Когда удача постепенно стала переходить к великобританским войскам, то военным представителям зарубежных стран непосредственно на местах недавних сражений стало значительно легче получать сведения о происшедших операциях. Но для этого, как и прежде, приходилось полагаться лишь на личные знакомства.

В этом смысле показательно очередное донесение полковника **Стаховича** из занятой англичанами столицы Оранжевого Свободного Государства – города Блумфонтейна. Оно, на наш взгляд, заслуживает обильного цитирования, поскольку рассказывает о пленении британскими войсками отряда генерала **Кронье** и о некоторых других, самых чувствительных за всю англо-бурскую войну, поражениях войск африканеров:

Прежде всего я должен доложить о причинах, почему я не мог до сего времени представить описание операции, закончившейся почти месяц тому назад. Для этого необходимо сказать несколько слов о той обстановке, в отношении получения потребного нам материала и сведений в которой мы находились во время похода и по прибытии в Блумфонтейн.

Хотя мы и были прикомандированы к главной квартире главнокомандующего, тем не менее общение с лицами, от которых мы могли бы добывать нужные нам сведения, нам было весьма затруднено. Нас всё время старались держать в стороне: на бивуаках располагали вдали от штаба, а на походе нас просили от имени главнокомандующего не следовать в его свите. Всё, что нам нужно, предлагали спрашивать через состоящего при нас полковника лорда **Дауна**.

Нужно сказать, что для указанной цели нельзя было сделать менее удачного выбора. Лорд **Даун** – человек слишком высокого общественного положения (член палаты лордов, миллионер) и слишком пожилой, чтобы заведовать нашими походными удобствами и заниматься довольно сложным делом добычи нам нужных справок. Уровень его военного образования тоже не соответствовал тому делу, которое ему было поручено. Словом через него мы не получали почти никаких сведений. Мало того, мы не могли даже добиться от него, чтобы нам сообщали то, что будет происходить на другой день, куда нам следует ехать, дабы не пропустить чего-либо интересного (корреспондентов газет всегда заранее предупреждали обо всём, что

готовилось). За всё время похода нам не сообщили ни одного приказа по армии, ни одной диспозиции.

Всё приходилось добывать самому, целый день разъезжать (из боязни что-либо упустить), расспрашивать, клянчить сведения у людей, которые вовсе не были обязаны нам отвечать, да к тому же большей частью весьма занятых.

Единственно, что отчасти облегчало нашу работу – это то, что большинство военных агентов были между собой в отличных отношениях и охотно делились добытыми сведениями.

Во время операций я старался сделать возможно больше наблюдений, всё записывал, но составить себе достаточно полную картину общих действий по отрывочным личным наблюдениям и добытым сведениям представлялось невозможным.

Только после нескольких дней по прибытии в Блумфонтейн можно было хотя отчасти восполнить пробелы. Но опять-таки приходилось действовать самому, а не через лорда **Дауна**, утилизировать (использовать – *Прим. авт.-сост.*) сделанные во время похода знакомства, пользоваться личной любезностью лиц, к которым приходилось обращаться за справками. Меньше всего сведений нам удалось получить из главной квартиры, откуда, казалось бы, естественнее всего было бы их ожидать.

Следует указать ещё на одно неблагоприятное обстоятельство: войска не ведут полных дневников военных событий и не собирают документальных данных, поэтому приходилось в большинстве случаев пользоваться отрывочными, часто противоречивыми сведениями и проверять один и тот же факт распросом нескольких лиц, то есть терять много времени.

Вот почему потребовался почти месяц для составления представляемого при сём описания.

Описание операций фельдмаршала лорда Робертса с 11 февраля по 13 марта 1900 г.

I. Подготовительные меры

Новый главнокомандующий, лорд **Робертс**, прибыл в Каптаун 10 января (все числа показаны по новому стилю). Предпринять немедленно что-либо решительное он не имел возможности по двум причинам: 1) в его распоряжении не

было свободных сил; все подкрепления, прибывшие в Южную Африку во второй половине декабря и начале января, были направляемы частью (меньшая) к лорду **Метуэну**, положение которого после поражения под Маггерсфонтейном (12 декабря) признавалось весьма серьёзным, частью же (5-я дивизия с её артиллерией и сверх того ещё три батареи) – в Наталь для вторичной попытки освободить Ледисмит. Дальнейшие же подкрепления из Англии, то есть 6-я дивизия, в половине января только начали прибывать в Каптаун. 2) Требовалась значительная организационная работа: необходимо было собрать и устроить большое количество перевозочных средств, так как первоначально обоз был рассчитан всего на один корпус (4 дивизии); кроме того, надо было привести хоть в некоторый порядок организацию высших тактических единиц, потому что прибывавшие из Англии части без всякой системы, отдельными батальонами посылаются на различные театры войны, где в них в данную минуту чувствовалась надобность, причём не обращалось никакого внимания на принадлежность их к известным дивизиям или бригадам. Таким образом, импровизированная перед войной организация была вполне нарушена.

Беспорядок в организационных работах, найденный лордом **Робертсом** по его прибытии к армии, показывает, что отъезд главнокомандующего (генерала **Буллера**) из центрального пункта управления всеми операциями (Каптауна) и сосредоточение всего его внимания на сравнительно второстепенном театре действий, как видно, имел свои вредные последствия.

На сосредоточение сил и организационные работы употреблено было ровно месяц, так что 11 февраля новый главнокомандующий начал операцию, имевшую своим последствием освобождение от осады Кимберлея, пленение большей части сил **Кронье** и занятие столицы Оранжевой Республики.

Выбор операционного направления

Неудача всех предшествующих действий в достаточной мере указывала, что англичанам необходимо было взять инициативу действий в свои руки, предпринять что-либо решительное. Результат расходования сил по частям на усиление от-

рядов, имевших назначение освободить два осаждённых города, показал, что этим путём достигнуть ничего нельзя.

Многое заставляло думать, что для наступательных действий будет избрано операционное направление Колесберг–Новальскс–понт–Блумфонтейн, то есть план кампании, выработанный ещё до начала войны. Доказательством того, что лорд **Робертс** имел в виду именно этот план, служил факт, что генерал **Френч**, долгое время бездействовавший около Колесберга, 23 января произвёл рекогносцировку в этом направлении (о результате её генерал **Френч** приезжал в Каптаун 25 января лично докладывать главнокомандующему). Об этом деле газеты умалчали, но мне точно известно, что оно имело серьёзные цели. Встречено было упорное сопротивление, по которому можно было заключить, что форсирование здесь Оранжевой реки будет делом нелёгким, потому что местность способствовала упорной борьбе и буры упорно занимали укреплённые позиции.

Боязнь новой неудачи, видимо, заставила лорда **Робертса** отказаться от этого удобного (выгоды его заключались в том, что это был кратчайший путь к столице одного из противников и наступление шло всё время вдоль железной дороги) операционного направления и искать пути, где можно было ожидать встретить меньшее сопротивление.

Решают сосредоточить к Граспану и Энслину возможно больше сил, оставив на Моддер-реке, у Колесберга и Стромберга самые незначительные, необходимые лишь для оборонительных действий силы.

Первоначальной целью операции ставится освобождение Кимберлея и действия против отряда **Кронье**.

Для выполнения вышеуказанной цели выбор операционного направления Энслин–Рамдам–Ватерфальдрифт–Вегдрайдрифт–Клипдрифт–Кимберлей надо признать чрезвычайно удачным. Выгоды его следующие:

- 1) Местность весьма удобна для наступления и неблагоприятна для обороны: вдоль по течению Риет и Моддер-ривер, до Якобсдаля и Браудсрифта на восток, тянется ряд возвы-

шенностей, удобных для обороны и приспособленных бурами для этой цели; далее же на восток местность становится значительно более ровной.

2) Оно угрожало пути отступления буров к Блумфонтейну.

3) В случае отступления генерала **Кронье** от Кимберлея (таким образом достигалась первая цель наступления) можно было удобно переменить операционное направление на восток для преследования противника и для наступления к Блумфонтейну, занятию которого англичане придавали большое значение, считая, что этим они принудят Оранжевую Республику к заключению отдельного мира.

II. Состав, сосредоточение и численность сил

а) состав

В указанной операции приняли участие следующие силы:

I. Пехота и артиллерия.	
6-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Келли-Кенни) ³⁷ , состоящая из 13-й (генерал Кнокс) ³⁸ и 18-й (генерал-майор Стивенсен) бригад	8 батарей
76-я, 81-я и 82-я полевые батареи	18 орудий

При 6-й дивизии, так же как и при всех остальных, имелись следующие войска вспомогательного назначения: одна рота сапёр; две роты носильщиков (bearer company), по одной на бригаду; три полевых госпиталя, по одному на бригаду и один для дивизионных войск; дивизионный артиллерийский парк (нормального состава).

Примечание. Положенного по штатам эскадрона дивизионной кавалерии придано не было; роль этой кавалерии временно отправляла едущая пехота, равным образом не было придано обозных рот; об организации обоза будет сказано ниже.

7-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Теккер), 14-я (генерал-майор Чермсайд) ³⁹ и 15-я (генерал-майор Вевель) бригады	8 батарей
18, 62 и 75-я полевая батареи	18 орудий

Дивизионные войска	
9-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Кольвиль ⁴⁰), 3-я (генерал-майор Макдональд) и 19-я (генерал-майор Смит-Дориен ⁴¹) бригады	8 батарей
82, 83 и 85-я полевые батареи (в начале операций не участвовали; прибыли из Англии только 15 февраля и присоединились к армии только 6 марта в Осфонтейне)	18 орудий
1-я пехотная дивизия (первоначально вся дивизия была оставлена в виде заслона против Кронье в Моддер-риверском лагере. После освобождения Кимберлея 9-я бригада и дивизионные войска заняли этот последний и охраняли путь Кимберлей–Паардеберг, гвардейская же бригада охраняла путь Моддер-ривер–Паардеберг и присоединилась к армии лишь 5 марта. Значит, из всей дивизии активное участие в операции принимала лишь гвардейская бригада, и то лишь одну последнюю неделю), (генерал-лейтенант лорд Метуэн), 1-я гвардейская (генерал-майор Поль-Керю) и 9-я (генерал-майор) бригады	8 батарей
20-я и 38-я полевые и 37-я мортирная батареи	18 орудий
II. Кавалерия и конная артиллерия	
Начальник дивизии генерал-лейтенант Френч .	
1-я бригада (полковник Портер); 2-й драгунский полк (Scotts Grey), 6-й драгунский карабинерский полк, сводный Ново-южноваллийский уланский полк, 1 эскадрон Еннескилского драгунского и 1 эскадрон 14-го гусарского полка	11 эскадронов
2-я бригада (подполковник Бродвуд ⁴²): 10-й гусарский полк, 12-й уланский полк и сводный гвардейский полк (House Hold Reg.)	9 эскадронов
3-я бригада (подполковник Гордон): 9-й и 16-й уланские полки	6 эскадронов

Семь конных батарей	42 орудия
Всего	26 эскадронов, 42 орудия
III. Корпусные войска	
а) Ездящая пехота. Организация её несколько менялась (см. ниже); вначале было две бригады, потом четыре (во время операций дважды прибывали новые части)	4 бригады
б) Артиллерия.	
65-я мортирная батарея	6 орудий
Тяжёлые орудия: четыре (присоединились к армии только 25 февраля) – 6-дюймовые (152,4 мм) осадные мортиры, четыре – 4,7-дюймовые (120 мм) и три – 12-ти фунтовых ⁴³ (76,2 мм) мортирных орудия	11
Три скорострельных орудия Maxim-Vickers (присоединились к армии только 25 февраля).	3
Всего 32 батареи, 26 эскадронов, 4 бригады ездящей пехоты, 134 орудия и части вспомогательного назначения	

Как мы видели выше, не все части принимали одинаково активное участие в операции. Так, при выступлении из Граспана-Энслина 11 февраля (1900 г.) лорд **Робертс** имел:

24 батареи, 26 эскадронов, 2 бригады ездящей пехоты, 91 орудие.

7 марта при начале второй половины марта:

28 батарей, 26 эскадронов, 4 бригады ездящей пехоты, 116 орудий.

б) Сосредоточение армии

Войска, сосредоточенные к 11 февраля на линии Граспан-Энслин, прибыли туда из следующих мест:

а) 6-я дивизия. 13-я бригада прибыла из Англии в Каптаун между 12 и 20 января, первоначально она была перевезена в Наупорт (перевозка этой бригады в Наупорт указывает, что действительно имели в виду движение на Колесберг. Все части, прибывшие после 25 января, то есть после неудачной реког-

Английская полевая гаубица калибра 152,4 мм (6 дюймов)

носцировки генерала **Френча** и после решения нового способа действия, уже направлялись прямо к Оранжевой реке и далее на север, а потом уже в Граспан); 18-я бригада была сформирована перед самым началом операций из батальонов, уже бывших несколько месяцев в Южной Африке и охранявших коммуникационные линии: *Каптаун-Де-Аар*, *Порт-Элизабет-Наупорт-Де-Аар*. Артиллерия 6-й дивизии прибыла из Англии 22 января.

б) 7-я дивизия. Обе бригады прибыли из Англии между 25 января и 5 февраля; 14-я бригада перевозилась прямо до станции Оранжевой реке, откуда следовала походом в Граспан, 15-я же перевозилась к 10 февраля в Энслин, куда прибыла тоже и артиллерия этой дивизии, взятая из батарей, бывших в отряде лорда **Метуэна** на Моддер-ривер.

в) 9-я дивизия. 3-я бригада была взята из отряда лорда

Метуэна, в состав которого она входила с середины ноября; 19-я же бригада была сформирована 5 февраля из батальонов, охранявших пути сообщения *Де-Аар-Моддер-ривер* (в состав этой бригады вошёл колониальный австралийский батальон). Артиллерия, как сказано выше, присоединилась лишь 6 марта.

г) Часть кавалерийской дивизии входила в состав отряда лорда **Метуэна** (3 полка), часть была взята из-под Колесберга (14 эскадронов), и, наконец, один полк только что прибыл перед началом операций из Индии.

д) Две бригады ездящей пехоты были сформированы перед самым началом операций из: 8 рот, выделенных из кавалерийских бригад, в состав коих они входили по нормальной организации, 24 рот, вновь сформированных из людей, выделенных каждым батальоном трёх пехотных дивизий; к ним присоединены были первоначально около 800 человек (два полка) колониальной ездящей пехоты.

Офицеры были взяты из состава кавалерийских и пехотных частей. Сформирование ездящей пехоты значительно ослабило численный состав батальонов (взяты были по большей части лучшие люди); особенно неблагоприятно на них отразилось выделение офицеров, бывших и до этого в значительном некомплекте. Между тем этот род оружия далеко не оправдал возлагавшиеся на него надежды (я ни разу не видел, чтобы она действовала спешившись). Главная причина тому заключается в импровизированности организации и неправильном употреблении ездящей пехоты.

По-видимому, ездящая пехота сведена была в бригады для самостоятельных, крупных действий; этому, однако, не суждено было осуществиться: с самого начала операций её разбили на мелкие части, которые в большинстве случаев несли службу дивизионной кавалерии, конвоировали транспорты, и только небольшая часть её присоединялась к кавалерийской дивизии.

Подобное неправильное её употребление дало повод вновь (25 февраля) изменить её организацию: вместо двух бригад

уже являются четыре (по числу дивизий, к которым она большей частью придавалась), сравнительно более слабые: в состав каждой входит несколько (не всегда одинаковое) число рот регулярной ездящей пехоты и несколько колониальной. Роты (от 80 до 150 человек) часто называют полками, по имени того полка, из которого они были образованы. Вообще организация ездящей пехоты не представляла чего-либо определённого, постоянного; вся она была подчинена непосредственно штабу армии, который ежедневно, сообразно потребности, придавал её по частям (не всегда бригадами) к известным колоннам. Прямого своего назначения (сформирование ездящей пехоты объясняется не столько сознанием в действительной необходимости её, сколько отданием дани общественному мнению, приписывавшему все предшествующие неудачи недостатку в конных войсках) она не выполняла, а роль кавалерии исполняла весьма плохо.

е) Корпусная артиллерия. Мортирная батарея и семь морских орудий были взяты из отряда лорда **Метуэна** и приняли участие с самого начала операций, остальные же орудия прибыли из Англии и присоединились к армии 25 февраля.

Таким образом, корпус, предназначенный первоначально для активных операций, образовался из частей: 1) прибывших в Южную Африку после 12 января – 12 батарей, 18 орудий, 3 эскадрона; 2) взятых из Моддер-риверского отряда – 4 батареи, 31 орудие, 9 эскадронов, 12 конных орудий; 3) с путей сообщения – 8 батарей; 4) из-под Колесберга – 14 эскадронов, 30 конных орудий.

в) Численность

1) Пехота. Благодаря предшествовавшим значительным потерям, а главное, – впоследствии выделению людей для формирования ездящей пехоты, батальоны далеко не имели штатной численности (1000 человек); по собранным мною сведениям, сила батальонов в начале похода в среднем (отмечается значительное колебание между отдельными батальонами) не может быть принята выше 750 человек (скорее немного меньше). Исключение составляют батальоны гвардейской пехоты, которые перед высту-

Английская пулемётная команда в Натале во время англо-бурской войны

плением получили укомплектование из Англии, благодаря чему достигли полной штатной численности.

2) Кавалерия. Выступила в составе около 110 сабель на эскадрон (штат 126); во время первого же периода операций (марш к Кимберлею и оттуда к Кудусранддрифту от 12 до 17 февраля) она понесла огромные потери в лошадях (некоторые полки более 1/3 состава); часть этих потерь была пополнена местными лошадьми, забранными по пути. Таким образом, можно считать, что численность кавалерии вначале доходила до 2860, с 17 февраля до 6 марта – не более 2200, с 7 по 13 марта (6 марта прибыло около 250 лошадей из ремонтного депо) – от 2500 до 2300 сабель.

3) Ездящая пехота. При отсутствии правильной организации является затруднительным точно исчислить её силу. По собранным мною сведениям, в начале похода в обеих бригадах было не более 3000 человек; около 25 февраля и 5 марта в два приёма прибыли вновь сформированные колониальные части (каждый раз свыше 800 человек), так что к 6 марта численность ездящей пехоты дошла до 4500 человек.

Таким образом, боевая численность армии лорда **Робертса** была: 1) при начале марша – около 17 500 винтовок, 2860 сабель, 3000 человек ездящей пехоты и 91 орудие, 2) около 6 марта (в начале второго периода марша) – 19 500 винтовок (с присоединением гвардейской бригады – 4000 человек и с выключением

чением потерь – свыше 2000 человек для всех родов оружия), 2500 сабель, 4500 ездящей пехоты и 116 орудий.

На довольствии во время операции состояло до 37 000 человек (это сведение получено мною от интенданта армии), в это число входят все вышеперечисленные части, за исключением 9-й бригады (получала довольствие сначала из Моддер-ривера, потом из Кимберлея), все нестроевые (личный состав транспортов, негры и прочие) и свыше 20 000 лошадей и мулов (около 12 000 лошадей и 9000 мулов). Волы в расчёт не принимаются, потому что они фуража не получали, а довольствовались исключительно подножным кормом.

III. Положение сил на всём театре военных действий ко времени начала операции

1) В Натале положение не изменилось: генерал **Буллер** с теми же силами, которые были в его распоряжении с начала января, продолжал делать попытки к освобождению Ледисмита.

2) У Колесберга отряд был значительно ослаблен. У генерала **Клементса**, вступившего здесь в командование войсками вместо генерала **Френча**, отправившегося в Энслин для командования кавалерийской дивизией, осталось всего: пять батальонов пехоты, 2 эскадрона кавалерии, около 800 человек колониальной ездящей пехоты, железнодорожная команда, 2 полевые и 1 конная батареи, 2 морских орудия и 3 шестидюймовые мортиры. Всего около 3500 человек пехоты, 1000 кавалерии при 22 орудиях. Отряд должен был держаться оборонительного образа действия.

3) У Стеркструма под начальством генерала **Гатакра** 3 батальона пехоты и до 3000 человек колониальной ездящей пехоты, всего до 5000 человек (о количестве артиллерии и вообще о точном составе отряда мне не удалось добыть сведений).

4) Охранение путей сообщения. Пехотные батальоны, охранявшие коммуникационные линии *Каптаун-Де-Аар* (до этого пункта охранения почти не было)–*Моддер-ривер*, *Порт-Элизабет-Наупорт*, *Наупорт-Де-Аар*, *Ист-Лондон-Стеркструм*, почти все пошли на формирование сначала 19-й, а потом 18-й бригады, вошедшей в состав 9-й и 6-й дивизий.

На путях сообщения осталось всего два регулярных батальона, к ним присоединены были ещё 7 батальонов милиции, прибывших из Англии в конце января и начале февраля.

IV. Особенности организации марша. Обозы. Ноша и одежда солдата. Вьюк кавалериста

В период подготовительных работ к предстоящей операции было сделано всё возможное, чтобы сократить обозы, взять с собой лишь действительно необходимое.

К такому решению побуждали следующие обстоятельства:

1) Неудачи последних действий генерала **Буллера** в значительной степени приписывались малой подвижности его отряда, который имел с собой весь положенный по штату громадный обоз.

2) Недостаток перевозочных средств. Как известно, первоначально были заготовлены перевозочные средства лишь на 4 пехотные и 1 кавалерийскую дивизии и на один корпусной продовольственный транспорт. Между тем в середине февраля количество войск в Южной Африке почти удвоилось, а сбор и организация перевозочных средств шли недостаточно успешно.

3) Предстояло движение без железной дороги в стране без всяких местных продовольственных средств, что было связано с необходимостью иметь огромный продовольственный транспорт, а потому приходилось в счёт этой потребности сократить до минимума прочие потребности войск в перевозочных средствах.

Организационная задача предстояла нелёгкая, однако выполнена она была успешно.

Были приняты три меры:

1) От всех частей войск, не долженствовавших принять активное участие в подготовляемой операции, был отнят почти весь обоз (оставлено не более двух повозок на батальон) и передан в части, которым предстоял поход. Мера эта безусловно опасная и возможная только при таком пассивном противнике, какими являются буры. Пока для этих частей формировался обоз, они были, безусловно, прикованы к своим стоянкам.

2) Решено двигаться без палаток (палатки большие, на 16 нижних чинов, круглые). Это было вполне возможно, во-первых, вследствие прекрасного тёплого климата, а во-вторых, потому что каждый нижний чин в поход кроме шинели⁴⁴ имеет ещё одеяло и непромокаемое покрывало (из плотной непромокаемой материи, 3 фута ширины, 6 длины, вес около 3 фунтов). При помощи последних и части одеял солдаты устраивали отличные походные палатки (*tente abrit*).

Мера эта сокращала обоз на 180 крупных воловых повозок (по 16 волов в каждой при подъёмной силе в 160 пудов).

Несмотря на то что благодаря этой мере английский солдат становился лишь в обычные для нашего солдата походные условия, тем не менее многие говорили об этом как о необыкновенном лишении. К чести войск надо, однако, отметить, что они безропотно приняли эту меру.

Ни один офицер или генерал не имел палатки (устанавливали импровизированные из подручного материала).

3) Значительное сокращение полкового обоза. Согласно объявленной в начале кампании организации обоза, каждый пехотный полк (батальон) имел 7 полковых повозок, запряжённых каждая 10 мулами, могущих поднять 80 пудов; кроме того, в бригадном продовольственном транспорте (*supply column*) на каждый полк приходилось 4 такие же повозки (эти повозки предназначались не исключительно для продовольствия, перевозились на них и другие предметы, например вторая пара сапог, которые в настоящий поход взяты не были; количество же продовольствия сокращено не было). Для предстоящего похода бригадные продовольственные транспорты были расформированы, а возимый ими груз почти целиком передан в полковой обоз и должен был быть размещён на тех же семи повозках. Таким образом, всё имущество батальона (полка) с двухдневным полным запасом продовольствия и фуража должно было весить 560 пудов, вместо 880. Нельзя сказать, чтобы абсолютная цифра груза была бы мала, но, принимая во внимание привычки английских войск, надо признать сокращение значительным.

В остальных родах оружия обоз был сокращён в той же пропорции. Указанные семь повозок предназначались: 1 – для возки шинелей, 1 – для одеял, 3 – с продовольствием и фуражом (продовольствие занимало меньше трёх повозок, оставшееся место оставлялось про запас, например для вещей отсталых и раненых и другие непредвиденные потребности), 1 – для полковой канцелярии и имущества всех офицеров (на каждого офицера менее пуда; было в точности соблюдено) и 1 – для котелков, ротного имущества, шанцевого инструмента. Некоторые батальоны, кроме того, на средства офицеров нанимали ещё по одной малой повозке для офицерской столовой.

Кроме указанных выше повозок (все эти повозки местные, нанятые в Южной Африке; мулы для них были закуплены и привезены из Европы и Америки) каждая часть войск имела ещё следующие повозки, привезённые с войсками из Англии, форменного типа: водяные бочки, запряжённая каждая 6 мулами, – по две на батальон и батарею, по одной на кавалерийский полк; патронные ящики: четыре двухколёсных 6 муловых на батальон, три четырёхколёсных, запряжённых четырьмя лошадами – на кавалерийский полк.

Вообще снаряды и патроны возились в форменных повозках в установленном количестве.

Об устройстве продовольственного транспорта армии будет сказано в разделе о продовольствии.

Ноша пехотинца

Солдат в походе нёс:

- 1) винтовку (в прикладе имеется гнездо для принадлежностей для чистки винтовки);
- 2) штык в гнезде на поясном ремне;
- 3) 150 патронов, из коих 100 патронов, положенных носить всегда в сумках (в кавалерии и едущей пехоте сумок нет, патроны носят в бандольерах, то есть чрезплечных перевязях, во всю длину которых устроены гнезда для патронов; перевязь легко передвигается, так что неизрасходованные патроны всегда могут быть впереди и удобно доставаться) на по-

ясном ремне, а 50 патронов в карманах или суме; причиной, побудившей увеличить число постоянно носимых солдатом патронов, являются выяснившиеся в настоящей кампании трудности, с которыми связано питание патронов во время боя при меткости современного огня;

4) вещевой мешок из плотной бумажной материи, размером несколько меньше нашего; в нём носится: а) продовольствие – 1.1/2 фунта сухарей (на текущий день и полная дача на следующий); двухдневная дача пряностей (groceries), то есть кофе, чай или шоколад, сахар, соль, перец, рис – всего 1/2 английского фунта; одна emergency ration (неприкосновенный запас) – 3/4 английского фунта, то есть жестянка, в которой заключаются в концентрированном виде весьма питательные продукты; этот рацион предназначается для однодневного довольствия в том случае, когда все прочие продукты иссякнут; б) запас белья – шерстяные носки, полотенце, ночной колпак, иногда и вторая фланелевая⁴⁵ рубаша (последняя большей частью возится свёрнутая внутри одеяла) и столовый прибор (ложка, ножик, вилка) и другие мелочи, по усмотрению нижнего чина;

5) водоносная фляга – жестяная, обтянутая войлоком;

6) только половина людей – шанцевый инструмент (малые лопаты размером несколько больше наших);

7) иногда непромокаемое покрывало (в зависимости от числа свободных мест в повозках).

Распределение того, что должен нести солдат и что везётся в обозе, зависит от командира полка; так, например, весьма часто солдат несёт только продовольствие текущего дня, второй же рацион и emergency везут в обозе; в этом случае нижний чин несёт на себе одеяло (на спине кругло свёрнутое).

Из перечня предметов, носимых нижним чином, видно, что ноша его не особенно велика, особенно по сравнению с существующей у нас. К сожалению, мне не удалось ещё достать сведения о точном весе всех предметов.

Одежда пехотинца

Нижний чин носит: фланелевую рубашу, шерстяные носки, фланелевый набрюшник; мундир и брюки из весьма плот-

ной отличного качества бумажной материи цвета кааки (слово khaaku по-индустански значит «грязный»⁴⁶), то есть серовато-жёлтого. Покрой мундира весьма практичен: широкий (можно поддеть фуфайку)⁴⁷, однобортный (пять пуговиц), почти без талии, длиной на 4.1/2 вершка⁴⁸ ниже талии; имеются на груди два наружных больших и весьма удобных кармана (покрой офицерского мундира совершенно тот же, но наружных карманов четыре; большое количество поместительных карманов – большое удобство в походе); материя офицерского мундира большей частью очень тонкая шерстяная; вместо длинных брюк – рейтузы⁴⁹ из очень прочной шерстяной материи. Брюки на выпуске, но во время похода нога от щиколотки до колена бинтуется фланелевыми бинтами (не нахожу это удобным, хотя, конечно, это значительно легче нашего высокого сапога)⁵⁰; башмаки из нечернёной кожи, со шнуровкой, весьма прочной работы.

Заслуживает особого внимания цвет обмундирования: я совершенно уверен, что нет другого цвета, более трудноразличаемого издали, чем серовато-жёлтый (по крайней мере при колоритах, существующих в Южной Африке); в смысле опрятности он тоже не оставляет желать ничего лучшего: пыль, грязь, пятна на нём почти не заметны. Преимущества цвета khaaku особенно рельефны, когда сравнивать его с белым (наша рубашка и китель).

Головной убор – каска из пробочного вещества, очень прочного, лёгкого и эластичного, обтянутая такой же материей, что и мундир; для вентиляции наверху устроены три отверстия, а внизу воздух проходит между наружной оболочкой каски и тем кожаным кругом, который примыкает к голове. Каска легка, свежа и отлично предохраняет глаза и затылок от солнца.

Вообще обмундирование солдата надо признать вполне удобным и отлично приспособленным к климату.

Одежда и снаряжение кавалериста

Кавалерийский солдат одет в общем подобно пехотинцу, но со следующим различием: 1) имеет вязанные подштанники; 2) вместо длинных брюк из бумажной материи кавалеристы

имеют рейтузы из плотной шерстяной рубчатой материи цвета khaaku; 3) имеют наплечники из стальной сетки; эти наплечники хотя и составляют принадлежность формы, но носят далеко не всеми; в настоящей войне они вполне излишни, потому что буры не имеют шашек.

Снаряжение: 1) чреплечная патронная перевязь (до 80 патронов), 2) водяная фляга, 3) вещевого мешок, в котором носки, рубаха, полотенце, продовольствие, состоящее из тех же предметов и в большинстве случаев в том же количестве, что и у пехотинца (хотя когда кавалерии предстоит продолжительное движение без обоза, то возится больше продовольствия), и другие мелочи, 4) поясная портупей⁵¹ для сабли.

Седельный вьюк (седло схоже с нашим офицерским кавалерийским). Состоит из: 1) двух передних кобур (большие), в которых уложено: конская щётка, суконка, столовый прибор (ложка, вилка, ножик), жестянка с седельной мазью, мягкая шапка; кроме того, в кобуры помещается, по усмотрению нижнего чина, часть продовольствия или бельё, если в вещевом мешке слишком много предметов; 2) небольшой сумки с парой подков и крючком для расчистки копыта; 3) сзади седла приторачивается шинель; 4) одеяло и непромокаемое покрывало приторачиваются поверх передних кобур; эти предметы большей частью возятся на седельном вьюке, хотя бывает, что и в обозе; 5) поверх переднего вьюка приторачиваются ещё два железных коновязных кола (каждый около 1.1/2 фута длины: один – для привязывания лошади спереди, другой – для задней ноги); 6) овсяная саква⁵², в которую помещается до 10 фунтов овса, привешивается к седлу с боку; 7) принадлежности для варки пищи (mess tin), висящие на противоположной сакве стороне; 8) седельные принадлежности для возки оружия: с правой стороны чехол из твёрдой кожи, в который вставляется карабин почти на 2/3 длины; с левой стороны прикрепляется сабля, а у улан (всех) и передней шеренги драгун – с правой стороны бушман для пики.

Груз, который возится кавалерийской лошастью, по видимому, не меньше, если не больше нашего. Нижние чины

большей частью среднего роста; исключение составляет сводный гвардейский полк, где нижние чины очень тяжёлые, громадного роста.

V. Краткое описание страны, где происходили операции

Страна, где происходили операции, представляет возвышенную равнину с довольно большим количеством отдельных каменистых высот (корје), которые, однако, нигде не соединяются в цепи, удобные для оборонительных позиций; все высоты легко обходимы с флангов.

Реки Моддер и Риет (Рит) текут в глубоких руслах, но берега плоски и тоже не представляют удобных позиций. Бродов много (указаны на карте). В реках и ручьях вода плохого качества, зато обильная грунтовая вода встречается всюду (хорошие колодцы на всех фермах) и на малой глубине (от 1 до 3 сажен). Для водопоя могут служить многочисленные пруды, большинство которых, однако, до 23 февраля, вследствие засухи, не имели воды; после этого времени пошли дожди и пруды наполнились.

Естественных (кроме рек) и искусственных препятствий в стране нет, за исключением разве довольно многочисленных проволочных изгородей, легко, однако, перерезаемых (все части снабжены специальными ножницами). Ввиду этого страна особенно благоприятна для действий кавалерии.

Дороги никакого значения не имеют: войска и обозы всюду могут двигаться целиком. Грунт глинисто-песчаный, покрытый травой (вначале ввиду засухи травы не было). Лесов нет вовсе. О посёлках и средствах страны будет сказано в отделе о продовольствии.

VI. Описание операций

11 февраля.

В этот день начали движение авангардные части корпуса: вся кавалерия генерала **Френча** (20 эскадронов, 42 орудия) и 7-я пехотная дивизия с её артиллерией.

Все части кавалерии и конной артиллерии, бывшие в Моддер-риверском лагере, двинулись на Энслин, где присоединились к ним остальные части дивизии. Далее все вместе

последовали на Рамдам. Переход (первый) вышел для большинства частей очень большим – 45 вёрст, в чрезвычайно жаркую погоду и без водопооя по пути, потому что первая вода в достаточном количестве, но плохого качества была найдена в Рамдаме.

Неприятеля нигде обнаружено не было.

12 февраля.

Кавалерия с рассветом двинулась к Ватерфаль-дрифту (дрифт значит брод. Река Риет проходима не всюду: на участке Якобсдааль–Декиель всего 4 брода). Немного не доходя этого пункта был обнаружен противник, который в довольно значительных силах и с артиллерией оборонял переправу, находясь на правом берегу реки и имея на левом лишь небольшие авангардные части. После произведённой рекогносцировки генерал **Френч** оставил здесь одну бригаду, с остальными же силами двинулся в обход на юг. У Декиель-дрифта он встретил лишь несколько десятков буров, а потому начал переправу. Едва переправился головной полк, как сюда стали прибывать подкрепления буров из Ватерфаля. Однако видя, что они помешать переправе подкреплений уже не могут, буры отступили на северо-восток. Кавалерия проследовала в Ватерфаль, где стала на ночлег (весь переход 27 вёрст), не выслав ни одного эскадрона для наблюдения за бурами.

7-я дивизия должна была следовать в Ватерфаль-дрифт, но, не имея проводников, она сбилась с пути, не нашла названного брода и очутилась у Декиель-дрифта, куда прибыла как раз в то время, когда там переправлялась кавалерия. Брод в Декиеле оказался очень плохим; обоз кавалерии, оставленный генералом **Френчем** на попечение 7-й дивизии, переправлялся очень долго, а потому эта последняя принуждена была остановиться на ночлег здесь, а не в Ватерфале, как было предполагено.

В этот день начали движение и главные силы; штаб главнокомандующего и 3-я бригада – из Граспана, 18-я бригада с артиллерией 6-й дивизии и корпусными войсками – из Энслина. Все эти части соединились в Рамдаме. 9-я дивизия оставалась позади.

13 февраля.

Кавалерия, не встретив никакого сопротивления, передвинулась из Ватерфалья (минуя Якобсдаль) к Рундавель-дрифту (1 бригада) и Клип-дрифту (остальные две), сделав 33 вёрсты. Бивуакировала она на южном берегу реки.

7-я дивизия весь день оставалась в Декиеле, продолжая обеспечивать переправу обозов.

6-я дивизия перешла в Ватерфаль.

9-я дивизия побригадно – 3-я из Энслина, а 19-я из Граспана – перешли в Рамдам.

Штаб и корпусные войска передвинулись в Декиель.

14 февраля.

Кавалерия, сильно утомлённая предшествовавшими переходами и в ожидании подхода отставшего обоза, имела днёвку.

6-я дивизия была значительно выдвинута вперёд, с целью поддерживать и кавалерию и занять переправы на Моддер-реке. Из Ватерфалья она выступила в 7 часов утра; в 11 часов прибыла в Вегдрай (13.1/2 версты), откуда выступила в 5 часов дня и достигла Клип-дрифта (21 верста) в ночь с 14 по 15-е.

К вечеру этого дня в Декиеле наконец окончилась переправа обозов (кроме большинства войсковых обозов здесь переправляется также продовольственный транспорт), потому 7-я дивизия могла двинуться вперёд. В ночь с 14-го на 15-е она прибыла к Вегдрай-дрифту.

Штаб и корпусные войска перешли в Ватерфаль, куда из Рамдама прибыла тоже и 9-я дивизия.

15 февраля.

С вечера 14-го и утром 15-го на северном берегу Моддер против Рундавеля и Клип-дрифта стали показываться буры, двигавшиеся с востока на запад.

Генерал **Френч**, имея задачей, движение к Кимберлею, ничего против них не предпринимал. Предоставив подошедший к нему ночью 6-й дивизии действовать против буров, занимавших несколько высот на северном берегу реки, он обходит их позицию с правой стороны и двигается вперёд к Кимберлею.

*Британцы окружены бурами, но не сдаются в плен,
отстреливаясь до последнего патрона*

Следуя прямой дорогой через Абонс-Дам, он отделяет одну бригаду влево, в виде бокового авангарда. По пути встречаются несколько поспешно оставленных лагерей неприятеля. Это окончательно убеждает генерала **Френча**, что отряд **Кронье** отступил на восток.

Не встретив сопротивления, кавалерия 15-го вечером прибывает в окрестности Кимберлея (36 вёрст), где и проводит ночь. Буры, осаждавшие город, после энергичной и безрезультатной бомбардировки города 15-го утром отступили на север.

6-я дивизия, сделав накануне два перехода, имела днёвку в Клип-дрифте.

15-я бригада (14-я бригада пока осталась в Вегдрае) 7-й дивизии с двумя полками ездящей пехоты, выступив из Вегдрая около 11 часов утра, вскоре после полудня заняла

Якобсдааль, где буров почти не было; город занят после нескольких выстрелов. Остались здесь только несколько госпиталей, в числе коих один обширный и отлично устроенный германский госпиталь (главный доктор этого госпиталя сообщил, между прочим, что за время от 13 декабря до 15 февраля во всём отряде **Кронье** было всего 34 раненых. Таковым оказался результат двухмесячной бомбардировки маггерсфонтейнской позиции большими морскими орудиями и действие хвалёного лиддита).

Дело у Ватерфалья – нападение на транспорт.

9-я дивизия, корпусные войска и штаб на рассвете перешли из Ватерфалья в Вегдрай. В Ватерфале остался лишь транспорт в 200 повозок под охраной одной роты пехоты и 250 человек ездящей пехоты.

В 10 часов утра довольно значительный отряд противника (англичане определяют его в 2000 человек при двух орудиях, думаю, что это несколько преувеличено) атаковал Ватерфаль. После непродолжительного сопротивления занял его и отбил 180 больших повозок продовольствия с грузом в 160 пудов каждая и около 3000 волов⁵³.

Надо полагать, что буры, атаковавшие Ватерфаль, ничего общего с отрядом **Кронье** не имели: это, вероятно, были одна или несколько соединившихся вместе местных команд, бездействовавших во всё время войны внутри страны. Характерно, что буры при малочисленности их сил в течение свыше четырёх месяцев кампании не воспользовались этими командами для операций на важных пунктах театра военных действий (Тугела, Моддер-ривер, Колесберг) или для действий на сообщениях противника.

Это странное явление может быть объяснено только отсутствием организации и дисциплины: центральная власть не имела средств заставить местные команды покинуть свои округа.

Вероятнее всего, что этот отряд был тот же, который оказал генералу **Френчу** некоторое сопротивление при переправе его через реку Риет 12 февраля. Конечно, нельзя было оставлять этих буров без всякого наблюдения; следовало после их от-

ступления выслать за ними хотя (бы) небольшую конную часть. Этого сделано не было. Если кавалерия, имея определённую задачу – следовать в Кимберлей, этого не сделала, не желая дробить свои силы, то непростительно, что для этой цели не была употреблена ездящая пехота, бывшая при 7-й дивизии. Эта ошибка дорого обошлась англичанам.

Когда весть о нападении по полевому телеграфу дошла до главной квартиры, немедленно было выслан из Вегдрая на выручку Ватерфалья один батальон 14-й бригады с батареей и ротой ездящей пехоты.

Этот отряд прибыл туда около 2-х часов дня. Буры как раз в это время на глазах прибывших беспрепятственно увезли на северо-восток захваченный транспорт.

Вскоре высланный отряд признаётся недостаточным, и к вечеру в Ватерфаль посылается остальная часть 14-й бригады, которая прибыла слишком поздно. Буры с транспортом успели беспрепятственно отступить.

Вечером этого дня получается в главной квартире известие, что, несомненно, **Кронье** отступил на восток и что Кимберлей освобождён.

Таким образом, первая из поставленных целей достигнута, и первый период операции может считаться законченным.

Разбор 1-го периода операций

Рассматривая этот период, прежде всего возникает вопрос: почему армия первые два перехода делает на восток и потом только поворачивает на север, вместо того чтобы двинуться прямо на северо-восток через Якобсдаль на Клип-дрифт. В этом случае можно было достигнуть последнего пункта на 24 и даже на 36 часов ранее. Дороги и переправы нисколько не обязывали к этому кружному движению.

Единственным объяснением этому факту может служить желание лорда **Робертса** в начале операции скрыть истинную цель движения. И действительно, судя по первым двум маршам, можно было думать, что армия идёт на Блумфонтейн. Что это несколько сбило с толку **Кронье**, мы видим из того, что он, обыкновенно хорошо осведомлённый о действиях против-

ника, три дня бездействует и только 14-го вечером начинает отступление.

С другой стороны, казалось бы, следуя англичане прямой дорогой к Клип-дрифту, они могли отрезать **Кронье** путь отступления на восток (может быть, в этом случае он отступил бы на север), тогда как при настоящих обстоятельствах, как мы увидим ниже, он имел полную возможность отступить со своими силами к Блумфонтейну, если бы пожертвовал своим обозом. Если он был окружён и принуждён к сдаче, то это явилось результатом его собственных позднейших ошибок.

Марш кавалерии для освобождения Кимберлея надо признать исполненным, в общем, успешно. Однако бросается в глаза величина первого перехода – 45 вёрст при самых тяжёлых условиях. Мы увидим ниже, что кавалерия во всех дальнейших операциях не могла успешно действовать, благодаря крайнему утомлению лошадей и отчасти недостатку фуража. Мне кажется, что именно этот первый переход, когда лошади ещё не были втянуты в работу, и надломил силы конского состава дивизии. Между тем этот переход без ущерба можно было разбить на два: 10-го вечером передвинуться к Хонейклуфу или Энслину, а 11-го в Рамдам. Начало движения на сутки раньше не могло быть обнаружено противником, потому что оно происходило в тылу своих войск.

16 февраля.

Известия предыдущего дня заставили главнокомандующего принять новое энергетическое решение.

Дальнейшей целью ставится захват армии **Кронье**; операционное направление меняется с севера на восток.

Во исполнение этого решения в ночь с 15-го на 16-е отдается следующее распоряжение: генералу **Френчу** предписано по возможности немедленно двинуться наперерез **Кронье** в направлении Кудусранд-дрифта; 6-я дивизия должна попытаться захватить Брандваллей и помешать бурам переправиться на южный берег реки; 3-й бригаде (9-й дивизии) предписано свернуть из Вегдрая и двинуться на Клипкраль-дрифт, 19-й же бригаде (той же дивизии) из Якобсдаля следовать на Рундавель-дрифт; 7-я дивизия в виде резерва сосредотачивает-

ся в окрестностях Якобсдаля, где в ожидании дальнейшего выяснения обстановки остановилась и главная квартира; 1-й дивизии предписывается восстановить сообщения с Кимберлеем и занять этот город.

Начальник штаба армии лорд **Китченер** отправился в Клип-дрифт для личного руководства всеми передовыми войсками.

Кавалерия не имела возможности в этот день исполнить предписанное, потому что рано утром (до получения приказа-ния) генерал **Френч**, оставив одну бригаду (2-ю) в Кимберлее, с двумя остальными выступил на север, куда отступили буры. По пути он овладел одним из опустелых лагерей, до другого же дойти не мог, получив на марше новое распоряжение главнокомандующего. Он поворотил назад и к вечеру прибыл в Кимберлей. Хотя марш этого дня и не был очень длинным (30 вёрст), но благодаря жаре и отсутствию воды весьма утомительным.

6-я дивизия выслала в Брандваллей 13-ю бригаду, которая в 3–4 верстах, не доходя этого брода, была остановлена аррьергардом⁵⁴ противника (18-я бригада осталась в Клип-дрифте).

9-я и 7-я дивизии в точности исполнили предписанное на этот день.

17 февраля.

Рано утром генерал **Френч** с 4-мя полками (2-я бригада и один полк 1-ой бригады); всей дивизии было предписано выступить к Кудусранд-дрифту. Мне в точности неизвестно, почему выступили всего 4 полка. По одной версии приказание о выступлении не дошло вовремя до остальных, по другой же – лошади были настолько измучены, что командиры своевольно и вопреки категорическому приказанию генерала **Френча**, остались в Кимберлее. Ознакомившись впоследствии ближе с порядками, существующими в кавалерии, я считаю последнюю версию вполне правдоподобной) выступил из Кимберлея и, следуя на Замдам, около 3-х часов дня прибыл на высоты, лежащие к северу от реки Моддер в 3–4 верстах от того места, где остановился отряд **Кронье**. Здесь кавалерия остановилась на ночлег, наблюдая за неприятелем, части которого с обозом перед вечером стали при-

бывать в Паардебергский лагерь и немедленно по прибытии приступить к его укреплению.

Переход кавалерии в этот день был в 48 вёрст. Таким образом, за неделю (с 11 по 17 февраля) кавалерия сделала около 220 вёрст, при весьма тяжёлых условиях. Последствия этого усиленного марша мы увидим ниже.

Между тем части 6-й и 9-й дивизии медленно подвигались вперёд вслед за отступавшими бурами. Помешать их переправе на южный берег и отрезать им путь на восток не удалось.

Буры, благодаря тяжёлому обозу, отходили очень медленно; они не упускали ни одного случая, чтобы не остановить преследующего по пятам противника, не вступить с ним в арьергардную стычку. Этим объясняется, почему 6-я и 9-я дивизия за три дня (с 15-го, когда 6-я вошла в соприкосновение с противником, и до 18-го, когда буры окончательно остановились в Паардебергском лагере) сделали всего 25 вёрст.

18 февраля.

На рассвете этого дня остальные силы буров втягивались в Паардебергский лагерь. Артиллерия авангарда 6-й дивизии открыла в это время по ним огонь. В 6.1/2 часов утра у Паардебергского брода сосредоточилась вся 6-я дивизия, а около 8 часов подошла и 9-я дивизия.

Атака Паардебергского лагеря

Лорд **Китченер** решает немедленно атаковать остановившихся буров.

Главная цель, которую он преследует (идея дела 18 февраля), – это окружить противника, не дать ему уйти.

Для этого он прежде всего (до прибытия 9-й дивизии) посылает два батальона 18-й бригады (Welsh и Essex) (Уэльский и Эссекский) занять берега реки к востоку от лагеря; несколько позднее в том же направлении передвигаются и остальные два батальона 18-й бригады.

Во время этого передвижения обнаруживается, что кроме лагеря буры занимают ещё отдельную большую высоту к юго-востоку от лагеря, которая впоследствии стала известной под именем Kitchener's Kopje.

Обнаружилось это довольно странным образом (нижеследующий рассказ я слышал от начальника 6-й дивизии генерала **Келли-Кенни**). По прибытии 6-й дивизии к Паардебергу были высланы две роты ездящей пехоты на восток для занятия названной высоты и осмотра фермы Осфонтейн. Эти роты нашли будто бы высоту незанятой; они направились к ферме и там некоторое время поили лошадей. Около 8 часов утра к подножию высоты прибыли штаб 6-й дивизии и генерал **Келли-Кенни** и спокойно расположились для завтрака. Вдруг кругом него стали падать снаряды. Оказывается, что во время водопоя ездящей пехоты буры заняли высоту. Мне кажется более правдоподобным предположение, что высота была занята ранее, а ездящая пехота просто её не осмотрела.

Атака лагеря буров произведена была приблизительно в следующем порядке: 9-я дивизия наступала с запада вдоль реки: 19-я бригада правым (северным), 3-я бригада – левым берегом. Правее третьей бригады атаковала 13-я; три батареи 6-й дивизии с высоты южнее лагеря огнём способствовали атаке; два батальона 18-й бригады наступали с востока вдоль реки, другие же два батальона этой бригады служили связью между этими батальонами и остальными частями; наблюдение с севера возложено было на кавалерию.

Атака началась в 10 часов утра и велась обычным для англичан порядком, то есть разрозненно, вяло (чтобы не сказать боязливо), без резервов, без сосредоточения усилия (удара) на каком-нибудь одном пункте позиции.

Каждый батальон наступал в три линии (все три линии редкими цепями) в указанном ему направлении.

Буры открыли по ним огонь (у них было 6 орудий), подпустив первую линию приблизительно на 1200 шагов. Батальоны остановились, залегли, и затем бой принял неподвижный, исключительно огнестрельный характер. Ни один батальон не продвинулся к лагерю ближе 1000 шагов.

Таким образом прошёл весь день. Перед вечером батальоны были выведены из сферы огня и бивуакировали на поле сражения против своих мест в боевой линии.

Кавалерия в этот день бездействовала; к генералу **Френчу** прибыли из Кимберлея ещё два полка 3-й бригады.

Буры, занимавшие **Китченеровскую** высоту, игнорируются, и ни они, ни против них ничего не предпринимается.

Войска понесли довольно чувствительные потери: около 1300 человек убитых и раненых⁵⁵ (6-я дивизия около 800, 9-я – свыше 500). Более других пострадали 3-я бригада, Вельшский и Эссекский полки.

В результате этого дня достигнуто полное окружение отряда **Кронье** (можно было сделать то же самое и без боя), атака же лагеря отбита на всех пунктах с довольно значительным уроном для наступающих.

Главкомандующий вечером этого дня, получив в Якобсдале донесения о происшедшем, немедленно высылает 14-ю бригаду с артиллерией 7-й дивизии в Паардеберг, оставив в Якобсдале для охраны пути сообщения одну 15-ю бригаду.

19 февраля.

14-я бригада, выступив накануне в 9 часов вечера, в 2 часа ночи прибыла в Клипкрааль-дрифт, в 10 часов утра тронулась далее и в 4 часа дня пришла в Паардеберг. Артиллерия 7-й дивизии выступила из Крипкрааля раньше пехоты и прибыла в Паардеберг в 2 часа дня, так что успела принять в этот день участие в бомбардировке лагеря.

Генерал **Кронье** с утра просил у **Китченера** 24-часовое перемирие, последний согласился дать перемирие, но только до прибытия в Паардеберг главкомандующего.

Лорд **Робертс** со штабом и личным конвоем выехал из Якобсдала в 4 часа утра, в Клипкраале сделал часовой привал и в 11 часов утра прибыл в Паардеберг. (Военные агенты сопровождали главкомандующего. Из Каптауна, несмотря на энергичные протесты и усиленные наши просьбы, нам разрешили выехать лишь 12 февраля вечером, то есть когда некоторые войска уже сделали два перехода. Вечером 14-го мы прибыли в Энслин, но выступить сейчас же не могли, потому что наши лошади пришли только в ночь. 15-го утром мы дви-

нулись на присоединение к главной квартире, которая в это время находилась в Вегдрае (42 версты). Следуя из Рамдама в Ватерфаль, мы совершенно случайно узнали, что последний пункт занят бурами. Состоящий при нас полковник лорд **Даун**, ввиду малочисленности нашего конвоя (10 человек), не решился следовать далее, а предложил нам вернуться назад в Энслин. Три наших коллеги (американец, австриец и испанец), выехавшие на 1/2 часа ранее нас, не получили известия о занятии Ватерфалья и наскочили на буров. Двоим удалось пробраться на север в Вегдрай, а третий (испанец) вернулся назад, к нам. 16-го утром мы отправились в Моддер-риверский лагерь, чтобы этим путём присоединиться к главной квартире. По прибытии туда мы получили распоряжение главнокомандующего оставаться при отряде лорда **Метуэна**. Невозможность следовать на присоединение к главной квартире мотивировалась отсутствием конвоя. Понимая, чем грозит нам подчинение такому распоряжению (из всей операции мы ничего бы не увидели), мы настолько единодушно и решительно стали протестовать, что добились разрешения ехать без конвоя (опасности не было никакой) в Якобсдаль, куда прибыли утром 17-го и присоединились к главной квартире, которую с тех пор не покидали.) Ознакомившись с положением дела, он (лорд **Робертс**) решается атаковать **Китченеровскую** высоту, которая, по-видимому, была занята очень слабо (около 200 человек с 2-мя орудиями).

С этой целью в 2 часа дня было выдвинуто три пеших батареи; на флангах артиллерии располагаются по батальону пехоты, на правом же фланге, кроме того, один полк ездящей пехоты. Вся атака ограничилась обстреливанием высоты артиллерией, пехота же не двинулась с места. Буры не отвечали на огонь.

Через 1/2 часа вся артиллерия меняет фронт налево, то есть выстраивается фронтом на север, на лагерь буров. Причина этой перемены намерения мне так и осталась неизвестной: если англичане допускали присутствие буров на **Китченеровской** высоте, то, казалось бы, следовало начать с овладения ею; по-

строение же артиллерии в новом направлении, когда фланг её находился в сфере флангового ружейного огня с высоты, являлось делом опасным. За эту ошибку (впрочем, как и за многие другие) англичане благодаря только инертности буров не заплатились.

Едва артиллерия открыла огонь в новом направлении (в это время на позиции было 4 полевых и 1 мортирная батарея, несколько позднее прибыло ещё одно 12-фунтовое морское орудие), как ей пришлось его прекратить, по случаю пришедшего (с 2.3/4 часа дня) соответствующего приказа, мотивированного тем, что буры сдались. Известие это вызвало восторг среди войск. Однако ликование это было непродолжительным, и около 3.1/2 часа дня на позицию приехал лорд **Китченер** и приказал возобновить огонь, сообщив, что известие о сдаче есть результат недоразумения. (Как сказано выше, с вечера предыдущего дня между **Китченером** и **Кронье** происходили переговоры о перемирии. Когда англичане возобновили огонь, то, наверное, **Кронье** прислал парламентёра для объяснений. Англичане думали, что **Кронье** сдаётся и послали ему свои условия, в ответ на что тот ответил, что он, пока жив, не думал и не думает о сдаче.) Бомбардировка лагеря возобновляется.

Лагерь буров представлял следующую картину: на пространстве около 10 000 квадратных саженей в беспорядке стояло около ста повозок, в нескольких сотнях саженях от которых мирно паслись волы и лошади; в сильный бинокль можно было различить по краям лагеря нечто вроде окопов-траншей, где, равно как и в глубоком русле реки, видимо, укрывались буры; в лагере же незаметно было ни малейшего движения, не видно было ни одного человека.

Бомбардировка продолжалась до темноты. Достигнуты были следующие результаты: довольно сильно повредили единственный в лагере каменный дом, сожгли несколько фургонов и взорвали одну повозку со снарядами; результат этот по сравнению с бомбардировками последующих дней можно считать успешным.

Вначале я находился на позиции мортирной батареи, которая, мне кажется, стреляла удачно; но около 4 часов дня, когда на правый фланг выехало 12-фунтовое морское орудие, я переехал к нему. Я сделал следующие наблюдения: выехав на позицию, морской офицер не справился о дистанции у соседних батарей, а начал самостоятельную пристрелку, на что употребил не менее восьми снарядов; потом он вёл стрельбу (шрапнелью) без всякой системы, беспрестанно меняя цели (повозки, потом дом, затем окопы и, наконец, стал стрелять по пасущимся волам и лошадям). В результате я не видел ни одного удачного выстрела. (Около 5 часов вечера к этому орудью, стоявшему в 2500 шагах от **Китченеровской** высоты, подъехали и при мне сказали морскому (офицеру): «Предупреждаю Вас, что холм занят бурами, вы можете оставаться здесь, но посматривайте направо, как бы они по вам не открыли огня». Это доказывает, что англичане не сомневались в присутствии буров на холме.)

Во время этой бомбардировки буры не отвечали на огонь.

В 6 часов всё затихло. Войска бивуакировали на занятых ими ещё накануне позициях; в вечеру прибыла 14-я бригада и стала бивуаком на высоте к югу-востоку от сигнального пункта.

Кавалерия опять бездействовала; одна бригада была переведена с северного берега на южный.

Рассматривая операции этого дня, мы видим, что под впечатлением потерь предшествующего дня лорд **Робертс** не решился возобновить атаку лагеря; из той же боязни потерь он,

*Британское орудие калибра 120 мм
(4,7 дюйма)*

вероятно, остановил атаку **Китченеровской** высоты. Видя, что буры окружены и не собираются уходить, он решился предоставить времени и своим орудиям покончить с ними. Такое решение надо признать правильным потому, что, как мы увидим позже, торопиться ему было не к чему: вследствие продолжительных затруднений армия некоторое время всё равно не могла наступать на Блумфонтейн.

20 февраля.

Ночью орудия, бывшие на позиции, в несколько приёмов возобновляли стрельбу с целью помешать фортификационным работам противника.

Все утро прошло в полном бездействии: артиллерия занимала ту же позицию, но не стреляла; правее и левее её имелись пехотные цепи. Несколько раз буры открывали ружейный огонь и из скорострельных орудий огонь по пехоте, когда она производила какое-либо передвижение, а иногда и по артиллерии. Потерь от этого огня не было; английская пехота, не видя противника, вяло отвечала на огонь.

Днём решено было производить бомбардировку лагеря с двух артиллерийских позиций: со старой – на южном берегу – тремя полевыми батареями, и, сновой – на северном берегу с высоты (А) – тремя полевыми и одной мортирной батареями, тремя 4,7-дюймовыми (120 мм) и одним 12-фунтовым морским⁵⁶ орудием.

Бомбардировка с этой новой позиции началась в 4 часа дня и длилась 1.1/2 часа. Производилась она в присутствии главнокомандующего и под руководством начальника артиллерии армии (генерал-майор **Маршалъ**).

Стрельба велась весьма странно: не только батареи (мортиры и 4,7-дюймовые орудия стреляли почти исключительно лиддитом; полевые же батареи и 12-фунтовое орудие – шрапнелью) имели различные цели, но в одной и той же батарее разные орудия стреляли по различным предметам, кроме того, цели менялись несколько раз. Русло реки, где, несомненно, находились все буры, не обстреливалось вовсе, и за два дня я не видел ни одного снаряда, попавшего в реку. Скорость стрель-

бы поразительно малая – максимум 7 выстрелов в минуту из 28 орудий.

Руководство стрельбой генерала **Маршала** заключалось в том, что он до начала стрельбы объехал все батареи и дал указания, во время же бомбардировки (я всё время стоял в нескольких шагах от него) и в зависимости от достигнутых результатов он не отдал ни одного распоряжения.

Трудно предположить, чтобы подобная бомбардировка имела бы моральный эффект или нанесла бы много вреда противнику.

21 февраля.

Ночью было сделано несколько орудийных выстрелов.

На рассвете два батальона 14-й бригады под начальством командира бригады (генерал **Чермсайд**) выступили из своего лагеря, чтобы сменить батальоны 6-й дивизии, занимавших позицию у реки к востоку от лагеря буров. Кратчайший путь для батальонов проходил между лагерем и **Китченеровской** высотой. Вследствие полной инертности буров, занимавших эту высоту и в продолжение трёх дней ничем себя не обнаруживших, путь этот признавался достаточно безопасным; конечно, надо было знать поле, чтобы не пройти слишком близко к одной из двух позиций буров. Между тем генерал **Чермсайд** не знал дороги и не имел при себе знающего расположения противника офицера; вдобавок движение началось, когда ещё не вполне рассвело. В результате батальоны взяли слишком влево и прошли в 500 шагов от лагеря буров, которые открыли по ним сильный огонь.

Батальоны поспешно отступили вправо, понеся сравнительно очень мало потерь (10 раненых и убитых), но весь обоз остался на месте, потому что чёрные погонщики разбежались, а буры перестреляли всех мулов. Затем батальоны дошли до указанных им мест.

Атака Китченеровской высоты.

21 февраля решено было завладеть **Китченеровской** высотой. Для этого около 4 полков кавалерии с двумя конными батареями должны были наступать с северо-востока от

*Скорострельное английское орудие **Пом-Пом** калибра 37 мм. Хорошо видна холщовая патронная лента на 20 снарядов*

Осфонтейна; с юга направлена была едущая пехота (около 600 человек), а с запада должны были обстреливать высоту две полевые батареи, правее которых были расположены два батальона пехоты. Обстреливание высоты полевыми и конными батареями началось в 1.1/2 часа утра. За 1/2 часа до этого, вслед затем как ферма Осфонтейн, откуда буры пользовались водой, была занята одной из кавалерийских частей, они немедленно начали отступление, понимая, что дольше держаться на высоте они не могут, осталось на высоте для прикрытия отступления около 80 человек. Отходили они (около 400 человек с двумя орудиями) на восток и прошли в 1 версте от передовой части кавалерии) и в 2–3 верстах от главных её сил; в том же, если не меньшем, расстоянии с юга была едущая пехота. Ни одна из этих частей не сделала попытки задержать или преследовать отступающих. (Разговаривая на другой день с очевидцем дела, полковником **Девисоном**, командиром группы конных батарей, я спросил его, как могли безнаказанно уйти буры и поче-

му кавалерия их не атаковала. Он мне ответил: «Что поделаете, лошади измучены так, что не двигаются (это после трёх дней полного отдыха), кроме того, мы думаем, что задержат другие: там ведь была ездящая пехота и должна была быть и пехота»).

Против оставшихся 80 человек началась предположенная атака: четыре батареи обстреливали высоту 1.1/2 часа. В 9 часов утра тронулись и остальные буры: кто пешком, кто по двое на одной лошади. Против этой беспорядочной горсти людей ездящая пехота пустилась в атаку и взяла 16 пленных; остальные благополучно ушли.

После отступления буров я подобно осмотрел высоту, она состояла из нескольких каменистых холмов, в непрерывной между собою связи. На всех склонах, немного пониже вершины, буры устроили массу маленьких каменных траншей; каждая траншейка, на 4–5 человек, состояла из трёх стенок, сложенных из огромных камней, до одного и более аршина в диаметре. Таких траншеек было не менее 100. Количество потраченного труда изумительно велико и показывает, как внимательно буры относятся к прикрытиям, какое они им придают значение: хотя высота эта и состояла сплошь из камня, но камни эти глубоко сидели в земле, а потому их надо было вырыть, переместить и сложить стенку (мне говорили, что всю эту работу производят не сами буры, а масса состоящих при них **кафров**.)

Около 9 часов утра лорд **Робертс** послал к **Кронье** парламентёра, предупреждая его, что он возобновит бомбардировку, а потому предлагает вывести из лагеря в безопасное место, женщин и детей; кроме того, главнокомандующий поручил спросить, не нуждаются ли осаждённые в докторях. **Кронье** прислал следующий ответ: женщины и дети находятся в полной безопасности; в докторях мы нуждаемся и примем их с благодарностью, но под условием, чтобы они остались у нас до конца осады. Конечно, доктора посланы не были.

Бомбардировка, несмотря на угрозу, в этот день не возобновлялась, если не считать, что с обеих артиллерийских позиций в течение дня изредка посылали в лагерь несколько снарядов.

22 февраля.

День прошёл весьма бездейтельно; артиллерия почти не обстреливала лагеря.

За ночь батальоны передовой линии приблизили шагов на 200 свои траншеи к лагерю, находясь от него всё-таки не ближе 800 шагов; эти окопы занимались днём только патрульной цепью.

Кавалерия в этот день опять бездействовала; лишь перед вечером высланы были два полка на рекогносцировку в северном направлении; к ночи полки возвратились, обнаружив небольшие партии буров.

В размещении войск не произошло никакой перемены, за исключением лишь того, что остальные два батальона 14-й бригады с одной батареей передвинулись в восточном направлении и заняли: один батальон и батарея – ферму Осфонтейн, другой батальон расположился на лугу между фермой и рекой.

23 февраля.

Атака бурами Китченеровской высоты

В этот день отряд буров, силой свыше 1500 человек с двумя орудиями, совершенно неожиданно для англичан атаковал ферму Осфонтейн и **Китченеровскую** высоту.

Около 5.1/2 часов утра этот отряд, вероятно не подозревая, что ферма и высота уже заняты англичанами, подошёл почти вплотную к ферме, откуда был встречен огнём. Тогда он двинулся к **Китченеровской** высоте, на которой тоже находился один батальон. Встретя и здесь сопротивление, буры заняли цепь холмов приблизительно в 500 шагах от высоты и 1200 от фермы.

Приехав на высоту в 7 часов утра, я застал следующую картину: буры со своей позиции редким огнём обстреливали высоту; половина Йоркского батальона занимала траншеи восточного ската высоты и тоже редким огнём отвечала противнику; другая половина батальона находилась в резерве на западном склоне: с фермы раздавались изредка выстрелы батареи, выехавшей на позицию несколько правее фермы.

В 7.1/2 часов утра подошли вызванные на поддержку

ещё одна батарея и батальон. Эту батарею я дорогой обогнал: странно, что она, будучи вызвана на помощь, двигалась всё время шагом. Подойдя к позиции, она развернулась правее высоты, а батальон правее её. Когда батарея снималась с передков, буры пустили в неё несколько снарядов скорострельного орудия **Максима-Виккерса** (прозвище, которое дали этому орудию войска, – **пум-пум**) (**пом-пом**); снаряды упали на середину батареи, но потерь не было (не разрывались).

После первых же выстрелов батареи буры начали отступление, оставив для прикрытия на одной из высот небольшой отряд. Отходить приходилось по совершенно открытой местности в сфере действительного оружейного и артиллерийского огня.

Несмотря на это, они отходили весьма медленно: меньшая часть шла пешком, остальные же ехали верхом. Батарея несколько участила огонь (всё-таки он был редок, не более 2–3 выстрелов в минуту) и сделала несколько удачных выстрелов. Пехота, несмотря на то что имела перед собой прекрасную цель, не дала ни одного залпа и продолжала стрелять в высшей степени лениво.

Через несколько минут отступающий скрылся за складкой местности от артиллерийского огня, оставаясь, однако, под обстрелом пехоты, занимавшей значительно командовавшую всю местностью высоту; передвинься батарея на 100 саженей вперёд, она имела бы вновь отличный обстрел, но ни она, ни стоявший правее её батальон этого не сделали, а просто прекратили огонь. В это время подошёл из лагеря ещё один батальон, который стал в резерве за правым флангом.

В 7.3/4 часа отступавшие вышли из сферы огня. С этого времени четыре батальона и две батареи продолжали действовать против горсти буров в 87 человек, как оказалось впоследствии. Никому и в голову не приходило, что эту кучку людей можно забрать, зайдя им в тыл, что легко можно было сделать с любого из флангов. Вся длинная линия неподвижно стояла на своих местах; изредка раздавались выстрелы то с одной, то с другой стороны. Так дело шло до 1.1/2 часа дня, то есть свыше пяти часов. Трудно себе представить, чем кончился бы этот

более чем оригинальный бой, если бы буры, которым, вероятно, надоело бесплодно стрелять, не вывесили бы белого флага. Только после этого правый батальон двинулся вперёд и взял 87 пленных, не имевших лошадей и, вероятно, не желавших отступать пешком.

В продолжение шести часов внимательно наблюдая за всем происходившим, я вынес самое странное впечатление. Нельзя было не заметить прежде всего, что управления боем не было никакого. И действительно, в деле участвовали четыре батальона трёх разных бригад и две батареи. Старшим был командир 14-й бригады генерал **Чермсайд**, который находился на левом фланге на ферме Осфонтейн. Казалось бы, что ему следовало принять начальство над всеми войсками, но этого не сделал. Мало того, на позиции в 6.1/2 часа утра был сам главнокомандующий (подъезжая к высоте, я встретил его возвращающимся в лагерь), и он не назначил общего начальника. По-видимому, центром и правым флангом командовал командир батальона Буфф (гейлендеры)⁵⁷ (он же временно командующий 13-й бригадой); об этом можно было догадаться только потому, что он находился не при своём батальоне, а на **Китченеровской** высоте; распоряжений же он не отдавал никаких, да к тому же и не имел средств для передачи приказаний, так как при нём не было не только ни одного офицера, но даже рядового для посылок. Я слышал его разговор с командиром одной из батарей: он выражал желание иметь на высоте хотя бы два орудия. Разговор имел характер беседы, а не приказаний начальника, и командир батареи, отъехав, ровно ничего не сделал для приведения его в исполнение. Надо заметить, что по завладении **Китченеровской** высотой, конечно, следовало немедленно поместить на ней несколько орудий, так как обстрел с неё громадный и положение господствующее – всякое подкрепление к **Кронье** неизбежно должно было пройти под выстрелами с этой высоты. Однако вследствие крутости и каменистости скатов подъём орудий представлял значительные трудности и требовал много времени, и понятно, что делать это в присутствии противника было не своевременным.

Кроме вышеотмеченного отсутствия общего руководства боем (в связи с боязнью потерь, этим можно объяснить пятичасовое стояние 4 батальонов и 2 батарей против 87 человек, которые сами сдались, а не были принуждены к сдаче), следует отметить ещё неумелое пользование огнём как пехотой, так и артиллерией. Во время отступления буров представился отличный случай использовать всю силу огня, между тем войска почти не участвовали огня и продолжали стрелять так вяло, как и во время нахождения противника за закрытиями.

С этого дня стали наблюдать за результатом стрельбы с воздушного шара; последний прибыл в предшествовавшую ночь и был помещён в русле реки, в расстоянии 1.1/2 вёрст к западу от лагеря буров. Сомневаюсь, чтобы шар принёс много пользы. Буры по нему не стреляли.

24 февраля.

Ночью слышны были несколько орудийных выстрелов, а также и ружейный огонь. Последний вызван был дальнейшим приближением траншей к осаждённому лагерю. С наступлением темноты батальоны, расположенные вдоль реки с востока и запада, придвинули свои окопы на 100–150 шагов вперёд; буры неизменно открывали огонь, который наносил однако мало вреда.

В этот день мы узнали, что 22 февраля лорд **Китченер** уехал в Наупорт, как нам сообщили, с целью на месте проверить железнодорожную службу тыла. Мне кажется, что истинным мотивом этого отъезда было желание убедиться, нельзя ли предпринять наступление со стороны Колесберга, откуда, по слухам, отступили буры, узнав о движении армии к Блумфонтейну.

Лорд **Китченер** видел и понимал всю трудность движения к Блумфонтейну без железной дороги, продовольственные затруднения были и теперь значительны; с большим же удалением от базы они должны были ещё возрасти.

25 и 26 февраля.

Ничего нового не произошло; за ночь траншеи ещё немного приблизились (особенно с восточной стороны); бомбардировка по-прежнему велась вяло.

25-го вечером прибыли четыре 6-дюймовые (155-мм) мортиры (орудия осадного парка). Их поставили на высоту к северу от лагеря, а с утра 26-го эти мортиры приняли участие в бомбардировке.

Порядки на бивуаке

Армия лорда **Робертса** бивуакировала позади своих боевых позиций, вне ружейного огня, имея в траншеях слабые патрульные цепи. Некоторые батальоны должны были посылать за водой за две и более версты; это неудобство облегчалось присутствием в каждом батальоне двух водяных бочек.

К западу от сигнальной горы вдоль по реке бивуакировали нижеследующие части, перечисленные в порядке расположения их по течению реки: полевой госпиталь, главная квартира, два полка ездящей пехоты, лагерь военных агентов, штаб 3-й бригады, управление продовольственного транспорта, другой полевой госпиталь; к югу от дороги и правее реки бивуакировали: продовольственный транспорт, повозки и волы которого размещены были в необыкновенном беспорядке, несколько рот ездящей пехоты, и тут же несколько дней был лагерь двух кавалерийских полков.

Разбивкой бивуака никто не распоряжался. Всякая прибывшая часть сама избирала себе место, руководствуясь, конечно, только полученными самыми общими указаниями (например, стать южнее или севернее реки); линий, интервалов, дистанций не соблюдалось (в этом я неоднократно лично убеждался. В этом отношении Чивлейский и Фрерский лагеря представляли значительно больший порядок).

Внутреннего распорядка на бивуаке не было никакого.

1) Пользование водой. В этом отношении лагерь находился в особо тяжёлых условиях: выше по реке находился осаждённый лагерь буров, для которых единственным средством освобождаться от нечистот и дохлых животных являлся спуск их в реку. Особенно деятельно они пользовались этим средством после 23 февраля, когда вследствие дождей вода в реке значительно поднялась; 25-го спущено было не менее 500 дохлых лошадей, часть которых миновала английский лагерь, большин-

ство же задерживались на мелких местах и гнили в реке (против нашего лагеря я насчитал 43 остановившихся мёртвых лошадей).

Мер к извлечению из реки этих лошадей принимаемо не было; только однажды, после нашей настоятельной просьбы, было прислано несколько рабочих, которые продвинули по течению часть застрявших лошадей.

Войска всё время пользовались водой из этой реки (некоторые наиболее привилегированные части (скорее личности) имели возможность пользоваться водой из колодца, посылая на ферму за 4.1/2 версты), причём вода, конечно, не кипятилась.

Понятно, что при такой воде не было особой надобности указывать места для питья людей, водопоя и купания (на других бивуаках это делалось, но не всегда); однако, несомненно, следовало принять какие-либо меры для упорядочения пользования водой; таковых, однако, принято не было, почему можно было наблюдать следующие явления: в реке лежит мёртвая лошадь, в 5–6 шагах ниже её наполняется бочка для питья людей; в это время **кафр** вгоняет в реку, между бочкой и дохлой лошадью, шесть связанных вместе мулов, которые ещё больше возмущают и без того тёмно-коричневую воду; тут же купаются и моются нижние чины.

2) Убой скота. Определённого места для этого не было: всякий убивал, где ему вздумается, оставляя на месте кожу и внутренности. Никто и никогда этих нечистот не убирал.

В 20 шагах от нашего лагеря находилось в отгороженном сучьями пространстве более 150 голов убойного скота. Никто не распоряжался ни выдачей скота на части, ни убоем его. В самое различное время суток приходили сюда нижние чины различных частей, сами выбирали себе животное и почти всегда убивали его тут же, то есть на самом берегу реки и в нескольких шагах от наших кроватей. Этот беспорядок до самого конца прекращён не был, несмотря на то что состоящий при нас полковник лорд **Даун** (личный адъютант лорда **Робертса**) не раз жаловался самому главнокомандующему.

3) Зарытие дохлых животных. Благодаря усиленным маршам и недостатку фуража, в лагере была масса дохлых животных. Они валялись всюду – и в середине бивуаков войсковых частей, и несколько в стороне от них, и в 20 шагах от госпиталя, и в 40 шагах от лагеря главнокомандующего. Никто их не зарывал (за всё время видел только два случая зарытия в землю животных), и даже трупы почти не сдвигались в сторону с того места, где подохло животное. Благодаря этому и вследствие вообще нечистоты в лагере господствовало такое зловоние, какого я никогда в жизни не испытывал и даже не подозревал, что в неосаждённом лагере может быть такой запах.

Лагерь находился в поразительно неблагоприятных санитарных условиях, между тем в войсках не только не открылось эпидемии, но наоборот, санитарное состояние и во время стоянки, и во время следующего похода было вполне удовлетворительно (только по прибытии в Блумфонтейн после 13 марта открылось довольно много случаев тифа).

Это следует, мне кажется, приписать удивительно здоровому климату.

27 февраля.

Сдача Кронье.

В 3 часа ночи весь лагерь был разбужен сильной ружейной перестрелкой, длившейся четверть часа. Потом всё затихло.

В 6 часов утра стало известно, что **Кронье** со всем своим отрядом сдался.

Официальная версия (письмо командира 19-й бригады генерала **Смит-Дориена** в газете «Friend» (Друг) 17 марта (1900 г.) об этом событии гласит следующее.

В 2 часов 15 минут ночи четыре роты Канадийского батальона и одна рота сапёр выступили из последней траншеи (в 550 ярдах от траншей буров) и начали наступать в две линии, в полном мраке, локоть к локтю. Когда 1-я линия подошла на 25 саженей к траншеям противника, она была встречена сильным огнём. Первая линия немного отступила, залегла и открыла огонь залпами, длившийся более 1.1/2 часа; в это время вторая линия усердно работала и вырыла траншею в 93 ярдах

от буров, в этой траншее находились до утра все четыре роты канадийцев. Потери – 12 убитых, 33 раненых, причём во второй линии, работавшей в 40 саженях от неприятеля, потерь не оказалось. На рассвете буры вывесили белый флаг и сдались.

Я располагаю следующими данными, на основании которых следует этот рассказ признать за вымышленный: 1) объехав лагерь и подступы к нему, я не нашёл названной траншеи (в 93 ярдах); в 650 шагах действительно имелся окоп, а в 150 шагах я нашёл неясные следы начавшейся работы, но чего-либо похожего даже на самый малый окоп я не нашёл; 2) перестрелка продолжалась «не более полутора часов», а 15, много 20 минут; я ясно помню, что огонь прекратили не позднее 3 часов 20 минут; 3) отсутствие потерь во второй линии (работавшей) позволяет предположить, что в действительности эта линия во все и не окапывалась; 4) в статье, появившейся в той же газете 16 марта и вызывавшей вышеупомянутое письмо генерала **Смит-Дориена**, написанное очевидцем и в тоне весьма сочувственном канадцам, об устройстве новой траншеи ничего не говорится. Там подробно передаётся, как канадцы наступали, почти вплотную подошли к окопам противника; после открытого по ним сильного огня они на короткое время залегли, но потом под влиянием сильных потерь отступили в ту самую траншею, откуда вышли. Через несколько дней в той же газете появилось описание того же дела и опять ни слова не говорилось о новой траншее, а, наоборот, категорически заявляется, что канадцы вернулись в ту же траншею (550 ярдов), откуда вышли.

На основании этих данных я совершенно уверен, что наступление канадцев не могло понудить **Кронье** к сдаче и что условия безопасности лагеря утром 27 февраля существовали те же, что и накануне.

Итак, вторая цель операции была достигнута – **Кронье** со своим отрядом сдался. Было взято в плен 38 офицеров, 4010 нижних чинов, в том числе 161 раненый; 2/3 сдавшихся были трансваальцы, 1/3 – буры Оранжевой Республики; орудий взято шесть: четыре **Крупновских** 7,5-сантиметровых (75 мм) и

два скорострельных **Максима-Виккерса** (37 мм); кроме того, большое количество патронов, снарядов, седел и прочее.

Надо заметить, что для сдачи **Кронье** избрал день годовщины пленения трансваальцами английской армии под Маджубой в 1881 г.: сам он был одним из деятельных участников этого памятного для буров дня.

Разбор второго периода операции

Рассматривая операции с 16 по 27 февраля, завершившиеся для англичан столь весьма удачно, надо признать целесообразность принятых главнокомандующим мер.

Вечером 15 (февраля 1900 г.) получилось известие об освобождении от осады Кимберлея и сделалось очевидным, что **Кронье** с большинством своих сил отступает на восток.

Принимается ряд энергических мер для преграждения неприятелю пути отступления; от войск требуется большое напряжение, и части, особенно кавалерия, делают усиленные переходы.

Между тем обстановка, представлявшаяся главнокомандующему вечером 15-го, вовсе не благоприятствовала принятию этого энергического решения. Как раз в это время стало известно, что в тылу появился в значительных силах противник, отбивший весь наличный продовольственный транспорт; у войск же на руках и в обозе всего было на три дня продовольствия. Зная, что день промедления может дать **Кронье** возможность уйти, лорд **Робертс**, не колеблясь, решается наступать: он переводит войска на половину рациона, бросает свою коммуникационную линию на Энслин (отзывает из Ватерфала в Якобсдаля последние бывшие там части, рискуя даже допустить буров к железной дороге) в расчёте на другой день открыть свои сообщения с Моддер-риверским лагерем, где имелся большой запас продовольствия и перевозочных средств.

Окружение противника, остановившегося в Паардебергском лагере, произведено было 18 февраля решительно и быстро; что же касается атаки этого лагеря в тот же день, то надо признать её излишней и ведённой неудачно.

Медлительность последовавших действий имеет серьёзное

оправдание: нечего было торопиться овладеть лагерем, когда всё равно нельзя было наступать далее, пока в Паардеберге не будет собрано достаточно продовольствия для обеспечения безостановочного движения к Блумфонтейну.

Действия **Кронье** за тот же период преступно неправильны. Главной, непростительной ошибкой была его остановка в Паардеберге. Мне кажется несомненным, что он мог отступить далее, едва ли одна кавалерийская бригада, появившаяся у него с фланга (почти в тылу), была бы в силах (особенно принимая во внимание жалкое её состояние, но **Кронье**, конечно, не мог этого знать) преградить ему дальнейший путь. Наконец, в крайнем случае он мог пожертвовать обозом и некоторыми наиболее тяжёлыми (артиллерийскими) орудиями и мог отступить совершенно свободно, и это должно было быть ему известным.

Остановка его имела бы оправдание лишь в одном случае – если бы он решил пожертвовать своим отрядом с целью во что бы то ни стало задержать англичан и тем самым дать время бурам сосредоточиться для защиты Блумфонтейна. Однако защищать этот город, как известно, не имелось вовсе в виду. Значит остановка была крупной ошибкой.

Решившись на остановку, он избрал для этого очень неудачное место: его лагерь был расположен в низине и окружён со всех сторон на расстоянии хорошего орудийного выстрела командовавшими высотами.

Пассивную оборону лагеря, как и всегда, когда дело идёт об обороне из-за закрытий, буры вели успешно. Но нельзя не отнестись с полным осуждением к тому, что они не сделали ни одной вылазки (при растянутости линии обложения и плохой передовой службе войск они легко могли бы нанести несколько частных поражений), ни разу не попытались пробиться.

Мне кажется, что пожелай они пробиться (конечно, без обоза) в восточном направлении 19, 20 или 21 февраля, несомненно, это должно было им удастся и даже, думаю, почти без потерь. Вся обстановка благоприятствовала этому:

Китченеровская высота была в их власти, а у англичан на восточном участке было всего два слабых батальона, понесших 18 февраля большие потери; кавалерийские же части находились не очень близко, да, кроме того, как мы видели, они не были способны к энергетическим действиям.

После 21-го, когда высота была англичанами **Китченеровская** высота и восточный участок охранялся уже не двумя батальонами, а всей 14-й бригадой с артиллерией, прорыв днём в этом направлении не мог быть сделан иначе как со значительными потерями. Ночью же небольшими партиями и в различные направления они, благодаря отличному знанию страны, могли свободно уходить из лагеря до последнего дня осады.

И ничего этого они не попытались сделать, а сдались в плен с массой снарядов и патронов (продовольствия, как мне передавали, у них было немного, но всё-таки могло хватить на несколько дней), опозорив столь дорогой для каждого бура день Маджубы.

Если бы, решившись сдать, они в последний день выпустили бы все оставшиеся у них патроны и снаряды, они всё-таки нанесли бы некоторый вред противнику и избавили бы себя от упрёка, что сдались с оружием в руках, способным к действию.

Как я слышал, между бурами господствует убеждение, что **Кронье** был куплен англичанами. Хотя я этому не верю, однако не могу не признать, что некоторые поступки его имеют подозрительный характер. Действительно, нельзя не удивляться избранному им дню для сдачи, когда он обстоятельствами не был вынужден сдать именно в этот день; странным тоже кажется слишком частая посылка парламентёров с одной стороны на другую, тем более что действительной надобности в этом не было. (Кроме отмеченных выше случаев посылки парламентёров были ещё следующие: 22 февраля после отказа лорда **Робертса** в присылке докторов на предложенных генералом **Кронье** условиях, этот последний вновь просит ему прислать не только докторов, но и госпиталь, не изменяя, однако, своего основного условия – не выпускать докторов до окончания

осады. Понятно, лорд **Робертс** послал отказ. 23 февраля лорд **Робертс** посылал осведомиться о количестве пленных англичан в лагере буров. **Кронье** послал именной список (16 человек). Лорд **Робертс** посылает предложение обменяться пленными. **Кронье** соглашается, и обмен происходит.

Из этого мы видим, что сношения между осаждающим и осаждённым происходят ежедневно. Многие из них можно признать совершенно излишними, если в это время не происходили другие негласные переговоры. Странно также, что **Кронье** согласился на обмен пленных – он этим обнаруживал состояние своего лагеря, положение обороны.)

В день сдачи пленники были отправлены в Моддер-риверский лагерь, куда прибыли на другой день, и немедленно проследовали по железной дороге в Каптаун.

28 февраля.

После сдачи **Кронье** войска были передвинуты вверх по реке на 6 вёрст и стали лагерем у фермы Осфонтейн, имея в 3 верстах впереди всю кавалерию.

Здесь в ожидании подхода транспортов армия должна была простоять до 7 марта.

Чтобы уяснить себе эту необходимость, обратимся к рассмотрению устройства продовольственной части во время операции.

Устройство продовольственной части.

База

Интендант армии (полковник **Ричардсон**) воспользовался свободой (прибывавшие с половины января подкрепления направлялись в Наталь) железной дороги Каптаун–Де-Аар в течение двух недель, предшествовавших приезду лорда **Робертса** в Каптаун, чтобы сосредоточить на станциях Де-Аар, Оранж-ривер и Моддер-ривер большое количество запасов. На первых двух было собрано на каждой 2 миллиона дневных рационов для людей и 1 миллион рационов для лошадей и мулов, в последней – 1 250 000 людских и 400 000 рационов для животных. Всего на этих трёх станциях – 5 250 000 первых и 2 400 000 вторых рационов. Вычтя

из этого количества продовольственную потребность отряда лорда **Метуэна** с 10 января по 5 февраля (650 000 первых и 300 000 вторых рационов), мы увидим, что ко времени сосредоточения армии имелось на отряд примерно в 40 000 человек и 23 000 животных продовольствия свыше чем на 3.1/2 месяца и фуража на 3 месяца. Из этого запаса имелось в виду снабдить продовольствием, на первое время после освобождения, население Кимберлея (около 30 000). Это и было произведено в действительности.

Выбор пунктов для устройства баз надо признать удачным, ибо, каков бы ни был план кампании нового главнокомандующего, из указанных пунктов запасы легко могли быть передвинуты в любом направлении.

Для доставки продовольствия к армии было собрано около 600 фургонов, могущих поднять каждый 6000 английских фунтов (около 164 пудов); все последующие расчёты сделаны в английских фунтах; следует иметь в виду, что 1 английский фунт = 1,093 нашего фунта, то есть для перехода на наши фунты⁵⁸ к количеству английских надо прибавить ещё 1/10 часть), каждый фургон запрягался 16 волами. Весь транспорт разделялся на 6 отделов по 100 повозок, имевших 10 отделений по 10 повозок, из которых 5 отделений нагружались довольствием для людей и 5 – фуражом.

Каждое отделение с продовольствием имело: 5 повозок с сухарями – галетами (отличного качества; дневная дача 1 фунт, или 5 сухарей. Каждые 40 фунтов сухарей укладывались в жестяной ящик, который, в свою очередь, заключался в прочный деревянный; укупорка весила 20 фунтов, то есть 50% полезного веса (хлеба во весь поход войска не получали), вмещавшими 20 000 фунтов чистых сухарей, 2 повозки с мясными консервами – 7200 фунтов чистого мяса, или столько же рационов, и 3 повозки с колониальным товаром (groceries), заключавшим около 23000 дневных порций (дневная порция пряностей состоит из: кофе – 4.2/5 золотника⁵⁹, или чаю – 2.1/5 золотника, или шоколаду – 6.3/5 золотника, сахару – 19.2/5 золотника (очень много), соли 3.1/4

золотника, перца – 15 золотника и рису 13.1/8 золотника, остальные продукты получают не ежедневно): чая, кофе и шоколада (взятых вместе), сахара, соли, перца, прессованной зелени или риса, 19000 порций лимонного сока, свыше 8000 – рома и около 17000 – варенья.

Таким образом, отделение поднимало 20 000 порций сухарей, только 7200 порций мясных консервов (в расчёте на свежее мясо) и свыше 20 000 порций пряностей.

Фуражное отделение имело: 5 повозок с овсом – 2433 дневных дач для лошадей (по 12 фунтов каждая), 3 повозки с кукурузой (1450 дач для мулов, по 12 фунтов каждая), 1 повозка с отрубями (480 дач по 12 фунтов) и 1 повозка с прессованным сеном (486 дач по 12 фунтов) и на всех повозках 151 фунт соли, а всего в отделении 4.849 дневных дач.

Значит, отдел в 100 повозок имел 100 000 людских рационов, с расчётом на некоторое количество свежего мяса, и 24 000 дач фуража.

На довольствии, как сказано выше, состояло около 37 000 человек и 21 000 животных, значит, каждый отдел имел дачу довольствия на 2.3/4 дня и фуража немного более чем на один день.

Количество продовольствия при выступлении и в первый период операции

При выступлении войска имели при себе продовольствия на 5 дней и фуража на два дня, а именно: 1) в трёх полковых (батальонных) повозках – два полных рациона (в том числе и консервов из мяса) на всех людей и две фуражные дачи (только в зерне) на всех животных; 2) на людей на 3 дня неполного довольствия, которое состояло из: 1.12 фунта сухарей, то есть два неполных (трёх четвертных рациона), 2-х полных дач пряностей; мяса не было в расчёте на живой скот; это довольствие на два дня; на третий же день каждый человек имел одну «emergency ration» (неприкосновенный запас), заключённый в жестянку и состоящий из концентрированных в малом объёме весьма питательных продуктов. «Emergency ration» расходовался лишь в крайнем случае, при отсутствии других запасов.

Кроме указанного пятидневного довольствия, с армией выступили из Энслина два полных отдела в 200 повозок продовольственного транспорта – тоже с 5-дневным довольствием для людей и 2.1/2-дневным для животных.

Транспорт этот, как известно, 15 февраля в Ватерфале попал в руки противника, а потому 16 февраля утром можно было располагать только лишь оставшимся на руках у войск продовольствием, то есть полным трёхдневным запасом.

Продовольственные меры после 15 февраля

Прежде всего всё войска и животные переводятся на половинные рационы: люди получают вместо 5 сухарей в день всего три, половину дачи пряностей и полную дачу свежего мяса; в скоте недостатка не было, потому что его много было забрано путём реквизиции; лошади вместо 12 фунтов получали восемь и даже 6 фунтов овса; мулы – 6 фунтов кукурузы. Эта мера позволила растянуть имевшийся запас продовольствия на пять дней, то есть до 20 февраля включительно.

В ночь с 15 на 16 февраля приступают к энергетическому сбору во всех окрестностях (преимущественно на станциях Хонейклауф и Клокфонтейн) всех имеющихся перевозочных средств, которые немедленно нагружаются в вышепоименованных пунктах имевшимися там небольшими запасами продовольствия и спешно отсылаются в Якобсдаль, куда они прибывают 16-го вечером и 17-го утром. Эта мера дала продовольствия на полтора дня.

18 февраля вечером прибывает в Якобсдаль из Моддер-ривера третий (1-й и 2-й отделы были забраны бурами) отдел продовольственного транспорта (100 повозок), который следует далее и прибывает в Паардеберг 21 утром.

С прибытием этого отдела самое трудное время для продовольствия войск миновало; однако войска остаются на половинном рационе.

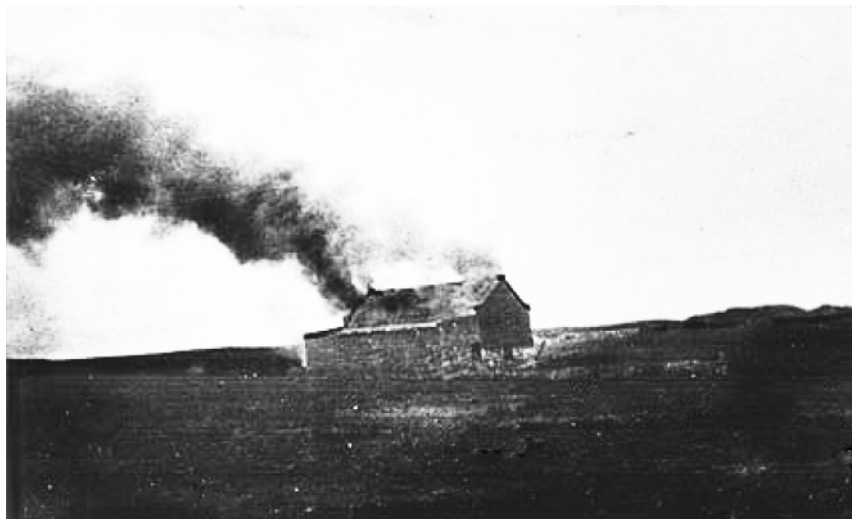
Четвёртый, пятый и шестой отделы прибывают между 22 и 26 февраля, причём первые два приходят из Моддер-ривера, а последний из Кимберлея, куда после исправления железной дороги (20 февраля) переносится база армии, так что главная

коммуникационная линия с этого времени идёт из Паардеберга на Пандамфонтейн и Кимберлей. Опорожнившиеся транспорты отправляются в Кимберлей; на разгрузку и отдых волов (пастьбу) требуется не менее суток.

Таким образом, третий отдел выходит из Паардеберга 22-го вечером (согласно положению о транспортах волаы двигаются только ночью, днём же они должны пастись; сухого фуража волаы не получают; до 22 февраля была страшная засуха и подножного корма почти не было; вследствие этого отмечалась огромная убыль в волах: повозки, имевшие при выступлении по 16 волов, прибыли в Блумфонтейн в среднем не более как с 10 волами. Конечно, по пути волаы пополнялись забранными у буров. С 22 февраля пошли дожди, а с 27 появилась трава, с каждым днём улучшавшаяся) и прибывает в Кимберлей 24-го утром (45 вёрст), где, нагрузившись, он выступает обратно 26-го вечером и достигает Паардеберга 28-го утром. Этот отдел успевает сделать ещё один оборот и прибывает обратно 6 марта.

Остальные три отдела (некоторые отделы не привозили мяса, забирая вместо него сухари и фураж) успели сделать только по одному обороту; они прибыли в Паардеберг между 2 и 6 марта и больше назад не отправлялись.

Для усиления имевшихся в армии перевозочных средств лорд **Робертс** в бытность в Кимберлее (1 марта) (военные агенты тоже посетили Кимберлей; поездка эта с военной точки зрения была интересна лишь в том отношении, что мне удалось осмотреть и сделать кроки⁶⁰ Маггерсфонтейнской позиции. Мы выехали из Паардеберга 27-го (после сдачи **Кронье**), прибыли туда в тот же день, то есть, значит, на 12-й день после снятия с города осады и на 7-й день после восстановления железнодорожного сообщения – никаких следов осады и бомбардировки нельзя было обнаружить), (**Робертс**) устроил при содействии **Сесия Родса** для армии ещё один транспорт (около 100 повозок) из перевозочных средств акционерных бриллиантовых компаний. Этот транспорт выступил 3-го и прибыл в Осфонтейн 5 марта.

Сожжение бурской фермы англичанами во время англо-бурской войны

Благодаря всем этим мерам удалось: 1) обеспечить текущее довольствие войск, причём, однако, до 25 февраля все войска были на половинном довольствии, а с этого дня на трёхчетвёртном; свежего мяса выдавалось по фунту в день; 2) ко дню выступления запас продовольствия составит в следующем размере: 1 100 000 трёхчетвертных рационов сухарей и пряностей, 50 000 полных рационов мясных консервов и 46 000 полных рационов фуража; кроме того, в Паардебергском складе собрано было ещё некоторое количество фуража, но этот последний не мог быть взят с собою при выступлении за недостатком перевозочных средств.

Вышеотмеченные цифры даны мне были интендантом армии; произведённые же мною исчисления, на основании провозоспособности транспортов и потребления продуктов войсками дали мне цифры, весьма близкие к вышеотмеченным, а потому можно с уверенностью утверждать, что 7 марта армия выступила из Остфонтейна, имея с собою почти на месяц сухарей (по $3/4$ фунта), такое же количество пряностей, на $1.1/4$

дня мясных консервов и всего на два дня полной дачи фуража, что составляет почти на четыре дня половинной дачи.

7 марта армия сделала переход в Попларгров (18 вёрст); 8-го и 9-го простояла там же. За эти два дня из Паардербергского склада подвезли некоторое количество фуража (несколько более однодневной пропорции), 10-го, при выступлении армии, все освободившиеся повозки посланы в Паардерберг, где, нагрузившись, 11-го последовали за армией. В этот день закрылась коммуникационная линия Кимберлей–Паардерберг–Попларгров; армия двигалась, имея все запасы с собой, и последний батальон, оставленный в Паардерберге, проследовал с транспортом за армией.

Благодаря указанным мерам фуражное довольствие армии удалось растянуть до 13–14 марта, то есть до прибытия в Блумфонтейн.

Средства страны. Пользование ими

Армия двигалась по стране, весьма бедной продовольственными средствами. Единственное, чем можно было пользоваться, это скотом, всё же остальное приходилось подвозить с базы.

Земледелие здесь не развито вовсе; земля не пашется, а служит лишь для выпаса скота, которого в стране очень много. Население чрезвычайно редкое; единственными посёлками являются фермы, то есть жилища хозяина большого участка земли.

В западной половине, примерно до Попларгрова, расстояние между фермами около 10–12 вёрст, далее же на восток они встречаются несколько чаще, через каждые 5–6 вёрст.

Ферма обыкновенно состоит из дома владельца, небольшого скотного двора, кладовой и нескольких шалашей для чёрных рабочих. При ферме всегда имеется небольшой сад, огород, а иногда и небольшое поле кукурузы. Запасы зерна на фермах весьма малые, в среднем не более 200 пудов, преимущественно кукурузы.

Громадное большинство владельцев до приближения армии покинули свои фермы. Прокламация (в Якобсдале была обна-

родована прокламация, в которой говорилось, что Оранжевая Республика была вовлечена в войну без всякого основания, что война является результатом происков нескольких злонамеренных людей, что вражды между народами никогда не существовало, а потому лорд **Робертс**, вступив на территорию Оранжевой Республики, предлагает всем гражданам сложить оружие и вернуться на свои фермы, обещая обеспечить полную безопасность, как личную, так и имущественную, всем исполнившим его требование) лорда **Робертса** не имела желанного действия: за весь поход мы нашли всего три фермы, не покинутые владельцами (два немца и один бур – брат президента **Стейна**).

Покидая фермы, владельцы ничего, кроме скота (единственное, что в стране считается ценностью), с собой не забирали; но так как они уходили большей частью в последнюю минуту перед самым приходом англичан, то часто не успевали утнать скот и большое количество его попадало в руки противника.

Грабежи войск

Скудными средствами страны англичане пользовались немело и беспорядочно. Не было организовано команд, которые по прибытии в оставленную владельцем ферму занимали бы её, охраняли от разграбления и с толком распоряжались бы оставленным имуществом. Всё это было установлено на бумаге (приказ 18 февраля № 27), но никогда не было приведено в исполнение; кто первый попадал на оставленную владельцем ферму, тот разграблял её самым варварским образом: всё имущество расхищалось, портилось, уничтожалось, не принося почти никакой пользы грабителям, особенно усердно в этом изощрялись колониальные войска.

Фермы, на которых оставались владельцы, охранялись и не несли почти никакого ущерба.

Для прекращения грабежа войск главнокомандующий отдал два приказа 15 и 16 февраля. В первом лорд **Робертс** стремился подействовать на самолюбие частей, просил начальников принять энергичные меры к прекращению безобразия. Второй приказ грозил повешением каждому, уличённому в грабеже, а части, в которых служил виновный, – выключением из состава действу-

ющей армии и отправкой для охраны путей сообщения.

И этот грозный приказ не прекратил безобразия, потому что делу реквизиции не было дано надлежащей организации, а меры строгости остались только на бумаге и никогда применяемы не были.

Следуя большей частью с передовыми войсками, я лично много раз присутствовал при самых возмутительных сценах грабежа и ни разу не видел, чтобы какой-либо офицер вмешался в дело, сказал бы хоть слово для прекращения безобразия.

Мало того, некоторые органы своими распоряжениями поощряли грабёж. Так, интендант армии (нижеследующее он мне сам рассказал), когда 8 марта в Попларгрове оказался большой недостаток в убойном скоте, объявил войскам, что всякий, доставивший ему вола или барана, получит за первого 1 фунт стерлингов, за второго – один шиллинг. Мера эта удалась вполне, и в течение двух дней интенданту армии доставили свыше 600 голов (дневная потребность армии около 100 голов). Правда, что когда узнал об этом главнокомандующий, то мера эта немедленно была отменена и полковник **Ричардсон** получил строгий выговор.

Заключение об организации продовольствия армии

1). Продовольствие армии производилось в очень тяжёлых и неблагоприятных условиях: армия двигалась без железной дороги в стране, где, кроме мяса и отчасти подножного корма для животных, никаких иных продовольственных средств достать было нельзя, а всё приходилось подвозить с базы.

2). Трудность этой обстановки была в должной мере оценена, и приняты были надлежащие меры: на ближайших железнодорожных станциях сосредоточено было много продовольственных продуктов и собрано большое количество перевозочных средств для доставки этих продуктов.

3). Потеря в самом начале операции почти одной трети продовольственного транспорта не имела решающего значения на ход военных действий и не задержала армию в чрезвычайно важную для успеха всей операции минуту.

4). Окончив одну операцию (окружение и сдача **Кронье**), лорд **Робертс** не начал следующей, пока не сосредоточил до-

статочных запасов, чтобы обеспечить безостановочный ход следующей – движение к Блумфонтейну.

5). Отмечается большая осторожность во всех расчётах: находясь от Блумфонтейна в 110 верстах (5–6 переходов) и вынужденная при движении вперёд вовсе порвать связь со своим тылом, армия тронулась только тогда, когда имела с собою почти месячный запас продовольствия.

6). Несмотря на имевшиеся, по-видимому, значительные запасы, из осторожности не решились перевести армию на полное обычное довольствие, а продолжали держать её на трёхчетвёртном и даже иногда на половинном довольствии.

7). Экономия в расходовании продовольственных средств не отразилась вовсе на действии пехоты, но повлияла весьма неблагоприятно на деятельность кавалерии.

Марш к Блумфонтейну

Сражение при Попларгрове

а) Позиция.

Начиная с 3 марта начали производить разведки, с целью узнать о расположении и действиях буров.

Выяснилось, что они заняли целый ряд высот в восьми верстах к востоку от Осфонтейна; левый фланг их линии простирался до Петрусбурга, потом позиция пресекала реку Моддер у Поплар-грова и тянулась далее на север ещё вёрст на 15. Конечно, столь длинная линия могла быть занята такими слабыми силами, коими располагали буры, лишь с большими перерывами. Средний участок этой линии хотя и слабо, но всё-таки был занят сплошь, и он-то и составлял настоящую позицию. Правый фланг её составляла большая высота (Леон-Коп) в 1200 саженьях от реки Моддер, на северном её берегу; далее на юг шли траншеи, расположенные по обоим берегам реки почти перпендикулярно её течению.

Центр составляет другая большая высота (А), от которой и тянулся на юг гребень, заканчивавшийся в 12 верстах от реки семью небольшими, но чрезвычайно типичными холмами. Это был левый фланг позиции.

Сведения о силах буров были самые разноречивые; однако

накануне атаки позиции главный разведчик армии (американец **Burnham**) сказал мне, что буров здесь не более 3–4 тысяч. Он оказался прав.

7 марта.

б) Диспозиция.

Для наступления армии и для атаки указанной позиции были отданы накануне следующие распоряжения:

1) Кавалерийская дивизия с 42 конными орудиями и двумя полками (до 1800 человек) едущей пехоты должна была выступить в 3 часа ночи из Осфонтейнского лагеря (до 6 марта кавалерия бивуакировала в 3 верстах впереди Осфонтейна, но в этот день она отошла назад, потому что была расположена слишком близко к противнику, дабы произвести обход. Служба охранения после этого была возложена на части едущей пехоты и на 9-ю дивизию, которая была выдвинута вперёд и расположилась на северном берегу реки в 3–4 верстах к востоку от Осфонтейна) и двинуться в обход левого фланга позиции, чтобы проникнуть в тыл центра позиции и атаковать главный лагерь буров у Поппаргрова.

2) 6-я дивизия с тремя полевыми батареями, 4 шестидюймовыми мортирами (едва ли можно признать правильным придачу осадных мортир к обходной колонне) и бригадой едущей пехоты, выступив в 3 часа 30 минут ночи, должна была двинуться на юг и, выйдя правее левого фланга позиции буров у семи холмов, атаковать последние.

3) Центр: гвардейская бригада с 3 полевыми батареями (как сказано выше, эти части присоединились к армии накануне) 9-й дивизии, четырьмя крупными морскими орудиями и двумя ротами едущей пехоты должны были занять высоту в 4 верстах к востоку от Осфонтейна и оттуда огнём способствовать атаке соседних колонн.

4) 14-я бригада 7-й дивизии (15-я бригада ещё находилась в тылу в Паардеберге) с 3 полевыми батареями и несколькими ротами едущей пехоты в 5.1/2 часа утра должна была наступать между рекой и названной высотой в центре против высоты (A); ей предписано было не ввязываться в серьёзный бой,

а лишь привлечь на себя внимание противника, чтобы не дать ему возможность сосредоточить все силы против 6-й дивизии.

5) 9-я дивизия с тремя 12-фунтовыми морскими орудиями должна была наступать против высоты Lyon-Cor, имея тоже приказание не ввязываться в серьёзный бой; приданные к этой дивизии два полка ездящей пехоты должны были обойти высоту слева и войти в тыл правого фланга позиции.

Из этой диспозиции видно, что англичане собирались атаковать широким фронтом в 16 вёрст; главный удар направлялся на левый фланг противника, хотя не было сосредоточения сил к этому флангу; кроме того должен был быть произведён обход с обоих флангов, причём главный обход направлен на левый фланг буров.

Такой способ атаки объясняется малочисленностью и инертностью противника; не будь этих двух условий, эта разбросанность сил и отсутствие резерва могли иметь дурные последствия.

Описание сражения

Кавалерия не выполнила диспозиции. Она выступила в назначенное время, но отойдя 2 версты остановилась, вследствие трудности двигаться в темноте, и простояла почти до 5 часов утра. Благодаря этому, а также медленности дальнейшего движения (генерал **Френч** и не думал нагонять потерянного времени), кавалерия вышла на высоту левого фланга буров лишь в 7.3/4 часа. Вместо того чтобы, не вступая с ними в бой, обойти их фланг и выйти в тыл позиции, как то требовалось диспозицией, генерал **Френч** развернул свою артиллерию против семи высот и небольших холмов, находившихся южнее их, и начал обстреливать эти высоты.

Около 8.1/2 часов утра морские орудия, бывшие в центре, открыли огонь по тем же семи высотам, а часть кавалерии двинулась им в тыл. После четырёх выстрелов морских орудий, буры (не более 300 человек) с этого участка позиции начали отступление, направляясь на северо-восток к Попларгрову.

Только в 9 часов вступает в дело пехота и почти одновременно на всём фронте:

6-я дивизия, видимо не зная, что семь высот очищены неприятелем, разворачивается против них и начинает обстреливать. Ей посылается по гелиографу приказание продолжать наступление.

Примечание. Следует отметить широкое и вполне успешное пользование гелиографом: во время сражений другим способом передачи приказаний и донесений, кроме гелиографа, не пользуются; каждая бригада и каждый отряд с самостоятельным назначением имеет свою станцию, посредством которой сообщаются с дивизиями и главной квартирой; с батальонами бригады переговариваются флагами; ординарцев не видно вовсе. Когда кавалерия высылается на дальнейшее расстояние, она соединяется со штабом армии летучим телеграфом (изолированная проволока, расстилаемая по земле), который работал всё время отлично.

В это время 7-я и 9-я дивизии начали медленное наступление.

После отступления с семи высот буры очистили и гребень, что севернее этих высот. В это время на горизонте показалась кавалерия, которая медленно двигалась в тылу параллельно фронту позиции.

Из центра высылается редкая цепь ездящей пехоты для осмотра впереди лежащего гребня; она доносит, что к югу от высоты (А) буров нет.

Эту последнюю высоту энергично обстреливает артиллерия 7-й дивизии; буры изредка отвечают с неё из одного или двух орудий.

В 10.1/4 часа получается донесение, что буры в полном отступлении, за исключением лишь самого северного участка позиции, где они ещё держатся на высоте Lyon-Kor.

В это время начинают наступление: гвардейская бригада, 14-я бригада и 9-я дивизия. Последние две, приблизившись к Lyon-Kor'у на расстояние среднего орудийного выстрела, выслали свою артиллерию и начали его обстреливать.

В 11.1/2 часа и отсюда буры отступили на восток.

Только около 12 часов дня вышла кавалерия туда, куда

первоначально была послана, то есть на Попларгровскую дорогу. Но все буры в это время уже благополучно отступили, и ей не удалось отрезать ни одного человека.

Длина всего пути следования кавалерии в этот день немного менее 30 вёрст; на прохождение этого расстояния она употребила девять часов; около 1.1/2 часа она потеряла по случаю темноты (своевольно остановилась) один час, на атаку семи высот (опять-таки, вопреки приказанию). Выкидывая эти 2.1/2 часа, всё-таки получается поразительно медленное движение, особенно принимая во внимание, что неприятель нигде серьёзно её не задерживал. Наблюдая за движением кавалерии, невольно получалось впечатление, что она делала всё возможное, чтобы не опоздать вовремя, не ввязаться в серьёзное дело с отступающим противником. Прояви она немного более поспешности, пожалуй, можно было достигнуть ценных результатов: помимо отрезания пути отступления большей части буров можно было при удаче захватить самого президента **Крюгера**, который выехал из Попларгрова только в это утро, около 9 часов.

Ездящая пехота, приданная к 9-й дивизии, тоже не исполнила предписанного обхода правого фланга противника.

После 12 часов дня началось отступление буров из Попларгрова на восток; по той же дороге вслед за ними следовала кавалерия **Френча** и догнавшая её 14-я бригада. Арьергард буров дважды останавливался на встречных высотах; артиллерия преследовавших выезжала на позицию и начинала обстреливать; буры снимались и уходили дальше.

Около 2.1/2 часа дня преследование приостановлено. Войска стали бивуаком у Попларгрова, а кавалерия – в 3 верстах впереди.

В этот день я имел случай наблюдать за тем, как отдавались главнокомандующим распоряжения. Во время всего дела он сидел на высоте, с которой отлично всё было видно; вблизи его находились всё чины штаба. Все получаемые донесения докладывались главнокомандующему или личным его секретарём полковником **Чемберленом**, или военным секретарём

подполковником **Кауном** (оба весьма умные люди, особенно первый, и, видимо, имеют большое влияние на главнокомандующего). Обдумав полученное известие, лорд **Робертс**, ни с кем не посоветовавшись, спокойно отдавал категорическое распоряжение. Он ни разу не обратился к находившемуся всё время вблизи лорду **Китченеру**.

Этот последний имел несколько обиженный вид. Вообще он, кажется, недоволен своим положением. При назначении его все думали, что он, а не лорд **Робертс** будет главным действующим лицом. Этого не оправдалось, напротив, во всех вопросах военных операций, мне кажется, он имеет меньше голоса, чем имел бы обыкновенный, без громкого имени, начальник штаба, лично избранный главнокомандующим; в организационных же работах ему, видимо, предоставлено значительно больше власти.

В общем, мне кажется несомненным, что если не между самим лордом **Робертсом**, то между его ближайшими приближёнными и лордом **Китченером** существует антагонизм.

8 марта.

Войска имели днёвку, 6-я дивизия была выдвинута в виде авангарда в Рудепорт, а кавалерия ещё больше вперёд, в Вайхен.

9 марта.

Опять днёвка, в ожидании доставления фуража из Паардеберга. В этот день к армии присоединились три батальона 15-й бригады (7-й дивизии), бывшие до сего времени на охране пути сообщения.

В период операций тыл охранялся следующим образом: 15-я бригада оставалась в Якобсдале с 16 февраля по 3 марта; в Клип-дрифте с 19 февраля находились Гвардейская бригада; 4 марта она проследовала на присоединение к армии, а на её место прибыла 15-я бригада, которая 7-го передвинулась в Паардеберг, откуда 9-го двинулась на присоединение к армии, оставив в последнем пункте один батальон, который, в свою очередь, присоединился к армии с последним отправленным из Паардеберга транспортом. Линия Кимберлей-Паардеберг с

19 февраля до 7 марта охранялась попечением лорда **Метуэна**, который выслал на это время в Пандамсфонтейн один батальон 9-й бригады.

10 марта.

Для дальнейшего наступления армии было отдано следующее приказание:

1. Войска будут наступать на Блумфонтейн тремя колоннами следующего состава:

Левая колонна. Генерал-лейтенант **Френч**.

6-я пехотная дивизия; 1-я бригада кавалерийской дивизии **Amderson's** ездящей пехоты. (В этом приказе ездящая пехота определяется именем начальника, это объясняется неопределённостью её организации.)

Средняя колонна. Генерал-фельдмаршал главнокомандующий (**Робертс**).

9-я пехотная дивизия. Гвардейская бригада. 2-я бригада кавалерийской дивизии. **Martyr's** ездящей пехоты. **Le Gallais** ездящей пехоты. 65-я морская батарея. Осадное и морское орудия. Резервный артиллерийский парк. Продовольственный транспорт. 7-я рота инженеров.

Правая колонна. Генерал-лейтенант **Теккер Стаккер**.

7-я пехотная дивизия. 3-я бригада кавалерийской дивизии. **Radley's** ездящей пехоты.

2. Движение начнётся завтра, 10 марта, колонны будут иметь ночлеги в нижепоименованных пунктах:

(Левая колонна). 10-го – Баберспан. 11-го – Дурнбум. 12-го – Вентерс-Валлей, кавалерия в Лейберге. 13-го – Лейнберг.

(Средняя колонна). 10-го – Дрейфонтейн. 11-го – Асфогель. 12-го – Вентерс-Валлей (кавалерия в Лейберге). 13-го – Лейберг.

(Правая колонна). 10-го – Петрусбург. 11-го – Дрейкоп. 12-го – Панфонтейн или Вельтвреде. 13-го – Вентерс-Валлей.

3. На ответственность начальников фланговых колонн возлагается поддержание связи со средней во всё время марша.

4. 10 марта левая колонна выступит в 5 часов утра, а средняя, в 6 часов.

5. Штаб армии будет двигаться со средней колонной.

Начальнику телеграфа озаботиться немедленным установлением телеграфного сообщения штаба с тылом.

Движение тремя колоннами объясняется желанием возможно шире использовать средства страны как в смысле сбора запасов, так и для пользования подножным кормом.

Войска выступили в назначенное время; правая колонна благополучно прибыла в Петрусбург, откуда незадолго удалился маленький отряд буров, оставив только госпиталь с 60 ранеными и больными.

Дело при Абрамс-краале

Левая колонна наступала, имея кавалерию в 2–3 верстах впереди. Около 9 часов утра, не доходя Абрамс-краала, получено было известие, что высоты эти заняты противником. 6-я дивизия сделала часовой привал, во время которого кавалерия производила разведку.

Кавалерия донесла о занятии высот А и Б; о том же, что буры занимали и другие высоты к юго-востоку, сведений не имелось.

Генерал **Келли-Кенни** решается двинуться вправо, в обход левого фланга противника, и этим заставить его отступить; движение в этом направлении, кроме того, приближало колонну к пункту её ночлега. Для обеспечения флангового движения и для прикрытия позади следовавшего обоза, были оставлены два батальона и 1 батарея, которые заняли высоту против высот А и Б (немного к югу). Остальная часть дивизии, наступая на юго-восток, попала под перекрёстный огонь с высот Б и В. Артиллерийские снаряды падали даже в обозную колонну, но большинство их, по обыкновению, не разрывалось. Высота Г, первоначально слабо занятая бурами, занимается сильнее частью защитников Абрамс-краальских высот, успевших перебраться туда.

6-я дивизия на некоторое время приостанавливает наступление и ограничивается обстреливанием артиллерийским огнём позиции противника (12.1/2 часа дня).

Движение средней колонны тоже прикрывалось кавалерией. Пройдя 14 вёрст, сделана была часовая остановка. Около

11.1/2 часа кавалерия обнаружила, что ряд высот к востоку от Дрейфонтейна был занят бурами. Кавалерия (2-я бригада) остановилась и более часу бездействовала, здесь к 2-й бригаде присоединилась 1-я из левой колонны.

Генерал **Френч** решается двинуться в обход вправо. Он направляется позади холма Д; вследствие этого движения буры очистили холм Е. Тогда часть кавалерии двинулась между холмами Е и Ж, остальные пошли ещё правее. Всё движение кавалерии происходило весьма медленно, почти всё время шагом. Зайдя в тыл холма Ж, который буры тоже очистили, кавалерия почему-то остановилась и не пошла далее в тыл позиции противника. Было 2.1/2 часа дня.

Около этого времени пять батальонов 6-й дивизии с двумя полевыми батареями начали движение вперёд, и Вельшский полк без особого сопротивления занял высоту В; батареи выехали правее высоты – завязалась оживлённая перестрелка, как ружейная, так и артиллерийская (на холме 3 буры имели три орудия, в том числе одно скорострельное **Максима-Виккерса**).

Обе стороны несли потери, однако генерал **Келли-Кенни** выжидал с решительной атакой, видя, что буры стоят твёрдо, и зная, что им в тыл направлена кавалерия (ездящая пехота, приданная к дивизии, проявила обычную бездеятельность: она несколько раз бесцельно переходила с места на место в тылу своей пехоты и в конце концов ничего не предприняла; а между тем трудно придумать более благоприятной обстановки для деятельности этого рода оружия; легко было заехать в тыл защитникам холма, спешиться и открыть по ним огонь. В тылу позиции буров, как и всегда, были их лошади; к опасности, грозящей их лошадям, они чувствительнее, чем к собственной). Так дело шло до 3.1/2 часа дня.

Главнокомандующий наблюдал дело с высоты И. Видя перерыв в бое и получив от кавалерии донесение, что буры находятся в отступлении, он ввиду позднего времени дня приказал 6-й дивизии атаковать.

Донесение кавалерии было неверно. Благодаря своей бездеятельности она не проникла в тыл центра позиции, а остано-

вилась за флангом, а потому видела лишь то, что происходит на малом участке; донесла же об отступлении вообще, что побудило главнокомандующего отдать вышеуказанное распоряжение.

6-я дивизия пошла в атаку, имея в первой линии в середине Вельшский батальон, правее батальон Buff (Гейлендерский) и левее Essex. Буры оказали упорное сопротивление и очистили холм лишь в последнюю минуту, оставив на позиции 102 труп.

6-я дивизия понесла довольно значительные потери (почти все потери приходятся на названные три батальона): 6 офицеров и 52 нижних чина убитыми, 16 офицеров и 321 нижний чин ранеными. Взято было в плен 20 буров.

Кавалерия, имевшая полную возможность отрезать защитникам этой высоты путь отступления, спокойно простояла всё время в отдалении и не взяла ни одного пленного.

Пехота средней колонны, несмотря на то что подошла к полю сражения раньше двух часов дня, никакого участия в деле не приняла.

Инцидент с белым флагом

В этот день (11 марта) произошёл инцидент, интересный лишь в том отношении, что он доказывает, как мало следует верить всем жалобам на злоупотребление со стороны буров белым флагом.

Утром на следующий день я встретил капитана **Мориса**, служащего в штабе 6-й дивизии (должность, соответствующая нашей старшего адъютанта штаба). Рассказывая мне про различные эпизоды вчерашнего боя, он, между прочим, сказал (этот рассказ не был вызван каким-либо моим вопросом. Свидетелем разговора был германский военный агент капитан барон **Люттвиц**): «Во время наступления Вельшского батальона, ещё в начале боя, буры, видимо, хотели сдаться и вывесили белый флаг. Какая досада, что никто в боевой линии не заметил этого флага, батальон не прекратил ни огня, ни наступления; буры, подождав некоторое время, сами убрали флаг и вновь открыли огонь».

Рассказ очевидца кажется правдоподобным.

Через несколько часов приходит ко мне американский военный агент и со слов одного из офицеров главной квартиры, передаёт о том же событии следующий рассказ: «Когда Вельшский батальон наступал, буры вывесили белый флаг и подняли руки в знак сдачи; Вельшский батальон вышел из закрытия и без стрельбы двинулся забирать пленников; тут-то буры их встретили градом пуль. Лично видел это один из адъютантов (фамилию не назвал) главнокомандующего».

На другой день полковник **Чемберлен**, личный секретарь лорда **Робертса**, передавал (не мне, а французскому военному агенту майору **Де Амаду**) совершенно ту же версию, но лишь с тем изменением, что происшедшее видел сам лорд **Робертс**, который во время дела находился в 3–4 верстах от места происшествия. Я находился на той же высоте и не только не видел ничего подобного, но и не слышал, чтобы об этом говорили. Видимо, это была версия позднейшей фабрикации.

Из сопоставления рассказа легко решить, который из них правдив, между тем я уверен, что на другой день весь мир был оповещён досужими корреспондентами о возмутительном поступке буров (я сейчас прочёл в итальянской газете «*Corriere della sera*» (Вечерний курьер), что об этом факте, конечно, в измышленной, лживой версии, лорд **Робертс** телеграфировал английскому правительству, прося официально сообщить о нём нейтральным державам. Если этот, заведомо неверный факт, решаются сообщать официально державам, то по этому можно судить насколько заслуживают доверия другие подобного рода жалобы англичан, которые не решались подтверждать факта официальным путём).

11 марта.

7-я дивизия (правая колонна) сделала в этот день назначенный ей диспозицией переход и прибыла, не встретив сопротивления, в Дрейкоп. С этого перехода 3-я кавалерийская бригада отделилась от колонны и присоединилась к своей дивизии.

Левая и средняя колонны накануне вечером соединились и следовали далее вместе. Не встретив сопротивления, войска

прибыли в пункты назначения: Асфогельноп и Дурнбум, а кавалерия выдвинулась вперёд на 3 вёрсты.

Во время этого перехода мне пришлось лично убедиться, насколько начальники отдельных частей мало осведомлены о противнике и вообще об обстановке.

Отъехав от Дредфонтейна около 5 вёрст, я увидел гвардейский гренадёрский батальон, занимающий в боевом порядке ряд высот; командир батальона объяснил мне, что, по имеющимся сведениям, противник занимает впередилежащие (в южном направлении) высоты и что ему приказано впредь до дальнейших распоряжений оставаться здесь.

Увидев в восточном направлении движущиеся войска, я поехал туда. Это оказались части 6-й дивизии и обозы разных частей. Подъехав, я застал следующую оригинальную картину: в равнине, фронтом на те высоты, которые и командиром гвардейского батальона считались занятыми противником, стояли в боевом порядке (в три линии, все три в рассыпном строю) два батальона; остальные батальоны 6-й дивизии стояли в колоннах в версте позади. В это же время по дороге впереди рассыпанных батальонов двигалась бригада кавалерии; она направлялась несколько левее высот, откуда ожидали противника, и не определила для осмотра этих высот ни одного разъезда. За кавалерией потянулись обозы различных частей (не только её), двигаясь в полном беспорядке и без прикрытия. Обоз обогнал рассыпанные батальоны, которые всё ещё ждали противника. Проехав далее и опередив версты на две эти батальоны, я увидел отделение телеграфного парка без всякого прикрытия, устанавливающее полевой телеграф в 600–800 шагах от высот, которые пехотой считались занятыми противником, но на которых в действительности не было ни одного бура. Только когда обоз обогнал пехоту версты на четыре, последняя тронулась. Шли в том же боевом порядке, в каком стояли.

Нужно заметить, что движение в боевом порядке английских батальонов и в тех случаях, когда нет никаких данных для внезапной встречи с противником (например, в тылу

своих войск), практикуется очень часто. Мне кажется, что это объясняется, во-первых, недоверием (весьма основательным) к разведывательной службе передовых частей и боязнью попасть в глубокой колонне под огонь противника (во время настоящей кампании было достаточно подобных примеров), а во-вторых, тем, что местность удивительно этому благоприятствует: движение происходит всё время на равнине, на которой лишь изредка встречаются отдельные высоты; препятствий же, кроме проволочных изгородей, легко перерезаемых, нет никаких, а потому движение широким фронтом вполне возможно. Обозы тоже всюду могли двигаться без дорог.

Вечером этого же дня кавалерия произвела разведку в восточном направлении и донесла, что на высотах, между Хартебисшоком и Ватерклуфом, видны буры.

12 марта.

Несмотря на указанное известие, главнокомандующий решается не изменять ранее принятого намерения двигаться в Вентерс-Валлей. Этим движением обходилась позиция буров. Путь к Блумфонтейну через Вентерс-Валлей, а не по одной из кратчайших дорог был именно избран, чтобы избежать ряда высот, на которых буры могли бы удобно задерживать армию. Делать обходы, не оставляя ничего для обеспечения с фронта, можно было потому, что буры никогда не переходили в наступление, а кроме того, в настоящем марше армия не имела коммуникационной линии, имея при себе все свои запасы.

Настолько мало боялись противника, что, несмотря на фланговое движение, не было выслано влево даже бокового авангарда. Порядок движения был совершенно такой же, как и в предшествующие дни: кавалерия впереди, далее широким фронтом вперемешку пехотные батальоны, рассыпанные и в колоннах, артиллерия, обозы разных частей, едущая пехота.

Во время марша никаких признаков присутствия неприятеля нигде обнаружено не было. Я думаю, что если бы буры действительно накануне были на высотах Ватерклуфа, то они

за ночь отступили; вернее же, что они вовсе и не останавливались на этих высотах, а отступили гораздо ранее.

В Вентерс-Валлей к первым двум бригадам кавалерии присоединилась третья; вся дивизия с конными батареями после трёхчасового отдыха и выступила в два часа дня. К вечеру она прибыла на станцию Ферера-Сайдинг, где и провела ночь, всего в 9 верстах от Блумфонтейна. Противника нигде обнаружено не было.

Остальные силы левой и средней колонн провели ночь в Вентерс-Валлей, а правая колонна, в ожидании подхода транспорта из Паардеберга, имела днёвку в Дрейкопе.

13 марта.

Рано утром было получено донесение, что кавалерия занимает высоты в 5 верстах к югу от Блумфонтейна, а одна бригада выслана в северо-восточном направлении и что никаких признаков намерений защищать город не обнаружено.

В 5.1/2 часов утра главнокомандующий выезжает из Вентерс-Валлей и, значительно опередив колонну, в 8 часов прибывает в Ферера-Сайдинг, где временно останавливается. Здесь подтвердилось то, что все заранее ожидали, а именно что правительство Оранжевой Республики покинуло столицу и что город не имеет намерения защищаться.

Лорд **Робертс** посылает сказать городским властям, что он даёт им время до 4 часов дня для сдачи без всяких условий, что если до этого времени сдачи не последует, то он вступит в город силою.

В 10 часов главнокомандующий переезжает на высоту, занятую кавалерией в 5 верстах от города, куда вскоре прибывает городской глава с депутацией. Он объявляет о сдаче города, просит охранить безопасность обитателей и имущество не только тех, которые остались в городе, но и тех тоже, которые его покинули. Последняя просьба, идущая вразрез с Якобсдальской прокламацией лорда **Робертса**, мотивируется главою тем, что когда в начале войны многие англичане покинули город, то имущество их тщательно охранялось и находится и ныне невредимым.

Лорд **Робертс** обещает выполнить просьбу и через час во главе кавалерии вступает в Блумфонтейн.

Всё многочисленное английское население этого города (вся торговля в их руках) высыпает на улицу и устраивает торжественную встречу. Голландское же население, за весьма малым исключением, выехало из города.

Положение, в котором англичанами был найден город, надо признать более чем благоприятным, так как ничего не было ни вывезено, ни уничтожено. Отступившие буры даже не увезли с собой всего подвижного состава железной дороги, а любезно предоставили победителю 8 локомотивов и до 200 вагонов.

Последнее обстоятельство было особенно выгодно для англичан, так как железная дорога на юг не была ещё открыта (13 марта буры ещё владели мостами через Оранжевую реку у Норвальс-Понта и Бетули), а оставленный подвижной состав дал возможность немедленно выслать отряд войск на юг и начать восстановление дороги с севера.

Для увеличения продовольственных средств армии, пока не было открыто сообщение с базой, интендантское управление немедленно наложило запрет на продовольственные продукты, найденные в городе, потом приобрело их путём реквизиции, заплатив владельцам очень высокие цены. Кроме того, было обнародовано объявление об открытии для окрестного населения рынка, на котором все продукты будут приобретаться для армии по тем же высоким ценам.

Вообще все административные меры, принятые по занятии города, были весьма разумны и гуманны. Лорд **Робертс** стремился умиротворить население и расположить общественное мнение в пользу Англии.

Остальные части армии прибыли в Блумфонтейн между 14 и 16 марта и расположились лагерем на склонах гор на окраинах города.

Первый поезд прибыл с юга 22 марта (мост через Оранжевую реку ещё не был восстановлен).

Разбор последнего периода операций

В последнем периоде операций следует отметить: 1)

Отсутствие серьёзного сопротивления со стороны противника⁶¹: после сдачи **Кронье** почти 30-тысячный корпус лорда **Робертса** имел против себя не более 4000 буров. Местность, по которой происходило наступление, тоже не благоприятствовала упорной обороне, так как все позиции легко могли быть обойдены с флангов. 2) Вся трудность наступления заключалась в снабжении войск продовольствием, ибо на месте продуктов почти не имелось и не было железной дороги для удобной их доставки. 3) Как указано было выше, продовольствие армии устроено было отлично и все необходимые для сего меры были заранее обдуманы и своевременно приведены в исполнение. 4) Буры же, со своей стороны, ничего не сделали, чтобы помешать в этом отношении успешному выполнению операции; все средства страны они не уничтожали, не увозили, а оставляли в распоряжение наступающему. Кроме единственного случая нападения на транспорт под Ватерфалем, они вообще не угрожали сообщениям противника, не препятствовали свободному движению его транспортов. Трудно даже было бы поверить, что при длине коммуникационной линии в 170 вёрст и при движении в стране с безусловно враждебным населением, за всё время ни разу не было нарушено телеграфное сообщение с тылом. Такой образ действий противника позволял англичанам расходовать весьма мало сил на охрану своего тыла⁶².

Почерпнём и некоторые небезынтересные сведения из воспоминаний русского добровольца, кадрового пехотного офицера подпоручика **Евгения Фёдоровича Августуса**, воевавшего на стороне буров, и в какой-то степени дополняющие приведённые выше донесения полковника **Стаховича**:

...Положение дел ко времени прибытия вновь назначенного главнокомандующего лорда **Робертса** было далеко не утешительное. Отсутствие общего руководства, недостаток ясного понимания обстановки и разбросанность английских

войск привели к плачевным результатам, и первым делом **Робертса**, при содействии его талантливого начальника штаба **Китченера**, была выработка нового плана военных действий, для осуществления которого однако ж потребовалось немало времени. Нужно было выждать прибытия 6-й и 7-й дивизии, последние эшелоны которых высадились в Капштадте лишь 11 февраля.

Тем временем **Робертс** обратил главное внимание на организацию войск, на упорядочение интендантской и санитарной частей, на создание обоза и на подготовку железных дорог в районе передвижения и операций войск.

Первой заботой дальновидного фельдмаршала было формирование многочисленных полков конной пехоты как рода оружия, наиболее приноровленного к военным действиям против буров. Громадные транспорты лошадей прибывали ежедневно из Англии и, главным образом, из Аргентины; прекрасным материалом служили табуны коней, одичавших на привольных пастбищах Капской колонии. Как аргентинские, так и, в особенности, лошади местной породы оказались впоследствии более пригодными и выносливыми, чем полукровные английские, которые сотнями гибли во время морского путешествия и тысячами – от непривычных местных условий.

Люди конной пехоты комплектовались из местных жителей, как из фермеров, так и из населения городов Южной Африки. Привлечённые высоким жалованием в 10–15 шиллингов⁶³ в день и перспективой безнаказанного грабежа и мародёрства, во вновь формируемые полки поступали охотно бездомные искатели приключений и рабочие на золотых приисках в Йоханнесбурге, бежавшие в Капштадт после объявления войны и очутившиеся без заработков. Из таких элементов и набирались полки, известные под названием: Imperial horse (Императорская кавалерия), South-African light horse (Южноафриканская лёгкая кавалерия), Brabant horsemen (**Брабантские** кавалеристы), Remington horse (**Ремингтонская** кавалерия), Roberts horse (Кавалерия **Робертса**), Prince Alberts horse (Кавалерия принца **Альберта**) и другие. Отлично знако-

мые с местными условиями, привыкшие к суровой, бродяжной жизни, отважные разведчики и лихие всадники, эти *horsemen* (всадники) сослужили немалую службу английской армии, хотя как всякая вольница, они плохо подчинялись военной дисциплине и наводили ужас на мирное население своими разбоями и грабежами.

Там, где прошли *Brabant horses*, саранче уже делать нечего, – говорили про них впоследствии мирные поселенцы Капской колонии и Фрейштата.

Таким же духом отличались и волонтеры колоний, выставивших отряды конной пехоты и артиллерии. Тут были и конные стрелки Северной Канады, и лансеры (уланы)⁶⁴ Нового Южного Валиса (Уэльса), и *boosh-men*'ы Квэнсланда (имеются в виду австралийцы из Квинсленда – *Прим. авт.-сост.*) Английские патриоты гордо указывали на войска австралийцев и канадцев, как на залог прочного объединения колоний с метрополией. Но не нужно забывать, что в самой Канаде население Квебека и Монреаля и других областей, главным образом, французского происхождения, не принимало никакого участия в формировании отрядов, посылаемых в Южную Африку, и даже устраивало враждебные Англии демонстрации. А Австралийские штаты в награду за выставленные ими контингенты вспомогательных войск, добились проведения в парламенте давно желанного *Commonwealth Bill* (Билля о Содружестве), что было равносильно признанию со стороны Англии полной автономии Австралийских федеративных штатов.

Относительно подготовки железных дорог, оборудования подвижного состава и прочего было сделано следующее. Полковник **Girouard**, на которого **Робертс** возложил управление всеми железными дорогами в Капской колонии, сформировал железнодорожный батальон в 1000 человек из рабочих, покинувших йоханнесбургские прииски, соорудил временный мост через Моддер-ривер, исправил испорченное бурами полотно дороги между *Roesmaed-Junction–Molteno*, усилил охранение на всех более важных пунктах и привлёк весь наличный состав служащих, усиленный имевшимися в его распоряжении

*Английский товарный поезд, сошедший с рельс из-за диверсии буров,
и тяжёлая повозка буров. Февраль 1900 г.*

Канадские кавалеристы

Английские свинчивающиеся пушки калибра 2,5 дюйма (63,5 мм) на защите Мафекинга

железнодорожными батальонами, к содействию по эксплуатации железных дорог, единственным назначением которых сделалась теперь перевозка войск и войсковых грузов. На линии Капштадт–Де-Аар, благодаря принятым мерам, число поездов доходило до семи в день; этим путём перевозились исключительно войска. Из Порт-Элизабет отправлялось ежедневно пять поездов, и линия эта, Порт-Элизабет–Кравдок–Наувпорт, служила для передвижения материалов и запасов. Причина подобного распределения грузов та, что несмотря на разницу в расстояниях – от Капштадта до Де-Аара, узлового пункта всех железных дорог, 802 километра, а от Порт-Элизабета – 541 километр, – выгоднее было направлять войска по первой линии, так как в Капштадте высадка войск совершалась беспрепятственно, между тем как в Порт-Элизабет нужно было транспортным пароходам ехать ещё два дня, и высадка войск затруднялась часто дурной погодой и открытым рейдом.

Движение по линии Эист-Лондон–Стромберг (Штротмберг) было прервано до начала февраля, так что подвоз войск и грузов лёг всей тяжестью на вышеназванные две дороги. И нужно признать, что задачу свою они выполнили блестяще, принимая во внимание колоссальное количество привезённых грузов: в одну, например, только неделю с 19 по 26 января (1900 г.), по западной линии перевезено 7650 человек, 3533 лошадей, 11 орудий, 799 тонн артиллерийского материала и 811 тонн другого груза, – и целый ряд других неблагоприятных условий, как, например, необходимость подвозить уголь из Капштадта и Порт-Элизабета, так как буры разрушили каменноугольные копи в Yydwe и ветвь железной дороги отсюда на Стекстром, и расстояния между станциями водоснабжения доходящие до 400–500 км, поэтому воду приходилось возить в особых вагонах-цистернах и так далее. Дороги все однопутные, с шириной колеи в 1.067 метров.

Железные дороги Капской колонии, таким образом, успешно выполнили задачу концентрирования войск и подвоза продовольственных и боевых запасов к исходному пункту последующих затем операций. Для дальнейшего же движения в

глубь страны, лишённой удобных путей сообщения и природных ресурсов, **Робертс** признавал необходимость организовать соответствующий обоз. На станциях Наупорт и Де-Аар были устроены громадные склады повозок всевозможного типа, начиная с громоздких фургонов, употребляемых фермерами Южной Африки, и кончая лёгкими двухколёсными cabs (кэбы).

Для предположенного движения на Блумфонтейн, где железной дорогой уже нельзя было пользоваться, был приготовлен обоз из 700 повозок при 9000 мулах и волах. Волаы были местной породы, а мулы закупаались большими партиями в Италии и Аргентине.

Повозки первого разряда, непосредственно следующего за английской армией, запрягались мулами и лошадьми, а второго – волами.

Для продовольствия войск во всех главных пунктах сосредоточения были устроены полевые хлебопекарни; в походе войска продовольствовались галетами, упакованными в цинковых ящиках. Мясо выдавалось или замороженное, получаемое из Австралии, или консервами, в виде *korned-beefa*, *brown* (в виде коричневой тушёной говядины), или консервированного супа. Таким способом избегалась необходимость гнать за войсками скот и устраивать в лагерях бойни.

Кроме того, войска получали в изобилии сахар, кофе и jam, фруктовый мармелад или варенье в жестяных, герметически закупоренных коробках. Продовольствием войск заведовал полковник **Ричардсон**.

Следует отметить, что **Робертс** не выжидал запасов продовольствия, высылаемых ему из Англии распоряжением War-Office, а большая часть была закуплена попечениями интендантства⁶⁵ армии в самой Капской колонии.

Приведённая ниже таблица даёт наглядное представление о количестве тех английских войск, которые находились в Южной Африке ко времени принятия лордом **Робертсом** непосредственного командования на Моддер-ривер.

Организация действующих английских войск следующая: самая крупная единица – это дивизия, состоящая из 2-х пе-

хотных бригад четырёхбатальонного состава и 3-х батарей; батальон и полк равнозначные понятия; в батальоне 8 рот, по 100–120 человек. Эскадроны 15–20 рядного состава сведены по 3 в полки и в бригады; батарея состоит из 6 орудий при 140–170 человек прислуги.

К 5 февраля (1900 г.) состояло (кроме ещё не прибывших батарей 7-й дивизии):

	Батарей	Эскадронов	Батарей	Человек.	Орудий
В Южной Африке в начале военных действий	17	15	10	19000	60
Подкрепления, высланные после объявления войны (2-я, 3-я, 4-я, 5-я дивизии с кавалерией)	37	24	20	39000	120
Морская артиллерия (с Powerful и др ⁶⁶ .	–	–	8	1100	38
5-я дивизия	8	3	3	8200	18
6-я дивизия	8	3	3	7700	18
7-я дивизия	8	–	3	7700	18
8-я дивизия	8	–	3	7700	18
3 конных батареи	–	–	3	500	18
4-я кавалерийская бригада, состоящая из 3 кавалерийских полков, 1 конной батареи и двух рот конной пехоты	1/2	9	1	2000	6
1 кавалерийских полк и 2 конных батареи из Индостана	–	3	2	800	12

	Батарей	Эскадронов	Батарей	Человек.	Орудий
9 полевых и 3 мортирных батарей	–	–	12	2000	72
2 батальона из Египта и Мальты	2	–	–	1900	–
31 батальон милиции по 700 человек	31	–	–	21700	–
Конная пехота Imperial Jeomanry	17	–	–	8000	–
1 полк Лондонских волонтеров (City of London Volunteers)	14	–	–	1000	4
Осадный парк	–	–	–	1500	36
Всего	138	54	69	129 800	438

Распределились эти войска следующим образом:

Генерал **Вайт** в Ледисмите имел в своём распоряжении (за вычетом попавших в плен 2 батальонов, 1 эскадрона и 1 батареи):

2 батареи морской артиллерии:

8.1/2 батальона, 11 эскадронов, 8 батарей.

1 полк Imperial Light horse – 800 человек.

(Всего) – 9600 человек, 44 орудия.

Его (4-я) дивизия состояла из 7-й и 8-й пехотных бригад под начальством генералов **Гамильтона** и **Гримвуда**. К началу блокады численность его войск достигала 12 100 человек.

Армия генерала **Буллера** на **Тугеле** состояла из 2-й, 3-й и 5-й дивизии и кавалерии **Дундональда**. За вычетом 2 батарей, потерянных при Колензо 15 декабря, у него было:

5 батарей морской артиллерии – 26 орудий;

24 батальона, 9 эскадронов, 14 батарей.

Колониальные войска и 8 мортирных батарей осадной артиллерии.

(Всего) – 27 150 человек, 94 орудия.

На Моддер-ривер находился лорд **Метуэн** с войсками 1-й и части 9-й дивизий:

1 батарея морской артиллерии с 4 орудиями;
12.1/2 батальона пехоты, 6 эскадронов, 8 батарей;

Колониальные войска.

(Всего) – 12 500 человек, 46 орудий.

На станции Orange-river и в Бельмонте под начальством полковника **Miles**:

3 батальона, 3 эскадрона;

Канадские волонтеры.

(Всего) – 4700 человек, 6 орудий.

В Де-Аар было:

Колониальные войска и осадный парк – 1200 человек, 6 орудий.

Генерал **Френч**, действовавший под Колесбергом против **Девета** с 12-й пехотной бригадой генерала **Клементса**, считал под своим начальством:

6 батальонов, 12 эскадронов, 4 батареи.

2 мортиры осадной артиллерии.

Кавалерия австралийских колоний

(Нового Южного Уэльса).

(Всего) – 9000 человек, 26 орудий.

У генерала **Гатакра** под Стромбергом и Додрехтом в Капской колонии:

4.1/2 батальона, 3 батареи.

Brabant-horse – 1000 человек.

(Всего) – 4500 человек, 17 орудий.

В Кимберлее:

4 роты Royal Nord Lancashire (Королевских североланкаширцев) – 500 человек.

Волонтеры: Diamond Fieldt horse (Лошадь алмазных приисков) and artillery (и артиллерия) – 1700 человек, 6 орудий.

(Всего) – 2200 человек, 6 орудий.

Орудия эти были горные; во время осады города рабочим на алмазных приисках De-Beer'a (Де Бирс) удалось от-

*Пулемёт **Максим** на вооружении британского
бронепоезда*

*Полковник **Пламер***

*Английская команда моряков и морских комендоров (артиллеристов) позируют у
бронепоезда во время англо-бурской войны*

27 февраля 1900 г. Некоторые из 4105 буров, взятых в плен при Паардеберге

лить орудие крупного калибра⁶⁷, которое и вступило в состязание с **крезовским** орудием **Long-Tom**, хотя без всякого успеха.

В Мафекинге находилось под начальством энергичного полковника **Baden-Powell'a** 1000 человек волонтеров при 6 орудиях.

В Родезии полковник **Плумер (Пламер)** с таким же отрядом волонтеров при 6 орудиях и двух блиндированных поездах (бронепоездах).

Для прикрытия тыла и охранения железных дорог:

8.1/2 батальонов, 5 батарей.

Колониальные войска.

(Всего) – 17 250 человек, 30 орудий.

Все распоряжения лорда **Робертса** по распределению вновь прибывающих дивизий и стягиванию остальных войск к Моддер-риверу, откуда готовилось внезапное движение против **Кронье**, хранились в глубокой тайне. Суровый **Китченер** без всяких околичностей выслал всех корреспондентов газет из Главного штаба армии. Войска, получавшие приказ о посадке

на поезда, ничего не знали о пункте назначения и лишь в дороге получали телеграмму с приказанием о дальнейшем следовании. Таким образом от буров, знавших раньше отлично от своих лазутчиков и из газет о малейшем передвижении английских войск, совершенно скрылось то обстоятельство, что в промежуток времени от 4 по 11 февраля совершилось сосредоточение частей 6-й и 7-й дивизии по линии железной дороги у Моддер-ривера, куда впоследствии прибыла и вся кавалерия **Френча** из-под Колесберга. Здесь его сменил генерал **Клементс**, но располагая весьма незначительными силами и имея против себя такого искусного противника, как **Девет**, он был принуждён очистить один за другим города Колесберг и Ренсбург со значительными потерями. И только успехи **Робертса** заставили **Девета** покинуть Капскую колонию и поспешить на выручку **Кронье**, уже теснимого англичанами.

10 февраля лорд **Робертс** со своим штабом прибыл на театр военных действий и принял непосредственное начальствование над собранными там войсками.

Нельзя не сказать несколько слов о личности этого генерала, которому Англия обязана восстановлением, хотя до некоторой степени чести своего оружия, хотя блестящие его начальные успехи не совсем оправданы современным положением дел.

Поступив в 1851 г. в армию с чином лейтенанта, он в 1857 г. принимал участие в кровавом усмирении восставших сипаев, причём заслужил орден Victoria Cross⁶⁸, дающийся только за боевые подвиги. Впоследствии он состоял в Генеральном штабе (General Staff) Индостанской армии. Особенно прославился он в Афганской войне, где командовал корпусом в чине генерал-майора и освободил осаждённый гарнизон Кандагара, за что был пожалован званием лорда Кандагарского. Вызванный после поражения сэра **Коллея** (в 1881 г.) на Маждубе в Южную Африку, **Робертс** исполнял некоторое время должность верховного комиссара и главнокомандующего английской армией в Южной Африке. Но война прекратилась тогда благодаря миролюбивой полити-

ке **Гладстона**, и **Робертсу** пришлось вернуться в Индию, где он последовательно был назначен главнокомандующим Мадраса, а затем и всей Индии до 1893 г. Вернувшись в Англию, он был встречен с необычайными почестями; Оксфордский университет преподнёс ему диплом доктора прав *in honoris* (почётного), а королева пожаловала ему высший орден Подвязки, звание лорда Ватерфордского и почётную должность главнокомандующего войсками в Ирландии, куда он и удалился, желая провести остаток дней своих на покое. Но неблагоприятный оборот вновь вспыхнувшей войны заставил престарелого **Frederic Sleigh Robert's** стать во главе войск, с чином фельдмаршала, что должно было его утешить в смерти единственного сына, убитого 15 декабря под Колензо; а впоследствии война эта лишила его и дочери, умершей в Претории от злокачественного тифа, которым она заразилась, ухаживая в госпитале за английскими ранеными и больными.

Маленького роста с большими седыми усами и маленькой эспаньолкой⁶⁹, лорд **Робертс**, несмотря на преклонные лета, поражает своей бодростью и неутомимостью. Среди солдат он пользуется всеобщей, вполне заслуженной, популярностью и его называют не иначе как **Bob**.

Не менее замечательная личность его начальник штаба, лорд **Герберт Китченер**. Он уже обращает на себя внимание тем, что не принадлежа к высшей аристократии, сумел пробиться и занять столь высокую должность, что является исключением в английской армии. Родившись в 1850 г., он в 1874 г. поступил лейтенантом в инженерные войска, а с 1883 г. состоял в египетской армии и прогремел как победитель грозного **Махди** при Омдурмане (в 1898 г.). Египетский поход создал **Китченеру** репутацию дальновидного организатора и талантливого полководца, этой репутации он обязан своим назначением на ответственный пост начальника штаба южноафриканской армии, в качестве которого он считался правой рукой главнокомандующего.

Насколько **Робертс** мягок и любезен в обращении со свои-

ми подчинёнными, настолько **Китченер** неприветлив, строг и требователен по службе. Его сильно побаиваются все эти изнеженные лорды, которые составляют свиту и штаб **Робертса**.

– Сколько времени вам дано для выполнения этого поручения фельдмаршалом? – спрашивает он, выпрямляясь во весь свой гигантский рост, кого-нибудь из приближённых **Робертса**.

– Три недели, – отвечает смутившийся джентльмен, украшение дербийских⁷⁰ скачек.

– Если вы мне в три дня не представите рапорта об исполнении, я вас вышлю обратно в Лондон!

И несчастный протеже или с жаром принимается за работу, зная, что с **Китченером** шутки плохи и что **Робертс** никогда не отменит распоряжение своего начальника штаба, или же с первым парохом возвращается обратно в Лондон, предпочитая мирные удовольствия lawn-tennis'a и five-a-clock tea'a⁷¹ (тенниса на грунте и пятичасового чая) военным лаврам.

Подобными способами лорд **Китченер** сумел избавиться от всех навязанных ему War-office (Военным министерством) племянников влиятельных членов парламента или высших представителей лондонского High-Life (Высшего света) и окружил себя дельными, работающими офицерами, вроде вышеназванных полковников **Ричардсона** и **Жируарда (Жируара)**, отдавая предпочтение своим бывшим сотрудникам по Египетской кампании.

Одна из отличительных черт **Китченера**, его недоброжелательство к представителям прессы, в которой он видит лишь орудие биржевых воротил, вызвавших и настоящую войну. Сознание несправедливости и жестокости англо-бурской войны однако ж не мешает ему добросовестно исполнять свой прямой долг солдата.

Ещё в Египте, на банкете, данном в честь некоторых офицеров, вызванных в начале войны в Южную Африку, причём последние в застольной речи выразили сожаление из-за расставания со своим начальником и надежду скоро вернуться обратно, **Китченер** им кратко ответил: «Не беспокойтесь, господа, все там будем!»

В заключение этой краткой характеристики **Робертса** и **Китченера**, я упомяну о малоизвестных обстоятельствах, что как тот, так и другой состоят членами франкмасонских лож, некогда столь распространённых в английской армии и в высшей аристократии и считавших в числе своих членов знаменитых адмиралов **Напира**, **Нельсона** и герцога **Веллингтона**. В настоящее время франк-масонские ложи утратили прежнее мистическое и общественное значение и принадлежность к обществу вольных каменщиков считается лишь признаком хорошего тона и привилегией немногих избранных лиц, вроде членов королевского дома, лорда **Бересфорда**, **Вольселея** и других.

Войска, сосредоточенные к 10 февраля на линии Orange-river station–Граспан и на Моддер-ривере под непосредственным начальством лорда **Робертса**, были следующие:

1-я дивизия генерал-лейтенанта лорда **Метуэна**.

(В её составе): 1-я гвардейская бригада генерал-майора **Поля Карью**:

III Grenad. Guards (гвардейский Гренадёрский полк).

I Goldstream Guards (Голдстримские гвардейцы).

II Goldstream Guards.

I Scots Guards (шотландский гвардейский; названия всех остальных полков по городам и старинным графствам).

9-я пехотная бригада генерал-майора **Дугласа**:

I Northumberland Fusiliers.

II Yorkshire.

II Northhamptonshire.

I Royal North Lancashire (4 роты этого полка находились в Кимберлее).

6-я дивизия генерал-лейтенанта **Келли-Кенни**:

13-я пехотная бригада генерал-майора **Кнокса**:

II East Kent (the buffs – буйволы).

I West Riding.

II Gloucester.

I Oxfordshire.

18-я пехотная бригада полковника **Стефенсон**:

I Essex.

I Jorkshire.

II Warwiekshire.

I Royal Welshe.

7-я дивизия генерал-лейтенанта **Тукера (Такера)**:

14-я пехотная бригада генерал-майора **Чермзейда (Чермсайда)**:

I Kings own Scottish Borderers (Лейб-Королевский шотландский пограничный полк).

II Norfolk.

II Lincolnshire.

II Hampshire.

15-я пехотная бригада полковника **Вауэл**:

I East Lancashire.

II Cheshire.

II South Wales Borderers (Южно-Валлийский пограничный полк).

II North Staffordshire.

9-я дивизия генерал-майора **Кольвиля**:

3-я (шотландская) пехотная бригада генерал-майора **Макдональда**⁷²:

II Royal Highland (Black Watch – «Чёрная стража»⁷³).

I Highland light infantry (лёгкая шотландская пехота).

II Seaforth Highlander, Argy II and Sutherland Highlander.

19-я пехотная бригада генерал-майора **Смит-Дориена**:

I Gordon Highlander.

II Duke of Cornwallis light infantry (Герцога Корнуэльского лёгкая пехота).

II Shropshire.

Canadian Regiment (Канадский полк)

Примечание: Цифры перед названиями полков означают нумерацию батальонов, так как по первоначальной организации пехоты, каждый полк предполагено иметь двухбатальонного состава.

Артиллерия:

1) Полевая артиллерия – батареи: 4, 21, 62, 75, 76, 78, 81-

85 (всего 11 батарей 6-орудийного состава).

2) Две мортирные батареи: № 37 и № 65.

3) Две батареи морской артиллерии (4 орудия – 7,6-сантиметровых [76 мм] и 4 орудия – 12-сантиметровых [120 мм]).

4) Десять осадных орудий – 15-сантиметрового⁷⁴ [150 мм] калибра.

5) Три скорострелки – 3,7 сантиметровые [37 мм] калибра системы **Виккерс-Максима (Максима-Виккерса)**.

6) Семь конных батарей, приданных кавалерийской дивизии **Френча**: U, Q, G, P, R, O, T.

Всего 141 орудие.

Кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта **Френча**:

1-я кавалерийская бригада полковника **Портера**:

6. Inniskilling Draagons (2 эскадрона).

2. Royal Dragons (Scots Greys).

3. Dragon Guards (Carabineers).

2-я кавалерийская бригада полковника **Бродвуда**:

12. Lancers.

10. Hussars.

3-я кавалерийская бригада полковника **Гордона**:

New-South Wales Lancers (1 эскадрон)

16. Lancers.

9. Lancers.

1-я бригада конной пехоты полковника **Гонная** (3 полка).

2-я бригада конной пехоты полковника **Ридлея** (3 полка).

Всего 8000 человек.

Кроме того, при армии находились: воздухоплавательное отделение и 6 пионерных рот, команды военно-телеграфного парка и гелиографные отделения.

Этой армии в 35 000 человек при 141 орудии **Кронье** мог противопоставить только разбросанные на большом протяжении отряды, в общей сложности не превышавшие 6000 человек при шести орудиях. Главный лагерь его находился на высотах Маггерсфонтейна.

Позиция буров простиралась от высот Кодозэ-Берга до Моддер-ривер; правый фланг был занят более сильными от-

рядами, чем остальные участки позиций, не представляющей никаких выгод для обычной бурской оборонительной позиции. Необозримые песчаные или каменистые равнины, изредка прерываемые грядой небольших возвышенностей, высыхающие в жаркое время года ложбины степных рек и соляные озёра составляют характерные особенности этой страны, где разыгрались последующие события.

Оставив дивизию **Метуэна** у Modder-river station, лорд **Робертс** направил всю кавалерию **Френча** восточнее Якобсдаля к Клипт-дрифту. Малочисленные бурские отряды не могли задержать движение английского авангарда, но следовавшей в тылу главных сил 7-й дивизии оказали сильный отпор при занятии Якобсдаля.

Обеспечив переправу у Клипт-дрифта через Моддер-ривер, куда 15 числа прибыли главные силы **Робертса** (6-я и 9-я дивизия), **Френч** со своей кавалерией выступил в тот же день к Кимберлею, отстоящему всего в 30 километрах. Обойдя левый фланг **Кронье**, и не встречая особенного противодействия со стороны буров, постепенно снявших осаду, английская кавалерия вечером 15 февраля вступила в Кимберлей. Гарнизон, успешно выдержавший четырёхмесячную осаду, был таким образом освобождён и в руки англичан досталось несколько брошенных лагерей буров, отступивших с артиллерией и обозом на Boshof. **Френч**, надеясь отрезать им путь отступления, деятельно повёл преследование.

Кронье, находясь в главном лагере под Маггерсфонтейном, на все поступавшие к нему известия об обходном движении англичан в сторону Кимберлея, отвечал неизменно одно и то же: «Англичане никогда не решатся покинуть линию железной дороги и мне, как старшему, лучше знать, что предпринять».

Он так и не сделал ни одной серьёзной попытки, чтобы помешать движению **Френча**.

И лишь в ночь на 16-е число, когда среди буров уже стало известно, что Кимберлей освобождён и что в тылу и с флангов находятся значительные силы противника, началось отступление **Кронье** в восточном направлении к Блумфонтейну.

27 февраля 1900 г. Хайлендеры осматривают захваченные у Паардеберга орудия буров

Штаб-квартира англичан у Паардеберского брода

---

*Сдача **Кронье Робертсу** у Паардеберга*

*Винтовки, карабины, патроны, обоймы и артиллерийские снаряды
собранные в городе Ледисмите во время осады в 1899-1900 гг.*

*После сдачи **Кронье** у Паардекраала собрание винтовочных патронов лопатой*

Но уже было поздно, и сильно пришлось бурам поплатиться за самонадеянность их предводителя. Большие облака пыли обнаружили **Китченеру** путь движения бурского войска к Дрипуту, и он направил имевшуюся в его распоряжении 6-ю дивизию со стороны Клипт-дрифта, намереваясь атаковать буров, движение которых сильно затруднялось многочисленным обозом. У Дрипута произошёл ожесточённый бой, длившийся до наступления темноты; ночью буры тронулись дальше, бросив 78 повозок, так как много упряжных волов совершенно обессилело. Предоставив преследование отступающих буров бригаде **Кнокса**, сам **Китченер** с другой бригадой той же дивизии **Стефенсона**, перешёл снова на южный берег Моддер-ривер. Форсированным ночным маршем он надеялся отрезать **Кронье** дорогу на Блумфонтейн у Паардеберг-дрифта, но сбился с дороги, проплутал всю ночь и на рассвете очутился гораздо дальше намеченного пункта, у Вольвскраала. На другом

берегу виднелся громадный обоз **Кронье**, который из своих фургонов составил вагенбург⁷⁵. Невольный промах **Китченера** дал ему, таким образом, возможность вовремя задержать переправу буров через Моддер-ривер. Непонятно, почему **Кронье**, прибывший к броду гораздо раньше **Китченера**, расположился спокойно биваком; но и теперь он имел возможность, бросив часть обоза, уйти в северо-восточном направлении. Дорога была ещё открыта.

Во время привала прискакал в лагерь комендант **Спруйт**⁷⁶ с роковой вестью, что на севере, на горах Кодозэс-ранда, появилась кавалерия **Френча**. **Спруйт** застал грозного победителя при Маггесфонтейне и Моддер-ривер в тот момент, когда он собственноручно смазывал колёса своего фургона. **Спруйт** сообщил **Кронье** о появлении англичан в тылу и настойчиво убеждал его бросить обоз и броситься всеми силами на конную пехоту англичан, которая не выдержала бы напора. К его мнению присоединились и другие. **Кронье**, покуривая трубку, хладнокровно выслушал их и ответил, что сам знает как поступить.

Подобная беспечность, чтобы не сказать больше, со стороны человека, заслужившего даже у своих противников репутацию дальновидного и энергичного полководца, невольно наводит на мысль, что не без основания буры обвиняют **Кронье** в измене. Ещё задолго до сдачи, ходили упорные слухи, что тайными переговорами **Робертсу** удалось его убедить в бесполезности дальнейшего ведения войны и **Кронье** нарочно, не доверяя известиям о появлении значительных сил противника на флангах и в тылу, и, замедляя потом преднамеренно отступление, на самом деле дал возможность англичанам окружить его и как бы невзначай попал в ловушку. После свершившегося факта, имя **Кронье**⁷⁷ стало синонимом изменника в устах народа.

Хотя, конечно, не всегда «глас народа – глас божий» и армия часто приписывает свои неудачи измене вождей, но в данном случае, прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что за войну ни одного не было случая, чтобы буры при своём

отступлении – а весь последующий период заключался в беспрерывных отступлениях – были бы достигнуты и окружены англичанами. Буры имели перед англичанами громадное преимущество, во-первых, в том, что их конные войска и лёгкая артиллерия как нельзя лучше приспособлены к непрерывным передвижениям, между тем как английская конная пехота, а тем более регулярная кавалерия, почти никогда не удалялась от бивака или главных сил больше чем на полперехода.

Освобождение Кимберлея **Френчем**, который для этого с 8-тысячным отрядом отдалился на 28 вёрст от главных сил **Роберта**, считается у англичан беспримерным в военной истории кавалерийским рейдом.

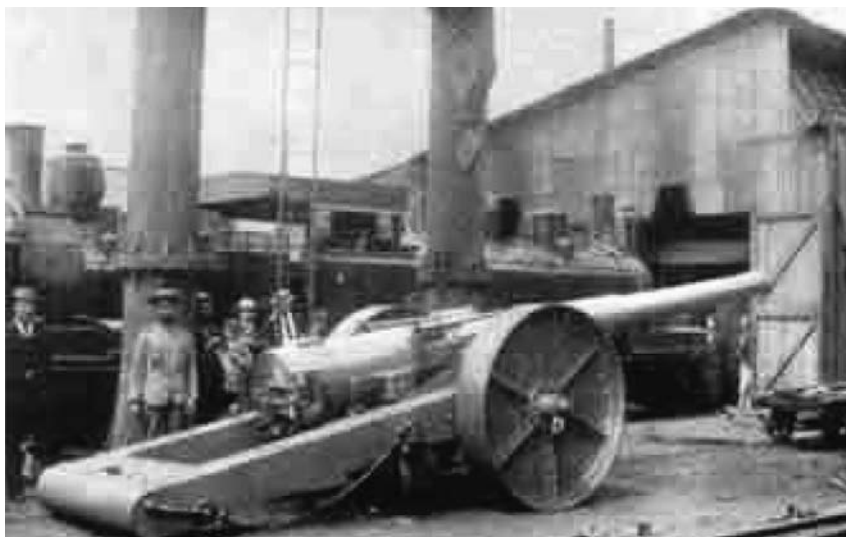
Во-вторых, на стороне буров – знание местности, каждой тропинки, каждого брода и поразительная способность к ночным переходам.

Буры безошибочно в самые тёмные ночи ориентируются по одним им известным приметам и никогда не сбиваются с пути.

Важное значение имело расположение к ним местных жителей, мирных буров, оставшихся на своих фермах и предупреждавших их о всяком передвижении англичан, помимо тех точных сведений, которые доставляла генералам и командантам отлично организованная служба дозоров и разведчиков.

Кроме того, нужно знать, что ещё до войны как **Жубер**, так и **Кронье**, были известны как противники крайней политики **Крюгера** и считались впоследствии приверженцами той партии, которая добивалась примирения с Англией, хотя бы ценой уступок и признания протектората.

Про **Жубера**, между прочим, говорили, что он не допускает усиленной бомбардировки Ледисмита не только из Jommer op de manschaften (Жалко людей), но и потому, что ему не хотелось превратить в развалины собственные дома, находящиеся в черте города. А в день его интимных похорон в Претории открыто говорили, что он отравлен, так как правительство республики боялось его нежелательного вмешательства в решение вопроса о продолжении войны; что не все буры являются не-

*Морское тяжёлое орудие калибра 152,4 мм (6 дюймов) на самодельном лафете конструкции капитана **Скотта**. Позднее этот опыт широко использовался Великобританией во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на различных фронтах*

---

*Артиллерийская позиция буров при осаде Ледисмита. Орудие **Крупна** калибра 75 мм*

примиримыми врагами английского владычества, доказывалось многими фактами, например, пожалованием **Фрейзеру**, секретарю (президента) **Стейна**, титула баронета и назначением его губернатором Блумфонтейна, или тем, что сам верховный комиссар и министр Капской колонии, сэр **Амеррез Мильнер**, африканер и бур по происхождению (не верно).

Как бы там ни было, но бурский народ, который до сих пор ещё с оружием в руках (цитируемый отрывок из воспоминаний относится к 1901 г. – *Прим. авт.-сост.*) защищает свою свободу, твёрдо убеждён, что **Кронье** – изменник. А между тем в Европе повсюду его чествуют⁷⁸ как одного из славнейших героев бурской эпопеи, преподносят ему адреса, золотое оружие и прочее, забывая о тех предводителях буров, которые являются воплощением доблестного духа храброго народа – **Бота**, **Стейна** или **Девета**, – одно имя которых наводит теперь страх и трепет на английских генералов-спортсменов.

А **Френч**, в самом деле, ещё из-под Кимберлея приказал бригаде **Broadwood** вернуться и направиться наперерез войску **Кронье**, заняв лежащие выше по реке высоты Kodoes-Rand; сам же он с остальной кавалерией и конной пехотой пустился вдогонку за бурами, снявшими осаду Кимберлея. Но буры, предводительствуемые **Делареєм**, **Смэтсом**⁷⁹ и другими командантами, внезапно переменили направление и ускользнули из рук **Френча**, этого лучшего кавалерийского генерала английской армии, увезя все свои орудия и не оставив ни одной повозки. **Френчу** ничего не оставалось сделать, как отказаться от преследования, повернуть обратно и присоединиться к бригаде **Бродвуда**, сторожившей брод у Кодозс-ранда.

С прибытием 9-й дивизии сомкнулось кольцо обложивших **Кронье** английских войск. Вся равнина далеко вокруг была запружена войсками противника. Буры сознавали всю невозможность прорыва, но приготовились к отчаянной обороне. Занятые ими на протяжении 3 км крутые обрывистые берега Моддер-ривера в продолжение одной ночи (на 18 февраля) были превращены в ряд глубоких стрелковых окопов. Женщины и дети, которых было до 200 в обозе, скрывались в

наскоро вырытых подземных норах; там же помещались раненые, больные и даже английские пленные.

Утром 18 числа **Китченер** произвёл первую атаку. От перекрёстного артиллерийского огня загорелись фургоны обоза; с оглушительным треском взлетали на воздух один за другим зарядные ящики. Буры не отвечали ни одним выстрелом.

Когда же английская пехота широким полукругом стала спускаться по отлогому скату к реке и подошла на 600 метров, то скрытые в траншеях обоих берегов буры открыли такой непрерывный и меткий огонь, что все усилия английских офицеров подвести свои войска ближе, оказались тщетными и **Китченер** отказался от своего намерения покончить с **Кронье** одним ударом. Артиллерия продолжала обстреливание всю ночь.

Бурские отряды, до тех пор успешно действовавшие в Капской колонии, должны были оставить занятые ими города и спешили на помощь **Кронье**.

Генерал **Оливье**⁸⁰ напал врасплох на арьергард 7-й дивизии, шедшей в тылу армии **Робертса**, и отбил громадный продовольственный обоз в 180 повозок в то время, когда англичане переправлялись через Рит-ривер у Вотерсваль-дрифта. Хотя отряд **Оливье** состоял всего из 300 человек, но **Робертс**, бывший при 7-й дивизии, отказался от мысли погнаться за отбитым обозом и продолжал движение на соединение с **Китченером**. Потеря обоза, однако ж, очень чувствительно отразилась на войсках: целую потом неделю они должны были довольствоваться половинными дачами; даже иностранным военным агентам пришлось питаться солдатскими сухарями.

23 числа подошёл **Девет** с бурскими командами в числе 500 из-под Колесберга; по гелиографу сообщил он осаждённому **Кронье** о своём намерении атаковать более слабый пункт линий обложения англичан и просил его содействия.

Но смелая атака, ведённая со стороны Осфонтейна, не увенчалась успехом; **Кронье** не выходил из своих траншей, и англичане без особенного усилия отразили нападение буров, взяв даже 80 пленных.

Генрал Смэтс

---

*Майор Альбрехт – начальник
артиллерии Оранжевого
Свободного Государства*

Прибывший с 7-й дивизией 19 числа **Робертс** принял личное начальство над войсками, упрекнул **Китченера** за необдуманную атаку и решил другим путём заставить сдаться **Кронье**. На расстоянии, недостижимом для ружейного огня буров, выехали мортирные, морские и осадные орудия крупного калибра. Привязной воздушный шар указывал цель и направление артиллерии. Бомбардировка велась непрерывно днём и ночью, течение Моддер-ривера запрудилось от обломков обоза и от множества трупов лошадей и волов, далеко кругом заражавших воздух невыносимым зловонием. Жизненные припасы подходили к концу; надежды на спасение не было. 24 числа **Кронье** вступил в переговоры с **Робертсом**, прося у него разрешения на пропуск женщин, детей и раненых, сильно страдавших в душных подземных помещениях.

Робертс ответил отказом, но сделал такое, несколько странное, предложение – прислать своих врачей, если у буров недостаток в медицинском персонале. **Кронье** отклонил предложение и бомбардировка возобновилась с прежней силой.

26 числа прибыли в распоряжение **Робертса** ещё две батареи осадной артиллерии: шесть 15-сантиметровых и два 10-сантиметровых [калибра 100 мм] орудия. Английская пехота подвела свои параллели на 60 метров, не опасаясь артиллерийского огня со стороны буров, у которых стал уже ощущаться недостаток снарядов для своих четырёх 7,5-сантиметровых орудий.

Теперь уже сами буры, видя своё безвыходное положение, настойчиво требовали, чтобы **Кронье** сдался на капитуляцию. Каждую ночь мелкие партии самых отважных людей пытались прорваться через английские линии. Не всем это удавалось, большинство попадали в плен к англичанам.

Ещё 26 числа **Кронье** телеграфировал по гелиографу президенту **Крюгеру**, что у него всё обстоит благополучно. А утром 27 числа, не предупредив подчинённых ему командиров и фельдкорнетов, **Кронье** приказал вывесить белый флаг, к великому удовольствию англичан, для которых день 27 февраля связан с тяжёлым воспоминанием о позорном поражении сэра **Колееса** на горе Амаджубе. Стрельба прекратилась с обеих сторон.

– Амаджуба! Амаджуба; old boy! (Старик!) – ликовали английские солдаты, когда буры, грязные, исхудалые, нахмуренные, вылезали один за другим из своих нор и давали винтовки и патрон-таши победителям. Немало удивились храбрые **Tommy Atkins**, когда из тех же нор повылезали и их земляки – английские пленные, которых благодушные буры укрывали тут же от ужасов бомбардировки, вместе со своими женщинами и детьми.

А проходя, уже обезоруженные, толпами мимо генерала **Кронье**, который с неизменной трубочкой в зубах стоял рядом с **Робертсом**, буры потрясали кулаками, называли его кровопийцей, изменником. Раненых и убитых, несмотря на страшную бомбардировку, у буров было сравнительно мало, всего 170 человек.

На другой же день началась эвакуация пленных, которых оказалось 2800 трансваальцев и 1150 фрейштатцев, в Симонстаун, и оттуда – на остров Святой Елены. Между военнопленными было 47 фельдкорнетов и комендантов, в том числе начальник артиллерии Оранжевой Республики майор **Альбрехт**⁸¹, бывший вахмистр прусской гвардейской артиллерии и волонтер, австрийский граф **Штернберг**, великодушно отпущенный англичанами под честное слово.

Тяжёлым ударом была для республик измена **Кронье** со всей армией. В один день буры лишились всех результатов, добытых упорной четырёхмесячной войной на остальных театрах военных действий, – в Натале и в Капской колонии. Слишком легко уже дались им успехи в начале кампании и вожди их прониклись непоколебимой уверенностью, что англичане впоследствии останутся верны своей безрассудной тактике: фронтальные атаки в лоб при пользовании железными дорогами как операционными линиями. Как англичанам в начале войны, так и теперь бурам пришлось жестоко поплатиться за ту же ошибку: за пренебрежение и презрение к противнику, которое всегда появляется у победителя после первых лёгких успехов.

Действия **Робертса** показали, как следует пользоваться уроками войны и что первым залогом успешного выполнения

задуманной операции является разумная разработка подготовительных мер.

Хотя самый факт пленения немногочисленного бурского ополчения 35-тысячным регулярным войском и нельзя считать выдающимся подвигом, но, тем не менее, английская армия проявила столько энергии и выносливости в перенесении лишений и трудностей во время усиленных переходов по песчаной и безводной пустыне, что капитуляция **Кронье** навсегда останется славной страницей в летописях британского оружия⁸².

Полковник Генерального штаба **Артамонов**⁸³ сообщал в своей лекции о бурах:

Буры и Англия (сообщение генерального штаба полковника **А.К. Артамонова** в обществе ревнителей военных знаний⁸⁴).

Вчера, в зале офицерского собрания армии и флота полковник **Артамонов** сделал интересное сообщение на тему: «Буры и Англия».

Начав с физико-географо-статистического очерка театра военных действий в Южной Африке, лектор перешёл затем к обзору отношений буров и англичан, которые в продолжение целого столетия неизменно выражались в притеснениях последними первых. Выяснив положение сторон до начала войны, лектор остановился на приготовлениях, которые делало трансваальское правительство ввиду неизбежного вооружённого столкновения с Англией.

К войне буры стали готовиться сейчас же после нападения **Джемсона**, то есть после 1896 г. буры образовали секретную комиссию для ознакомления в Европе с лучшими образцами огнестрельного оружия, комиссия остановилась на пушках **Круппа**. Пушки, так же как и самые усовершенствованные ружья и боевые патроны, необычайно искусно доставлялись в Африку, не возбуждая подозрений англичан. Пушки разбирались по частям, укладывались в бочки, котлы, цистерны, патроны – в мешки с

хлебом, и этот груз под невинным наименованием непременно адресовался на английские фирмы, которые препровождали его через Капштадт в Йоханнесбург и Преторию. Для отвлечения подозрений, буры перед началом кампании выписали малопригодное оружие⁸⁵, которое было направлено через Лоренсу-Маркеш. Англичане, убедившись, что буры закупили все эти старые образцы, пропустили груз. Благодаря этой хитрости в Лондоне были убеждены, что вооружение буров крайне плохое. Таким образом буры провезли 33 миллиона патронов, 96 орудий и громадное количество ружей; всего же обе африканские республики располагали 200 орудий. В то же время был произведён подсчёт населения, способного носить оружие; оказалось 120 000 человек, но за вычетом малонадёжного элемента – недавно натурализованных англичан, можно считать войско в 90 000 человек; из них буры мобилизовали только 60 000.

Во второй части своего сообщения полковник **Артамонов** изложил ход военных действий с начала кампании до последних дней. Эти военные действия лектор разделил на три отдельных периода.

Первый период, обнимающий события до прибытия в Южную Африку главнокомандующего генерала **Буллера**, был весьма успешен для буров. Они вторглись в Наталь и, разбив войска сэра **Уайта**, осадили их в Ледисмите. На западном театре они блокировали Кимберлей и Мафекинг и на южном вторглись в пределы Капской колонии.

Во втором периоде войны (до объединения власти в руках главнокомандующего фельдмаршала **Робертса**) счастье продолжало благоприятствовать бурам. Операции **Буллера** в Натале привели к ряду его поражений. На западном театре движение **Метуэна** на помощь Кимберлею закончилось также поражением при Маггерсфонтейне, а на юге генерал **Гатакр** был разбит на голову при Стромберге.

Только когда всеми операциями стал руководить фельдмаршал **Робертс** вместе со своим осторожным начальником штаба лордом **Китченером**, британские войска стали действовать успешно. Буры, увидев перед собой искусно-

Бурская открытая повозка

го противника, обладающего большими силами, перешли к оборонительному плану и сами деблокировали Кимберлей и Ледисмит. Говоря о движении **Робертса** к Блумфонтейну, лектор подробно разобрал действия **Кронье** и доказал, что его капитуляцию надо рассматривать не как поражение буров, а как блестящую стратегическую победу: **Кронье** пожертвовал собой сознательно и с четырёхтысячным отрядом задержал всю британскую армию на две недели, вследствие чего отряды буров, находившиеся на юге, получили возможность уйти, а иначе они были бы отрезаны.

В третьей части своего сообщения полковник **Артамонов** сделал обзор современного положения дел и к удовольствию слушателей доказал, что за буров ещё далеко не следует отчаиваться. У **Робертса** считается теперь 130 000 солдат при 410 орудиях и ещё к нему направляется 56 000, но из них только 8-я дивизия – регулярные войска, а остальное – плохо обученные волонтеры.

С прибытием этих войск **Робертсу** уже неоткуда ждать больше подкреплений; в Англии останутся только шесть батальонов. Но из 130 000, находящихся теперь у **Робертса**, по точным расчётам, нужно считать 13 000 выбывшими из строя, 17 000 больными и 10% армии – нестроевыми. Остаётся 90 000, но из них, по крайней мере, 50 000 **Робертс** должен оставить для охраны сообщений; остаётся, следовательно, 40 000, с которыми нужно вести войну; в то же время у буров, за вычетом раненых, убитых, больных и пленных, остаётся 50 000. Буры ещё могут мобилизовать из резерва и, таким образом, у них оказывается 80 000 войска против 40 000 англичан, находящихся в Африке теперь, и 56 000 едущих на войну, следовательно, против 96 000. Но не нужно забывать, что буры ещё имеют, кроме своего войска, по крайней мере 12 000 добровольцев, также прекрасно вооружённых, это уравнивает силы.

Таким образом, на чьей стороне будет победа – вопрос ещё далеко не решённый, а, по мнению лектора, победителями являются не алчные британцы, а их герои-противники.

Этим выводом полковник **Артамонов** закончил свою лекцию.

Сообщение было иллюстрировано громадным числом туманных картин. Когда на экране появился портрет **Кронье**, то восторженные рукоплескания огласили зал⁸⁶.

Итак, как уже говорилось, с февраля-марта 1900 г. стали поступать сообщения о том, что значительное численное преимущество англичан начинает понемногу сказываться и буры терпят поражение за поражением. И в этом смысле любопытно сравнение о положении дел не только непосредственно на театре военных действий, но и в глубине территории Южно-Африканской Республики:

По мнению опытных корреспондентов, цензура в Трансваале очень строгая. На почте чиновники успокаивают публику, что вскрываются только письма, адресованные в

Англию и её колонии, но, как приходилось не раз убеждаться, через цензурный комитет проходят не только письма, направленные за границу, но и не выходящие из пределов государства. Один из цензоров говорил мне, что иногда более 600 писем в день остаются в комитете для уничтожения. В телеграммах объявляются только известия об успехах буров, о неудачах печатаются иногда отрывочные сведения, спустя много времени и в большинстве случаев только тогда, когда слухи и толки об этих поражениях принимают слишком преувеличенные размеры. Ввиду отсутствия официальных известий, в лагерях и в городах можно услышать самые невероятные и неправдоподобные рассказы о событиях на различных частях театра военных действий.

Утром 1 марта по городу Newcastle (Ньюкаслу) прошёл слух, что под Ледисмитом произошёл бой, и что буры разбиты. С ближайшим поездом я выехал к Ледисмиту. Поезд дошёл до станции Glenscoe (Гленко) и остановился, дальше железная дорога оказалась разрушенной. На станции и возле неё толпилось около 1000 человек народа. Около станции стояли полевые орудия в походном порядке, а осадные только что прибыли с последним поездом, отошедшим со станции Modderspruit (Моддерспруйт) (конечная станция при расположении войск под Ледисмитом). Генерал **Жубер** со своим штабом из 5 секретарей и с генералами сидел в поезде. Только генерал **Бота** отсутствовал.

Кто говорил, что он с 5000 человек остался под Ледисмитом и занял прежние позиции, другие передавали, что он, отступая, ввязался в бой и просит подкреплений, иные рассказывали, что видели **Бота** недалеко от Glenscoe, а некоторые утверждали, что **Бота** в плену. Никто не знал, где находилась команда, к которой он принадлежал, и почему буры бежали. Из расспросов буров различных команд мне удалось выяснить, что на левом фланге позиции буров находились Standerton commando (lager) и Krugersdorp lager (в составе этого Крюгерсдопского отряда сражались и российские добровольцы, один из которых оставил интересные воспоминания. Но об этом смотрите

мемуары **Евгения Августуса** – *Прим. авт.-сост.*). Англичане около 3 часов дня открыли сильный артиллерийский огонь во фланг расположения означенных войск и даже начинали поражать Krugersdorp с тыла. Эти два лагеря не выдержали и побежали. Другие, видя бегущих Standerton и Krugersdorp и не видя англичан, тоже поодиночке стали отступать. В скором времени это отступление обратилось в бегство. Масса повозок была брошена на дороге и многие, не успев найти своих лошадей в поле, прибыли на станцию Glencoe или пешком, или на чужих trolley (некоторые, очень немногие, бросили и ружья). Начальникам удалось приехать на поезде. Все поезда, отходящие от Glencoe в Преторию, буров не принимали без разрешения начальства, но многие буры, имевшие повозки, поехали домой по грунтовым дорогам.

На следующий день на станции Glencoe говорил речь **Крюгер**, убеждая граждан не падать духом, не уезжать домой, занимать позиции и устраивать лагеря, обещая им, что война не продолжится более месяца. Последнее обещание на некоторых подействовало; но были и такие, которые ему не поверили. До 28 февраля в лагерях ходили слухи, что **Крюгер** видел сон, что мир будет заключён 27 февраля (годовщина боя на Majuba Hill) и что он, **Крюгер**, умрёт. Мне говорили некоторые, что **Крюгер** сам им рассказывал подробности этого пророческого сновидения. Все ждали 27-е. Между тем 28-го Ледисмит был освобождён (англичанами) и никаких разговоров о мире не было слышно. Окончив речь, **Крюгер** уехал в Преторию, а буры остались близ станции, отыскивая своих начальников и товарищей. О занятии позиций никто и не думал. Около 3 часов пополудни **Жубер** пришёл на платформу станции с телеграммами в руках и, войдя в толпу буров, стал сосредоточенно про себя перечитывать будто бы только что полученные телеграммы.

Со всех сторон стали сходитья буры к станции и окружили **Жубера**, который продолжал рассматривать и перебирать телеграммы. Когда толпа перестала заметно увеличиваться, **Жубер** объявил бурам, что он только что получил 2 телеграм-

мы: одну из Лоренцо, поданную на основании английских источников, в которой сообщалось, что **Кронье** окружён, и другую из Bloemfontein, более надёжную и верную, свидетельствующую, что генералы **De Wet** и **De la Rey** окружили англичан, пытавшихся окружить **Кронье**.

– Впрочем, – сказал он сняв шапку, – если бы даже **Кронье** и был окружён и если бы **Жубер** умер, я надеюсь, что вы, братья, не упадёте духом и будете продолжать борьбу до конца.

После **Жубера** говорил известный в Трансваале пастор **Босман**, который тоже убеждал буров не падать духом и что Бог им поможет отстоять правое дело. Некоторые в толпе плакали, вспоминая о погибших родственниках. Буры народ очень впечатлительный. Во время войны мне приходилось видеть, что принцип родства и землячества имеет и обратную сторону медали. Буры держались стойко, когда на позициях были перемешаны случайно люди разных лагерей. Middelburg lager 18 февраля ушли с позиции за рекой Тугелой, потому что у них (из) 1000 человек в течение нескольких часов было убито 4 человека (они были сменены Krugersdorp lager), тогда как в боях на Spion Kop'e, где я присутствовал в течение почти 2-х суток и где находились люди различных лагерей, стойкость войск была гораздо больше.

3 марта начальники начали собирать команды и устанавливать кое-где палатки, по возможности, поближе к станции. Ни о войсках генерала **Бота**, ни об англичанах не было никаких известий, а между тем генерал **Жубер** торжественно отправил в 9 часов утра 2 **Long Tom'a** в Charlestown, так как в штабе **Жубера** предполагалось очистить Natal и отступить на знаменитые в истории Трансвааля позиции у Majuba Hill. Отправка **Long Tom'ов** на границу произвела сильное впечатление на буров, которые глубоко верят в действительность, силу и непреодолимость их артиллерии. Сидя в траншеях, они постоянно прислушиваются к стрельбе своей артиллерии, и молчание их орудий подрывает их стойкость. Буры убеждены, что их артиллерия наносит сильное поражение английским батареям, от которых страдают стрелки, и что не будь у них такой артилле-

рии, они терпели бы гораздо больше от огня неприятельских орудий. Standerton'цы говорят, что если бы у них были орудия, они не отступили бы так поспешно 28 февраля.

В 1 час пополудни генерал **Жубер** появился на вокзале с длинной речью: «Что случилось? Почему вы, братья, здесь? Отчего вы так деморализованы? **Бота** впереди и у вас есть прекрасные позиции на высотах Biggasberg'a! Отчего вы не занимаете позиций и не устраиваете лагерей?» «**Машоны**, – говорил он, – потеряли свою независимость только благодаря разладу, существовавшему между ними. Белая нация – нация великая и должна понимать, что отсутствие единодушия ведёт её к гибели. Поэтому я надеюсь, что вы воспрянете духом и немедленно займёте позиции, которых здесь много и которые очень хороши и почти неприступны для противника». Одни выражали одобрение его словам; другие выкрикивали, что не они первыми побежали, а их начальники; некоторые укоряли **Жубера** за то, что он отослал **Long Tom'ы**.

Видно было, что авторитет **Жубера** пал и в него многие не верили. В толпе находились и такие, которые его ругали за его нераспорядительность и излишнюю осторожность⁸⁷. Ещё во время боёв на реке Тутеле стал выдвигаться генерал **Бота**; теперь он находился где-то впереди и на него возлагались большие надежды. Он делался любимцем буров, и в него верили. 5 февраля, когда буры в бою при Spion Kop'e дали англичанам возможность перейти реку Тутелу, многие из буров говорили: «Вот завтра из Претории приедет сюда **Бота** и, наверное, прогонит англичан за реку». Ввиду отсутствия достоверных сведений о генерале **Бота**, один бур предложил генералу **Жуберу** выслать отряд для восстановления связи с генералом **Бота**. Генерал **Жубер** согласился, но послать было некого. Ни одна команда ещё не успела собраться. Народа на станции Glencoe было около 2000 человек, но никто ещё не думал о сборе команд и об устройстве лагерей. Ввиду этого бур, предложивший генералу **Жуберу** выслать отряд для восстановления связи с генералом **Бота**, взял на себя организацию такого отряда. Два дня ходил этот бур между воинами, уговаривая их войти в состав его отряда, но ничего не добился. Одни

встречали его насмешками, другие просто отказывались, третьи колебались, а некоторые решили прежде хорошенько подумать, стоит ли ехать.

Пока буры собирали отряд, вечером 4 марта неожиданно пришёл к Glencoe и **Бота**. Все успокоились, стали разыскивать друг друга, начальников, trolley, палатки и устраивать лагерь.

Об англичанах более или менее достоверных сведений не было. Вставал вопрос: оставаться ли у станции Glencoe и занять впереди лежащие высоты Biggasberg, или очистить Наталь и укрепиться на позициях у Majuba Hill. В 11 часов утра 5 марта на станции железной дороги был собран военный совет, продолжавшийся около 3-х часов (военный совет происходил в буфете станции железной дороги; я сидел у открытого окна буфетной комнаты, рядом с генералом **Burger**, и всё мог слышать и видеть). По настоянию генерала **Бота** было решено оставаться на позициях на Biggarsberg, и генерал **Bota**, отлично знающий местность в Натале, сам написал диспозицию, точную копию которой при сём прилагаю. Карт Наталя в распоряжении Трансваальского правительства нет.

Диспозиция 5 марта.

Botha и **Joubert**

Генерал **Meyer**

Utrecht..... Tonders Neck

Swaziland..... Tonders Neck

Pietretief..... Helpmakaar

Krugersdorp ..... left Spoorveg (влево от железной дороги)

Middelburg..... Glencoe (влево от железной дороги)

Генерал **Erasmus**

Bethal   recht Spoorveg (вправо от железной
дороги)

Pretoria ..... Glencoe (вправо от железной дороги)

Генерал **Burger**

Carolina ..... Biggasberg Neck
 Lydenburg ..... Biggasberg Neck
 Heldelberg ..... Landmans Neck
 Standerton ..... Landmans Neck
 Zoutpansberg ..... Gigson Neck

Генерал **Burger** (временно)

Vryheid ..... Vryheid
 Wakkerstrom free (свободны) (предназначались
 для отправки в Оранжевую Республику)
 Ermelo ..... free

Диспозиция эта не переписывалась и никто, кроме присутствовавших, о её существовании не знал. Генералы должны были сами озаботиться расположением своих войск согласно этой диспозиции⁸⁸.

Подполковник **Ромейко-Гурко** доносил в марте об очередном поражении буров, попутно также разбирая причины их неудач:

Во время моего пребывания в Натале в долине реки Тутелы нетрудно было убедиться, что англичане избрали своё главное операционное направление на Блумфонтейн и далее на север, а посему я решил переехать в пределы Оранжевой Республики.

Туда же президент **Крюгер** перевёл большую часть своих войск, оставив в Натале, по его мнению, лишь крайне необходимое для удержания позиций на реке Тутеле.

Надо заметить, что ведение военных операций, которые главным образом сводятся к переводу войск с одного театра на другой, направляется в значительно большей степени президентом **Крюгером**, чем генералом **Жубером**.

Чтобы больше не возвращаться к событиям в Натале, скажу, что причины снятия осады города Ледисмита надо искать прежде всего в чересчур большом ослаблении сил, занимавших позиции на левом берегу реки Тутелы, а отчасти в нравствен-

ном влиянии известия об окружении и пленении отряда генерала **Кронье** у реки Моддер.

Причины окружения 4.1/2-тысячного отряда генерала **Кронье** заключаются не столько в удачных действиях английских военачальников, сколько в отрицательных сторонах всей военной организации и твёрдо укоренившихся приёмах в войсках обеих республик. Сюда относится прежде всего отсутствие разведывательной службы. Этим объясняется, что о движении обходной колонны генерала **Френча** генерал **Кронье** узнал, лишь когда она была у него в тылу. Известию об этом обходе генерал **Кронье** долго не хотел верить, исходя из предвзятой мысли, что английские войска никогда не решатся отойти на большое расстояние от железной дороги.

Когда произошло первоначальное окружение отряда генерала **Кронье**, то его прорыв, по-видимому, не представлял больших трудностей, но этому помешали следующие обстоятельства: большая часть людей в отряде была спешена, ибо их лошади, по недостатку подножного корма, паслись в верстах в 20 от лагерей и они, таким образом, были отрезаны обходной колонной генерала **Френча**; в таком же положении оказался рогатый скот, при помощи которого перевозились фуры с имуществом.

Но главная причина заключается вообще в малой способности трансваальских войск к ведению наступательных действий, в особенности на местности равнинной, где их лошади являются скорее обузой, нежели помощью. Надо заметить, что лошадь для трансваальца служит исключительно средством для передвижения, действия же в конном строю они не признают; спешиваясь, они ищут не только закрытия для себя, но и для лошадей, чего очевидно на равнине найти нельзя, а коноводов у них нет. С другой же стороны, потеряв свою лошадь, трансваалец как бы считает и себя выбывшим из строя.

Кроме того, свобода действий отряда была стеснена присутствием женщин и детей в лагере. Это были частью жёны, прибывшие повидать своих мужей, частью семьи из ближних ферм, укрывшиеся в лагере при приближении колонны гене-

рала **Френча**, которая, по заявлению самих же англичан, уничтожала всё по пути. По совокупности этих причин, надо полагать, генерал **Кронье** и не делал серьёзных попыток к прорыву.

Войска генерала **Девета**, посланные для освобождения генерала **Кронье**, точно так же серьёзных активных действий не предпринимали, главным образом, по недостаточности сил, первоначально у него было около 2 тысяч и лишь незадолго до сдачи отряда генерала **Кронье** – 4 тысячи.

Около этого времени и я прибыл в отряд генерала **Девета**; он занимал позиции по обоим берегам реки Моддер.

Левый фланг позиции начинался в пятнадцати верстах к северо-западу от города Петрусбурга; центр был расположен около урочища Попларгров; правый фланг противника, протянулся от названного пункта в северном направлении вёрст на двенадцать.

Очевидно, такая обширная дуга не могла быть занята всего 4-тысячным отрядом, а поэтому ограничились занятием встречавшихся на её протяжении холмов, дававшим укрытие лагерям и лошадям, незанятые и не обороняемые промежутки местами доходили до пяти и более вёрст. Отрицательные стороны такого кордонного⁸⁹ расположения войск при полном отсутствии резерва не замедлили сказаться при первом наступлении противника.

В дни, предшествовавшие наступлению, англичане производили слабый артиллерийский огонь, желая, по-видимому, вызвать ответный огонь и тем определить расположение орудий своего противника, который, сознавая слабость своих разбросанных семи или восемью орудий, решил не открывать огня, до тех пор пока не явится возможность обстреливать наступающую пехоту.

После пленения отряда генерала **Кронье** английские войска, простояв более недели на месте, 23 февраля/7 марта снова предприняли наступательное движение.

В то время как главная масса пехоты направилась вдоль реки Моддер по обоим берегам её, кавалерия и большая часть ездящей пехоты воспользовались необоронённым промежут-

ком на левом фланге союзников, продвинулись через него и заставили войска трансваальцев, занимавших крайний левый фланг, отступить к югу.

Несмотря на обнаружившееся намерение этой кавалерийской колонны повторить манёвр, удавшийся ей при окружении генерала **Кронье**, генерал **Девет** всё же намеревался остаться на занимаемой им позиции и на ней отразить наступление английской пехоты. Но войска, ему подчинённые, по-видимому, были иного мнения.

В трансваальских войсках люди, отчасти исходя из твёрдо укоренившегося принципа, что в бою «each man is his own officer» (каждый человек сам себе офицер), а отчасти зная из практики, что в бою приказания начальников лишь в редких случаях до них достигают, считают себя вправе самим решать, когда настала минута для оставления занимаемой позиции и начала отступления.

Такое обыкновенно начинается с того, что отдельные люди (преимущественно по два, по три и редко более четырёх) покидают траншеи, спускаются с холма, отыскивают своих лошадей, связанных по несколько голов, а нередко просто брошенных на собственный произвол, и, не торопясь, медленным аллюром направляются по направлению главного пути отступления. Этот пример мало-помалу находит всё больше и больше последователей, и через некоторое время вся местность является усеянной малыми группами всадников, не торопясьдвигающимися в тыл боевого расположения.

Так было и в данном случае; не прошло и часу от той минуты, как первые всадники покинули линии ложементов, как таковые были совершенно очищены.

Генералы и команданты лагерей делали всё возможное, чтобы вернуть людей; они рассылали бывших у них под руками людей, а равно и сами пытались перехватить беглецов по пути, но ни их посланных, ни их самих никто не слушался; перехватываемые люди останавливались, выслушивали приказание, но вслед затем спокойно продолжали двигаться в прежнем направлении.

Видя полную невозможность остановить своих людей, генерал **Девет** решил переехать на ближайший ряд холмов, который представлял хорошую тыловую позицию, и попытаться на ней остановить свои войска и организовать оборону.

В известной степени это ему удалось. Ружейный огонь, открытый его людьми по наступавшим в центре пехотным линиям англичан, остановил на время последних и дал возможность трансваальцам спасти свой обоз. Но и на этой позиции трансваальские войска долго не задержались и продолжали отступление по направлению на город Брандфорт, ибо решено было сдать столицу Оранжевой Республики без боя.

Причины, по которым войска союзников не желали оказать серьёзного сопротивления наступлению противника, заключается столько же в невыгодах и в особенности чрезвычайной растянутости занимаемой ими позиции, сколько в моральных последствиях последних неудач.

Крайняя растянутость занимаемых позиций и излюбленная система кордонного расположения войск являются последствиями желания начальников отрядов встретить вдесятеро превосходного противника на всех путях его наступления.

Союзные войска, всегда уступая своему противнику в числе, могли бы, казалось, возместить это развитием своей подвижности, пользуясь тем, что они все конны, но именно к этому они мало способны.

С другой стороны, подвижности этих трансваальских *commando*⁹⁰ в значительной степени мешает их тяжёлый воловий обоз, отделяться от которого люди очень не любят.

Все эти причины имели существенное влияние на деятельность войск в деле 23 февраля (7 марта), в особенности же неудача, постигшая отряд генерала **Кронье**, происшедшая почти на глазах генерала **Девета**. Пагубное воздействие двух неудач на двух главных театрах, очевидно, осознавалась обоими президентами, а посему они лично объезжали все лагеря для того, чтобы поднять дух людей.

Джон Буль сгребает
английских солдат в «жолоб
Британской империи»,
который заканчивается на
плечах изнемогающего от
такой невыносимой тяжести
президента Трансвааля **Поля
Крюгера**, держащего левой
рукой винтовку **Ли-Метфорд**
на коленях и выпустившего
от перенапряжения Библию
из правой руки. Рядом с
президентом надпись:
«Голландская республика».
Подпись под рисунком гласит:
«Ему слишком тяжело».

Бурский генерал
Христиан Девет

Английское орудие калибра 127 мм (5 дюймов) в походном положении

С этой целью президент **Крюгер**, уже побывавший в Натале, прибыл к войскам генерала **Девета** утром 23 февраля (7 марта), но неожиданное наступление английских войск не только не дало ему возможности объехать лагерь, но даже заставило поторопиться с отъездом из опасения, что путь на Блумфонтейн будет захвачен англичанами⁹¹.

Руководители бурских республик, с подачи русского добровольца подполковника запаса **Максимова** (об этом подробнее в соответствующей главе), 5 марта 1900 г. послали телеграмму с предложением о мире британскому премьер-министру **Солсбери**. Однако главным условием для его заключения президент Трансвааля **Крюгер** и президент Оранжевого Свободного Государства **Стейн** ставили условие, чтобы:

Великобритания признала полную государственную независимость обеих бурских республик как суверенных государств⁹².

Разумеется, Англия в лице своего премьер-министра **Солсбери** отказалась пойти на подобные уступки, о чём было сообщено по телеграфу президентам обеих бурских республик.

Сделанная одновременно с этим попытка руководителей африканеров добиться вмешательства ведущих мировых держав не привела ни к какому успеху, хотя Россия в начале 1900 г. попыталась воспользоваться слабостью наземных сил Великобритании и увеличила численность своих войск в районе Кушки (нынешняя Туркмения), чтобы поугатать Англию вооружённым походом на Индию.

Российский военный агент вернулся в расположение африканеров и сообщал о том, насколько изменилась обстановка в обеих бурских республиках:

После трёхнедельного отсутствия вновь вступил в пределы Трансваальской Республики и вчера прибыл в Преторию, откуда рассчитываю выехать дня через два по направлению на Блумфонтейн, в окрестности города Брандфордта.

О ходе военных событий за это время распространяться не буду. Во-первых, оттого, что я не мог быть свидетелем их, а во-вторых, оттого что никаких мало-мальски серьёзных боевых столкновений за это время не произошло.

Зато моральное настроение как лиц, стоящих у власти, так равно войск и населения значительно изменилось к лучшему, несмотря на то что два крупных события – сдача столицы Оранжевой Республики без боя (если не считать небольшого арьергардного дела у Abrams-kraal, где горсть трансваальцев с успехом в течение целого дня отбивала попытки англичан очистить дорогу на Блумфонтейн) и смерть генерала **Жубера**, казалось, должны бы были иметь обратное действие. Этому в значительной степени способствовал ответ лорда **Солсбери** президентам обеих республик на предложение войти в мирные переговоры.

Так что ныне как правительства, так и население, по-видимому, намерены продолжать борьбу до последней крайности.

После отступления от Блумфонтейна созван был так называемый большой военный совет, на котором принято было весьма разумное решение: оставить применявшуюся до сих пор систему занятия сильных, но, по недостатку войск, слабо занятых позиций.

Взамен этого решено разбить войска на отряды силою от 500 до 1.1/2 тысяч человек и действовать наступательно, преимущественно на флангах противника, а если возможно – то и в тылу. Тяжёлый воловий обоз совершенно оставить, ограничившись несколькими лёгкими повозками.

Будущее покажет, сумеют ли привести в исполнение это решение. Этому может помешать недостаток начальников, которые были бы способны руководить наступательными действиями, хотя бы и небольших отрядов, а также согласятся ли люди следовать за своими начальниками.

Когда войска, оперировавшие в окрестностях Ледисмита, после беспорядочного, почти панического наступления на линию Dundee–Glencoe заняли там новые оборонительные позиции (на южных склонах Bigasberg'a), то генерал **Бота** два раза собирал военный совет и предлагал предпринять наступательные действия и напасть на выдвинувшиеся английские лагеря, но оба раза команданты лагерей, за исключением двух, заявили, что их люди не согласятся предпринять наступление, ввиду чего генерал **Бота** и не привёл в исполнение своего плана атаки.

Надо заметить, что ни одного поражения войска союзников до сих пор не понесли, ибо таковым нельзя назвать пленение генерала **Кронье**, который ещё за два дня до своей сдачи успешно отбил атаку противника, но, по обыкновению, не сумел этим воспользоваться для перехода в наступление.

В свою очередь, англичане не сумели воспользоваться беспорядочным отступлением трансваальцев от Ледисмита, до настоящей причины которого нет возможности доискаться.

Другая разумная мера, принятая военными властями, состоит в выделении всех иностранцев, как ранее проживавших в Трансваале и поступивших добровольцами, так и вновь прибывших из Европы для принятия участия в войне – в отдельные отряды.

Всего-навсего в войсках союзников их насчитывается около 800 человек, из коих около половины прибыло из Европы после объявления войны, а далеко не пять или даже восемь тысяч, как утверждают английские газеты и даже английские офицеры.

Самый значительный отряд (около 400 человек) состоит под начальством отставного французского полковника **de Vilboit-Mareuille (Вильбоа де Марейля)**⁹³ (он рассчитывал занять место начальника штаба армии, но до сих пор никакого активного участия в делах не принимал), его помощником состоит господин **Максимов**. Остальные отряды меньшего состава, в числе трёх или четырёх. Из них один quasi-русский, ибо он находится под начальством отставного штабс-ротмистра⁹⁴ **Ганецкого**.

До сих пор все иностранцы, разбиваясь по разным *commando*, почти никакой пользы не приносили; ныне же ими хотя пользуются для разведок и малых рейдов.

Что же касается распространившегося мнения, что иностранные офицеры руководят действиями союзных войск, то это принадлежит к числу тех измышлений, которыми англичане желают объяснить поражения, им нанесённые от совершенно необученных и недисциплинированных войск.

Судя по европейским газетам, не одну Англию волнует судьба Йоханнесбурга или, вернее, его золотых приисков, то есть в случае наступления англичан будут ли они взорваны и сожжены или же переданы в полной исправности.

Вопрос этот до сих пор ещё не решён, ибо мнения лиц, стоящих у власти, разделяются. Одни, боясь мнения Европы и в особенности тех государств, коих подданные вложили в прииски значительные капиталы, а также некоторые из тех, которые сами заинтересованы денежно в приисках – советуют прииски не разорять. Другие держатся того же мнения, ибо счи-

тают, что одни лишь прииски будут в состоянии уплатить расходы, вызванные войной, в противном же случае вся тяжесть ляжет на владельцев ферм непосильным бременем.

Но есть и много лиц, которые прямо советуют не оставлять камня на камне во всём Йоханнесбурге и его приисках. К ним присоединяется большинство низших классов, которые видят в Йоханнесбурге прямую причину нашествия англичан.

Но затем является ещё вопрос о возможности привести это в исполнение, то есть умения заложить мины, и времени, потребном для сего. Надо думать, что эти два фактора явятся надёжными защитниками приисков.

Оставляя Блумфонтейн, забыли или не успели разрушить водопровод, питающий город; ныне же желают предпринять наступательные действия для разрушения его, но сомнительно, чтобы это удалось.

Весьма вероятно, что и с Йоханнесбургом будет то же самое.

Точно так же остаётся нерешённым вопрос о том, надо ли защищать Преторию или же, в случае приближения противника, сдать город без сопротивления и отступить в округ Менденбурга, то есть к востоку? Вне сомнения, что второе решение гораздо благоразумнее, ибо, несмотря на свои четыре форта долговременной профили, Претория как крепость является совершенным ничтожеством, в особенности при сравнительно малочисленном гарнизоне и совершенно ничтожной артиллерии, которыми будут располагать союзники⁹⁵.

В феврале-марте того же года, когда удача в военных делах стала понемногу переходить к британским войскам, российскими властями была предпринята попытка создать дипломатическим путём временный союз против Англии в составе Франции, Германии и России с целью выступить с совместным заявлением против продолжающейся англо-бурской войны, то есть напрямую вмешаться в те события. Однако Германия потребовала от Парижа взаимной

гарантии неприкосновенности франко-германской границы, что было неприемлемо для Франции, всеми силами стремившейся (в том числе и с помощью кажущегося со стороны неестественным союза с монархической Российской империей) вернуть потерянные в войне 1870–1871 гг. Эльзас и Лотарингию. Как справедливо полагали британские власти ещё с самого начала англо-бурской войны, ни США, ни ведущие европейские страны не хотели осложнений с Великобританией и под разными предлогами отказались от вмешательства в пользу африканеров. Кроме того, удачные действия английских дипломатов, сыгравших на значительных противоречиях между различными континентальными европейскими державами, свели на нет попытку прямого дипломатического и военного давления.

Но война, на этот раз с многократным количественным преимуществом англичан, продолжалась. Новые данные непосредственно с театра военных действий, в том числе и об участии российских подданных в тех событиях, по-прежнему поступали регулярно:

До сих пор нет точных сведений о расположении противника: одни говорят, что англичане разбили лагерь у станции Elandslaagte, другие утверждают, что неприятель в большом числе двигается к Yguheit и грозит отрезать от Трансвааля войска, расположенные на высотах Biggarsberg. Одиночные люди и небольшие компании по частной инициативе в разные времена выезжали перед фронтом своего лагеря для разведывания о противнике, но, не зная ни линии расположения своих войск, ни местности, они принимали свои палатки за лагерь англичан и, не смея ближе подойти, выпускали несколько пуль по предполагаемому противнику и отходили назад; другие увлекались охотой за ручными страусами, за что потом приходилось платить по 75 рублей за каждого убитого. Подобные разведки в большинстве случаев производились иностранцами.

*Буры позирующие с музыкальными инструментами и патронташами для винтовок
Мартини-Генри*

---

*Бур с однозарядной винтовкой
Штайр-Гедез (Гедез)*

Если и были в штабе кое-какие сведения о расположении противника, то они были получены от шпионов.

Генерал **Бота**, имея в виду упорядочить службу разведывания, просил прекратить подобные частные разведки и, собрав начальников иностранных команд, предложил им организовать один иностранный корпус под начальством выборного командира, для несения службы разведывания согласно его указаниям. Никто из командиров отдельных иностранных отрядов не пожелал лишиться своей самостоятельности, и идея генерала **Бота** не имела успеха. Напротив того, вместо объединения вследствие несогласий, происшедших между начальниками и лицами, входившими в состав их команд, из некоторых отрядов выделились отдельные самостоятельные команды. Таким образом образовался 2-й ирландский отряд под начальством прибывшего полковника **Линча**⁹⁶, а затем сформировался наш русский отряд капитана **Ганецкого**, только что приехавшего из Франции. В состав русского отряда пока вошли 3 русских офицера: штабс-капитан **Шульженко**, подпоручик **Августус** и прапорщик запаса **Диатроптов**, большинство же греки (около 12 человек) и французы (4 человека), перебежавшие из других отрядов.

Несколько раньше образовалась здесь отдельная русская команда под начальством капитана, как его здесь называют, на самом деле адвоката, а по другим источникам, провизора⁹⁷ **Николаева**, состоящая из 10 черногорцев, сотника **Гучкова**, инженера **Семёнова** и поручика **Дрейера**.

Бурские команды высылали очень мало разведывательных отрядов, которые ни разу не могли установить связи с противником.

За время со 2 марта только одна небольшая стычка произошла у Helpmakaar, по-видимому, с передовыми частями противника, которые с небольшими потерями отступили по направлению к Ледисмиту. Буры не преследовали, и связь была потеряна.

В настоящее время буры убеждены, что англичане ушли к Дурбану и направляют свои войска или: 1) в Индию для борьбы с Россией, так как, судя по газетам, Россия объявила войну Англии и даже прислала телеграмму об отзывании в Россию нашего отряда Красного Креста в 24 часа, или 2) в Капштадт для сосредоточения возможно больших сил под начальством генерала **Робертса**.

Ввиду этого многие по частной инициативе переезжают на южный театр военных действий, в Оранжевую Республику, а другие, находя, что у Glencoe делать нечего и боя не предвидится, уехали домой на отдых. Даже старший секретарь генерала **Бота** отправился в Преторию и домой на ферму, как он говорил, недели на три. Иностранные отряды тоже предполагают перебраться в Оранжевую Республику.

В дополнение сведений, помещённых в сообщении № 2, ниже изложены некоторые данные об организации трансвальской артиллерии.

В мирное время содержится около 400 человек полевой артиллерии и 200 человек крепостной.

Назначения на офицерские должности делаются правительством. По штату состоит: 1 commandant, 2 major, 1 captain, 1 first lietenant, 4 second lietenant.

К составу артиллерии принадлежит команда военных телеграфистов из 60 человек под начальством лейтенанта, 5 интен-

дантов, 1 начальник артиллерийского склада, 1 капельмейстер⁹⁸ и небольшой хор музыки.

С объявлением войны офицеров не прибавилось, но число прислуги возросло на несколько десятков человек.

Состав артиллерии Трансвааля:

Название орудий	Калибр	Число орудий
Creusot Long Tom (осадная)	155 mm	4
Creusot полевая длинная	75 mm	6
Krupp Houwitzer (гаубица)	120 mm	4
Krupp длинная	75 mm	10
Krupp длинная	37 mm	2
Maxims	37 mm	18
Armstrongs (захвачены у англичан).	37 mm	10
Maxims Mauser	75 mm	12

Артиллерия Оранжевой Республики, говорят, состоит из 14 орудий завода **Krupp** 75-mm калибра.

Вооружение буров

Название систем ружей	Число патронов в магазине	Прицел	Вес пули
Маузер изготовления 1896 г.	5	пех. 2200 m	171 grans
		кав. 1400 m	171 grans
Lee Metford	10	пех. 2750 m кав. однозарядная 2000 m	210 grans
Steyr [вероятно Steyr-Mannlicher (Штайр-Манлихер) образца 1895 г.] изготовления 1897 г.	5	2200 m магазин сбоку справа	

Название систем ружей	Число патронов в магазине	Прицел	Вес пули
Steyr [Steyr Mannlicher] изготовления 1886 г., однозарядный		700 m	400 grans
Henri Martini однозарядный		1000 m	400 grans

До сих пор на вооружении буров ружей других систем не приходилось видеть. Ружья системы изготовления 1886 г. встречаются очень редко. Все ружья без штыков. Говорят, что правительство предполагает со временем изготовить несколько штыков для ружей, выдаваемых иностранным добровольцам.

Патронташи разных видов: 1) через плечо, 2) поясные, 3) жилеты-патронташи.

Перед отправлением в траншеи буры в лагерном *com-misariat'e* пополняют патронташи и забирают много патронов в мешки, сумки, платки и так далее.

Я видел буров, которые приходят в траншеи, имея около 300 и более патронов.

К числу войск, содержимых в мирное время, относится полиция, разделяющаяся на пешую и конную. В мирное время полиция рассеяна по городам: в *Johannesburge* было 600 человек пешей полиции и 250 конной при 2 офицерах и 1 инспекторе. В Претории – 200 человек пешей полиции и 100 человек конной.

Всего в Трансваале считалось около 2500 человек полиции при 1 *commandant*, 4 *lieutenant* и 2 *inspector*. Тайной полиции – 43 человека при 1 *captain*.

С объявлением войны йоханнесбургская полиция образовала отдельную команду, полиция других городов вошла в со-

став различных лагерей, а полицейская служба в городах возложена на граждан⁹⁹.

Приводилось немало данных о тяжёлых вооружениях африканеров и о самих бурах:

Артиллерия Южно-Африканской Республики состоит из осадных 15,5-сантиметровых орудий и 7,5-сантиметровых полевых орудий **Крезо (Шнейдер-Крезо)**, из полевых 7,5-сантиметровых и осадных орудий **Крупна**, из пушек **Максима** и разных орудий более старых образцов.

Главнейшие данные о полевых и осадных орудиях **Крезо**:

	Полевое и осадное орудие Крезо	Калибр	Длина орудия	Начальная скорость	Вес в килограммах						Ширина хода лафета	Высота оси канала над горизонтом	Число пуль в шрапнели	Вес пули	Число пуль в картечи
					Орудия	Лафета	орудия с лафетом и передком	заряд	гранаты	шрапнель	картечь				
Полевое	7,5 см	2,47	560	330	670	1724	0,8	6,5	6,5	6,5	1,20	1,2	234	10 г	156
Осадное	15,5 см	4,20	486	2530	3940		9,9	39,6*	41	40	1,48	1,48	480	?	12-20

* Разрывной заряд гранат 1,4 килограмма.

Полевое орудие на лафете с гидравлическим тормозом и салазками¹⁰⁰ даёт от 8 до 10 выстрелов в минуту; даёт хороший результат до 4–5 тысяч метров; при угле возвышения 20 дальность 8 км.

Количество снарядов на одно орудие:

На 1 орудие	Гранат	Шрапнелей	Картечи	Всего
В передке	16	18	2	36
В 1 ½ зарядных ящиках	72	81	9	162
Всего	88	99	11	198

Население Южно-Африканской Республики по округам (по официальному альманаху ЮАР на 1890 год):

Чёрных – 754 500; белых – 288 750. Всего – 104 250...

Говоря о бурах нужно отличать городских жителей от жителей внегородских. Эти последние (Landbewohner) составляют ядро бурства; они ведут патриархальный образ жизни, напоминающий Ветхий Завет. Глава семейства – неограниченный повелитель, он вместе с тем и духовный пастырь, и совершает ежедневно краткое богослужение. Богатство, внесённое в семьи некоторых буров золотыми приисками, имело развращающее и размягчающее влияние на них, но оно коснулось лишь немногих и, по преимуществу, городских жителей. Большинство же буров продолжают заниматься, главным образом, скотоводством; иные даже кочуют со своими стадами – трек-буры. Жизнь на открытом воздухе способствует их физическому развитию: народ крупный, здоровый, смелые наездники, отличные стрелки. Но насколько они неподражаемы в одиночном, в стрелковом бою, настолько им недостает дисциплины и связи между отдельными элементами, чтобы сражаться сомкнутыми частями¹⁰¹.

О некоторых тонкостях применения пороха для дальнобойных орудий буров позднее писалось:

Совершенно верно, что у союзников во время бомбардировки Ледисмита было решительно слишком недостаточное количество **Длинных Томов**. Слово бомбардирование, применяемое в этом случае, вряд ли даёт представление о той довольно беспорядочной стрельбе, которая производилась, и о той почти трогательной заботливости, с которой генерал **Жубер** запрещал стрелять в дома и убивать скот, пасшийся на низменной равнине вблизи Ледисмита. В общем, бомбардирование сводилось к чему-то вроде дуэли между большими орудиями обоих противников.

С орудиями **Крезо** хорошо управлялись, но так как стрельба из них производилась не бездымным, а обыкновенным порохом, то они были очень заметны и составляли превосходную цель для английских канониров¹⁰² (говорят, что бездымный порох влияет на пушечный металл, причиняя быстрое изнашивание нарезов, вследствие чего стрельба делается не меткой). Это и было причиной того, что союзники не употребляли бездымного пороха. Все менее крупные орудия действовали бездымным порохом. Из крупных орудий можно произвести только довольно ограниченное число выстрелов, после чего они утрачивают меткость, вследствие изнашивания нарезов; бездымный же порох, как уже сказано, изнашивает металл до такой степени, что отношение порчи, производимое обыкновенным и бездымным порохом, составляет пропорцию 1 к 12¹⁰³.

Для сравнения приведём и данные российского военного атташе **Ромейко-Гурко** о вооружении Трансвааля¹⁰⁴:

Количество ружей, хранившихся в складе в Претории и розданных в войска.

Система	Калибр	В центральном складе	Роздано перед войной	Выдано во время войны
Маузер пачечное.				
Ружьё	7 мм	26 785	23 008	3777
Карабин	7 мм	6034	1336	4698
Мартини-Генри ¹⁰⁵ .				
Ружьё	10 (11,43) мм	3190		
Карабин	10 (11,43) мм	826	125	
Вестлей-Рихард ¹⁰⁶ (Вестлей-Ричардс)				
Мартини-Генри				
Ружьё	10 (11,43) мм	8954	3226	
Гедез ¹⁰⁷ . Ружьё ¹⁰⁸	7,6 (8) мм	2562	820	1742
Ли-Метфорд. Ружьё	7,6 (7,71) мм	1482		
Итого	49 833	28 515	10 217	
Веблей ¹⁰⁹ Револьвер	9 (11,45) мм	6000	4000	
Находилось на руках у населения ружей, выданных в прежние годы, систем;				
Мартини-Генри	35 000			
Гедез	3000			
Маузер	2500			
Итого	40 000			

Всего ружей в стране разных систем было около 90 000 (данные только по Южно-Африканской Республике – Прим. авт.-сост.)¹¹⁰.

Российский военный агент в Брюсселе и Гааге сообщал тем временем слегка устаревшие (на полтора месяца

из-за времени необходимого для доставления сведений в нейтральные страны сквозь рогатки английских телеграфных и почтовых компаний) новости с театра боевых действий, в частности, новые подтверждения неопровержимых свидетельств применения одной из сторон разрывных пуль типа **дум-дум** и о малоуспешной попытке африканеров поднять восстание среди своих соотечественников в тылу у англичан:

Участие капских буров¹¹¹ и размеры восстания

По последним известиям генерал **Китченер** без всякого труда занял Приску и разогнал шайки восставших жителей Капской колонии. По-видимому, и здесь восстание не было серьёзно.

В только что полученных письмах из Трансвааля от января и начала февраля (1900 г.) уже неоднократно высказываются разочарования по поводу ожидавшегося движения населения Капской колонии в пользу (бурских) республик, окончившегося почти ничем. С самого начала правительства республик получали уведомления, что население крайне раздражено против англичан. Однако после начала военных действий, никакого взрыва народного недовольствия не последовало. Напротив, то, чего англичане не решились сделать в 1880–1881 гг., – высадить в Капской колонии значительную массу войск, – не вызвало теперь никакого протеста ни со стороны правительства колонии, ни со стороны населения. Более того, члены правительства (Капской колонии – *Прим. авт.-сост.*), выдающиеся африканеры, употребили все силы свои для убеждения населения оставаться нейтральным, не становиться на сторону республиканских буров, пугая могуществом Англии, которая, без сомнения, должна остаться победительницей в неравной борьбе.

После блестящих успехов буров в первые два месяца кампании, снова стали раздаваться голоса, призывавшие буров к восстанию; население пограничных округов не бралось за оружие, будто бы лишь по недостатку организации и ружей. Однако когда республиканские силы вторглись в пределы ко-

лонии и заняли Кольсберг, Бюгерсдорп и Додрехт, вместо обещанных 10 000 человек к ним присоединилось всего 2.1/2 тысяч капских буров. Мало того, при приближении команданта **Оливье** к Дордрехту, ему была выслана навстречу депутация, коей было поручено передать ему резолюцию следующего содержания, единогласно принятую гражданами на общем собрании.

Собрание, состоящее главным образом из африканеров, говорящих по-голландски, выражает свою скорбь по поводу войны между правительством королевы и обеими республиками, и ввиду серьёзного желания не принимать в ней участия, решает послать депутатов к команданту **Оливье** с протестом против вторжения его отряда в этот округ.

«Мы начинаем сознавать, – пишут 8 февраля нового стиля из Йоханнесбурга в «Zwollsche Courant» (Звольшский вестник), – что сделали большую ошибку, понадеявшись на помощь капского населения».

«При обсуждении общего положения дел на театре военных действий, – пишут в «Rotterdamsche Courant» (Роттердамский вестник) из Претории 9 февраля нового стиля, – нужно сознаться, что наше вторжение в Капскую колонию и провозглашение пограничных округов присоединёнными к территории Оранжевой Республики были большими ошибками, и чем более мы будем упорствовать в этом направлении, тем ошибка будет более серьёзна по своим последствиям. Лишь 2000 капских буров присоединилось к Оливье у Стромберга и каких-нибудь 200–300 человек у Кольсберга. Мы не имеем достаточно сил, чтобы защитить округа, присоединение которых объявили. (Вот) ежели бы 8000 капских буров перешли на нашу сторону».

Участие кафров

Каждая почта из Трансвааля приносит в частных письмах массу известий относительно участия в военных действиях вооружённых **кафров** со стороны англичан. Ограничусь указанием на следующее официальное признание самих англичан. В списке потерь гарнизона Мафекинга, объявленном в Капштадте, значится против имени выбывшего из строя капитан **Гуданра**

Хижины в кафрском краале

(**Goodyear**) состоящий при контингенте туземцев (по сообщению Капштадтской газеты «Ons Land») (Наша земля).

Другим свидетельством, тоже из английского источника, является письмо английского бура из восточного Грикуаленда (юг современной Намибии – *Прим. авт.-сост.*), опубликованное дурбанской английской газетой «Natal Advertiser» (Натальские объявления): «Мы стояли на границе восточного Барклея в ожидании нападения буров. Мне было приятно видеть, какое великолепное влияние на ход дел имело поведение правительства и главных землевладельцев. Призывом **кафров** для обороны своих поместий, они избегли нашествия буров. Африканеры, интриговавшие уже несколько месяцев, сразу присмирели. **Кафры** стоят за нас плотной стеной, и вместо беспокойного, боязливого народа, они теперь представляют массу, враждебную бурам. Буры не могут получить никаких сведений через них; наоборот, **кафры** сами выслеживают их.

Вторжение буров уже началось было, но губернатор **Станфорд** дал знать бурам, что он призовет к оружию всех способных носить оружие, в том числе и **кафров**, чтобы остановить их наступление. Тогда сами африканеры нашего округа послали депутацию к начальнику буров, прося его остановиться».

Наконец, корреспондент брюссельской газеты «Petit Bleu» пишет из Претории 25 января: «Только что прибыли в Преторию пленные, взятые бурами во время рекогносцировки, произведённой в Зулуленде. Из 39 человек – 12 англичан и 27 **кафров-зулусов**; на последних надеты английские артиллерийские фуражки¹¹². Генерал **Ферейра**, приславший этих пленных, предложил правительству не считать **кафров** за военнопленных, а посадить их в тюрьму или, по меньшей мере, заставить работать на рудниках до окончания войны».

Нарушения Женевской конвенции

Жалобы на несоблюдение обычаев войны, по отношению к белому флагу и так далее, стали настолько обыденны и так часто повторяются как с той, так и с другой стороны, что оставаться на них нет возможности. Но есть ещё другого рода нарушение обычаев войны и правил Женевской конвенции, на которое обращает внимание генерал **Бота** в официальном рапорте. Сражение при Ваалькранце 5–7 февраля началось быстрым отступлением трансваальцев с занимаемой высоты, которой им удалось овладеть лишь через двое суток. «Я должен ещё выразить своё глубокое и искреннее негодование, – доносит генерал **Бота** 8 февраля, – по поводу образа действий неприятеля по отношению к нашим раненым, оставшимся на высоте (на позиции). Эту ночь мы нашли ещё несколько наших раненых, которые оставались там в положении, как они упали, не получив ни малейшей помощи, ни пищи, ни воды от неприятеля, среди которого они лежали столько времени».

По отзыву самих англичан, пасторов, ксендзов, докторов, пленных и так далее буры до сих пор поступали совершенно иначе и, даже в критические для себя минуты, не делали разницы между своими и английскими ранеными.

Ввиду недавних заявлений **Уиндхема** в английском парламенте относительно пуль **дум-дум**, привожу выдержку из преторийской газеты «Volksstem» (Голос народа), от 8 февраля: «Уже неоднократно наши бюргеры находили на пленных и убитых англичанах пули **дум-дум** и другие не нормально-го образца патроны; в редакции газеты выставлена в насто-

*Британские солдаты за чаем приготовленным для них благодарными
соотечественниками жившими в бурских республиках*

ящее время патронная сумка, снятая с английского солдата, убитого во время одной из вылазок ледисмитского гарнизона против осадных орудий. Эта сумка заключает в себе патроны двух сортов – с обыкновенными пулями, покрытыми сплошной оболочкой, и с пулями со срезанной на конце оболочкой. Следует заметить, что солдат расходовал лишь сии последние патроны, тогда как запас обыкновенных патронов остался нетронутым¹¹³».

Буры впервые в истории войн применили в боевых действиях ранее лишь чисто сельскохозяйственное приспособление для ограждения пастбищ крупного

рогатого скота – колючую проволоку. Первенство в этом, по одним источникам, принадлежало генералу **Девету**, а по другим – генералу **Деларею**:

Наиболее удачных позиций и способ укрепления их посредством роковых для английской пехоты проволочных изгородей был делом не **Кронье**, а находившегося в его войске, тогда ещё мало известного команданта **Деларея**¹¹⁴.

О новой партизанской тактике вооружённой борьбы буров силами небольших подвижных конных отрядов, также говорилось в воспоминаниях сестры милосердия русско-голландского санитарного отряда **Софьи Изъединовой**:

Было решено оставить прежний способ обороны растянутыми линиями, которые всегда являлась возможность обойти или прорвать для войска лучше организованного и вооружённого, а попытаться изнурить противника малой войной, выгодной для такой народной милиции, как буры, тревожа его внезапными нападениями и угрожая его столь растянутым сообщениям. К новому образу действий тотчас и наиболее решительно перешёл **Христиан Девет**¹¹⁵.

Своеобразные заметки о тактике буров сделала в своих воспоминаниях о событиях февраля-марта 1900 г. и сестра милосердия Санитарного Отряда Российского Общества Красного Креста **Ольга фон Баумгартен**¹¹⁶:

Вместо отдельных войск, армия разбивается на команды, или, как обыкновенно говорят, на лагеря. В лагере насчитывается обыкновенно от 1000–1200 человек. Во главе такого лагеря стоит командант... При команданте состоят до 5 фельдкорнетов, а при каждом фельдкорнете до 5 ассистентов. Вот и вся иерархия отдельной части. Лагерь разделяется на две смены, один день воюет одна его половина, а другой – другая. Кто хо-

чет, конечно, может идти на стрельбу, а кто не желает – отправляется в палатки спать или отдыхать, так что сам командант не может заранее сказать, сколько у него будет людей на поле сражения. Иллюстрацией сему может служить следующий случай с **Жубером**. Однажды он подошёл у себя в лагере к спавшему буру и приказал ему идти на позицию. Бур только перевернулся на другой бок и не выказал ни малейшего желания исполнять приказания своего команданта (командующего).

Нападать открыто, действуя наступательно, бурам не под силу. Их цель ставить врага в невыгодные положения. Для этого они отбивают у англичан обозы, заставляя их по суткам голодать. Они стараются занимать позиции на вершинах гор так, чтобы неприятель не мог их видеть. Буры, как горные животные, прячутся за скалы и утёсы, переползая с камня на камень, не давая возможности врагу определить своё убежище. Они приводят этим часто англичан в обманы, особенно пользуясь их незнанием местности. С этой же целью прибегают они и к следующему приёму: устраивают чучела, по которым и бьют англичане, а сами они бьют по неприятелю из засады¹¹⁷.

К апрелю 1900 г. восторги англичан по поводу несомненной близкой победы над врагом несколько поостыли. А в сообщениях военного представителя России в Лондоне указывались и некоторые политические причины тесного военного взаимодействия Великобритании в Южной Африке со своими колониями и, в частности, с Канадой:

Здесь опять начинает проявляться некоторое беспокойство и сомнение в скором окончании войны. Начинают думать, что успехи английских войск далеко не были столь решительны и что покорение Оранжевой Республики далеко не столь полное, как думали.

Катастрофа, постигшая колонну полковника **Бродвуда** у Корнспруита, произвела здесь весьма тягостное и, в особенности, совершенно неожиданное впечатление.

Положение **Робертса** в Блумфонтейне (с испорченным водоснабжением, без сапог, без тёплого платья, без конских ремонтов, без хороших обозов) вызывает некоторые опасения; фланги небезопасны; сообщения хрупки; неприятель появляется довольно значительными отрядами во флангах и в тылу; до Претории ещё 600 вёрст. Здесь говорят, что хотя нельзя сомневаться, что Англия одержит в конце концов верх, тем не менее едва ли война окончится ранее ноября. А потом – трудная, опасная оккупация, которая потребует не менее 50 000 человек.

Хотя несомненно, что Англия во что бы то ни стало хочет одержать верх и не остановится ни перед какими усилиями и жертвами, дабы добиться присоединения неприятельских территорий (annexation), тем не менее здесь крайне нервно относятся ко всем сведениям, получаемым с театра военных действий; как только получаются хорошие для англичан известия, так настроение идёт скачками вверх: начинают хвастать, считать успехи и победы, дисконтировать эти успехи; **Робертс** обещает освободить Мафекинг, дать иностранным военным атташе обед в Претории и тому подобное. Как только дела идут хуже, так столь же быстро замечается тревога, упадок духа. Такое отношение настроения к перипетиям войны совершенно, казалось бы, не в характере англичан. Но это объясняется легко – это признак военной слабости: в своей армии, в своих генералах, в своих офицерах, в своём War Office (военном министерстве) не уверены. Кроме того, есть ещё одно очень любопытное обстоятельство, которое необходимо отметить: буры чрезвычайно действуют на их воображение. Их подвижность, патриотизм, отличная стрельба, странные тактические приёмы, христианское обращение с ранеными, наконец, сами события войны, рассказы о борах, письма нижних чинов с театра войны – всё это придаёт почти легендарный оттенок бурам, и всё это действует на англичан в том смысле, что они буры иногда просто побаиваются а потому при неудачах нервничают. Кроме того, есть ещё и другие обстоятельства: война выказала массу недо-

статков военной организации, массу ошибок, недочётов, неподготовленность, хаос всего военного дела в Англии. Здесь это хорошо сознают, и офицеры, оставшиеся здесь, говорят: «Лишь бы поскорей победоносно кончилась эта война, чтобы можно было приступить к полной реорганизации и усилению армии и поставить её на такой же уровень совершенства, на котором стоит наш флот. Что бы с нами было, если бы противником нашим была континентальная армия!» Всё это признаки военной слабости и достаточно подчеркнуть тот факт, что никогда английские военные силы не были и, вероятно, никогда не будут так слабы, как теперь; теперь слабо всё: и Англия, и колонии, и Индия. Но в день окончания войны будут приняты решительные меры для устранения замеченных недостатков, и через 2–3 года и Англия, и колонии, и Индия значительно усилятся в военном отношении.

Нелояльность и ненависть Ирландии¹¹⁸ более глубоки, чем вообще думают; путешествие в Ирландию королевы ничего не доказывает; предположение сформировать Ирландский гвардейский пехотный полк выразится тем, что в состав этого полка наберут не ирландцев, а людей из Irish Constabulary, то есть из ирландской полиции.

По слухам, ирландские ненавистники Англии за время этой зимы выслали к ирландской партии в Америке до 200 посланцев, чтобы убедить Америку вмешаться и потребовать от Англии окончания этой войны. Здесь необходимо знать два факта: во-первых, американские ирландцы (American Irish Party) суть ярые сторонники Американских Соединённых Штатов в смысле «Imperial Expansion» Америки, в ущерб Англии и даже в ущерб России. Американские ирландцы суть самые горячие американские патриоты, жаждущие через усиление Америки ослабления Англии. Америка ассимилирует ирландцев чрезвычайно, но ассимилирует именно в этом смысле – усиление Америки в пику и в ущерб Англии. Во-вторых, необходимо помнить, что Канада стоит по отношению к Соединённым Штатам почти в том же отношении боязни или опасности, в каком Индия стоит по отношению к России. Канада, конечно, лояльна по отношению к Англии,

но эта лояльность, выразившаяся тем, что Канада в эту войну дала контингент около 5000 человек, – есть результат боязни перед Соединёнными Штатами. Соединённые Штаты могут влиять на Англию угрозой Канаде. Потому Канада и дала Англии контингенты, в надежде, что Англия когда-нибудь поможет Канаде против Соединённых Штатов. Кроме того, Канада связана весьма тесно с Англией вопросами церкви; она смотрит на Англию, как на главу своей религиозной жизни. Религиозные вопросы заставляют Канаду принимать сторону Англии в надежде, что когда-нибудь Англия примет сторону Канады против Америки, отличающейся религиозным индифферентизмом (безразличием)¹¹⁹.

Это сообщение **Ермолова** в какой-то степени перекликается с донесением **Стаховича** из Блумфонтейна:

Описание операций армии лорда Робертса с 13 марта по 19 апреля

Как я доносил в предшествующем рапорте, Блумфонтейн был занят английскими войсками 13 марта. Начиная с 10 марта немногочисленные неприятельские силы, бывшие против армии лорда **Робертса**, находились в полном отступлении и не обнаруживали намерения где бы то ни было оказать сопротивление. Со всех сторон приходили известия о полной деморализации противника, о том, что буры Оранжевой Республики, утомлённые войной и под впечатлением занятия столицы, готовы отступить от союза с Трансваалем, и в большом числе покидают войско и возвращаются на свои фермы. Хотя этим известиям и нельзя было вполне доверять, потому что они исходили от немногочисленных граждан, оставшихся в городе и заискивавших расположения англичан, но так как эти известия были приятны, то им охотно верили.

Под впечатлением этих известий всё внимание и заботы сосредоточивают лишь на трёх предметах: 1) Ответ: организации административного управления занятых неприятельских областей и столицы, а также на установлении ряда мер для

успокоения населения и внушения ему уверенности, что под английским господством материальные его интересы не только не пострадают, но даже выиграют; 2) сбор возможно большего количества местных средств для продовольствия армии, и 3) открытие в скорейшем времени сообщений с базой через Норвальск-Понт или Бетули.

О существовании неприятельских сил как бы забывают: не только не считают нужным войти с ними в соприкосновение, чтобы знать, где они и что делают, но даже полагают излишним выслать авангард к стороне противника и занять не разрушенный бурами железнодорожный мост через реку Моддер в 21 версте к северу от Блумфонтейна. Свыше 30-тысячная армия располагается в ближайших окрестностях города и для своего охранения считает возможным ограничиться кавалерийскими бригадами, выдвинутыми от города на расстоянии от 3 до 7 вёрст.

Такое странное пренебрежение противником объясняется не только убеждением в отсутствии предприимчивости с его стороны, но и желанием дать войскам, утомлённым тяжёлым походом, полный отдых.

Административные меры

К первой категории мероприятий относятся: назначение военного губернатора столицы (генерал-майор **Притеман**), установление судебных, почтовых, таможенных и других порядков.

При введении различных отраслей гражданского управления всячески стараются возможно меньше изменять существовавшие в стране ранее законы и обычаи.

По занятии столицы главнокомандующий ещё раз подтверждает свою Якобсдальскую прокламацию о гарантировании личной и материальной безопасности всем гражданам, возвратившимся на свои фермы; кроме того, он объявил, что за исключением нескольких лиц, которые своими преступными действиями вызвали настоящую войну, а равно и тех, которые предводительствовали войсками, все прочие граждане, поднявшие оружие против Англии, не будут подлежать ника-

кой ответственности, если теперь же положат оружие и вернутся к мирным занятиям.

Военный губернатор столицы, со своей стороны, объявил, что все граждане, живущие в городе, а равно и в районе в 15-вёрстном расстоянии, обязаны в недельный срок представить всякое имеющееся у них оружие. Это распоряжение исполняется, но приносятся большей частью старые охотничьи ружья; современного же оружия между сданными не было видно вовсе.

Сбор запасов

К сбору продовольственных запасов приступали без промедления и, как сказано в предыдущем моём донесении, путём реквизиции забирают все имевшиеся в городе продукты, платя за них очень высокие цены; открывают рынки; окрестное население, однако, является неохотно; привозятся для продажи мелкие продовольственные продукты, как то молоко, зелень, картофель, фуража же, в котором особенно ощущалась потребность, не привозится вовсе.

Для сбора продовольственных средств высылают в восточном направлении конный отряд под начальством полковника **Бродвуда**. Этот отряд, кроме вышеуказанной цели, имел назначение усмирять и обезоруживать окрестное население и расклеивать всюду прокламации лорда **Робертса**; он выступил 18 марта и 22-го беспрепятственно прибыл в Табанчу.

Открытие сообщений с югом

После сдачи **Кронье**, как известно, отряды буров, оперировавшие в северной части Капской колонии, были численно значительно ослаблены, почему принуждены были отступить от Стромберга и Колесберга и отойти на северный берег Оранжевой реки, где они остановились для обороны переправ. Около 11 марта оба железнодорожных моста у Поплас-Понта и Бетули были взорваны бурами; попытки же генералов **Клементса** и **Гатакра** форсировать переправы были отбиты. Только 14 марта, по получении известия о занятии Блумфонтейна, буры очистили свои позиции и отошли на север. На другой день генерал **Гатакр** переправился по оставшемуся невредимым шоссейному мосту и занял

Бетули, а генерал **Клементс** навёл понтонный мост у Норвальск-Понта и тоже переправился на северный берег.

В последнем пункте немедленно приступили к постройке временного железнодорожного моста, для чего пользуются готовыми устоями старого, тоже временного моста. Благодаря этому обстоятельству, а также тому, что заранее был собран и оставлен на место весь потребный материал, временный мост был готов к 28 марта. Временный мост и устроенный обходной путь должны служить вполне удовлетворительно, если уровень воды в реке за это время значительно не поднимется (рельсы возвышаются над настоящим уровнем воды – я ездил осматривать Норвальспонтский мост 10 апреля – не более как на 1 аршин 10 вершков).

Почти одновременно с удалением буров от Оранжевой реки из Блумфонтейна были высланы на юг по железной дороге два гвардейских батальона с одной батареей. Они нашли железную дорогу невредимой, население – вполне мирно настроенным. Во всех пунктах по пути они расклеивали прокламации лорда **Робертса**, отбирали оружие и патроны и нигде не встретили ни малейшего сопротивления. 16 марта батальоны прибыли в Спрингфонтейн, куда одновременно подошёл генерал **Гатакр** с большей частью своих сил, выступивших из Бетули накануне днём.

На следующий день гвардейские батальоны возвратились в Блумфонтейн, а генерал **Гатакр**, оставив в Спрингфонтейне небольшой отряд, передвинулся в Эденбург.

За время своего передвижения гвардейские батальоны собирали по линии подвижной состав; всего на участке Блумфонтейн–Норвальск–Понт было собрано 26 локомотивов и свыше 300 вагонов (в том числе подвижной состав, оставленный бурами в Блумфонтейне). Благодаря этим счастливым обстоятельствам (линия невредима, оставлен подвижной состав) явилась возможность восстановить железнодорожное сообщение с югом уже 17 марта, то есть на 11 дней ранее устройства моста через Оранжевую реку, конечно, при условии перегрузки товаров при переправе.

С этого времени можно считать, что была открыта коммуникационная линия армии, занимавшей Блумфонтейн.

Меры по занятию южных областей Оранжевой Республики

Немедленно по занятии переправы у Норвальск-Понта генерал **Клементс** получил приказание двинуться к Блумфонтейну и по пути пройти юго-западные области республики с целью утвердить там британское господство.

В Норвальск-Понте для охраны строящегося моста был оставлен один батальон милиции и до 600 человек ездящей пехоты.

Свои силы (пять батальонов пехоты, 2 полевые батареи, 2 эскадрона и около 800 человек ездящей колониальной пехоты и две роты регулярной ездящей пехоты) генерал **Клементс** разделяет на три колонны: одну главную, в которой вся пехота и немного ездящей пехоты, и две боковые, составленные исключительно из конных частей.

Выступил он 18 марта широким фронтом, двинулся на Филипполис, Форесмит, Кофифонтейн, Петрусбург и прошёл области перечисленных городов. Неприятеля нигде не было; разрозненные его партии отступили на север до прибытия генерала **Клементса**; всюду было обнаружено мирное настроение оставшегося на месте населения. В Блумфонтейн генерал **Клементс** прибыл 4 апреля.

Действия на севере.

Взрыв моста у Глена

Во время этого, по-видимому, вполне мирного общего настроения неприятель начинает понемногу напоминать о своём существовании.

В ночь с 19 на 20 марта, то есть через неделю после занятия Блумфонтейна, буры, на глазах у английского патруля, занимавшего южный берег реки Моддер у Глена, взорвали большой железнодорожный мост через эту реку.

Подробности этого события были переданы мне бывшим на стороне буров голландским военным агентом, поручиком **Никсом** (поручик **Никс** был тяжело ранен в деле 31 марта у Уотер-Уерка

(Ватер-Верка); был привезён в Блумфонтейнский госпиталь, где скончался через несколько минут после проведённой ему операции)¹²⁰. Оказывается, что буры вспомнили о необходимости разрушить мост только 16 марта. Из Брандфорта был выслан специальный поезд с отрядом и материалом для разрушения моста.

На полпути, не доезжая до Глена, машинист поезда объявил, что у него может не хватить воды для возвращения из Глена в Брандфорт, что при этих условиях он может попасть в руки англичан, а потому далее не последует. Начальник следовавшей в поезде команды не имел возможности заставить его повиноваться, а потому решил взорвать вместо большого гленского моста два малых мостика, до которых они доехали, после чего и возвратились в Брандфорт.

Этим поступком он оказал плохую услугу, потому что для взрыва гленского моста уже нельзя было воспользоваться железной дорогой и пришлось выслать команду с воловьей повозкой.

Взрыв моста напоминает англичанам, что на севере ещё есть противник и что буры Оранжевой Республики вовсе не так уж склонны к миру, как это первоначально предполагалось.

21 марта в Глен посылают два батальона гвардейской бригады, которые, придя туда, не находят неприятеля. Принимаются меры к постройке нового (низкого) моста.

23 марта происходит небольшой эпизод, о котором стоит упомянуть, дабы показать, насколько все были под впечатлением полного отсутствия какой-либо опасности со стороны противника.

Два полковых командира с двумя полковыми адъютантами и в сопровождении одного лишь вестового выехали из Глена на прогулку.

Отъехав на север около 5 вёрст, они увидели несколько буров. Решив захватить их, они устроили за ними погоню. Буры сначала удирали, но видя, что их окружают, они остановились и открыли огонь по преследователям. В результате один офицер был убит, а трое прочих и нижний чин ранены. Буры к ним немедленно подъехали, перевязали раны, послали преду-

предить в Глен о происшедшем и оставили их, лишь когда приехали лазаретные повозки.

До 27 марта всё тихо, не происходит ничего интересного. Только в этот день получается известие, что буры выслали из Брандфорта в южном направлении довольно сильный отряд.

Нужно заметить, что это известие получено не от передовых войск, которые не были в соприкосновении с противником, а через разведывательное отделение штаба (intelligence department). (Все сведения о противнике всегда получались этим путём. Насколько я мог заметить, разведывательную службу кавалерия несла весьма плохо. Я вынес впечатление, что даже никто не рассчитывал получить от кавалерии какие-либо ценные сведения о противнике. Это как будто вовсе не её дело. Что же касается разведывательного отделения, то, по-видимому, дело поставлено там недурно: помимо шпионства, оно располагает несколькими предприимчивыми разведчиками, действующими всегда в одиночку. Главный разведчик, получающий баснословно высокую плату – около 300 фунтов в месяц, – американец **Burham**.)

Ввиду этого в Глен немедленно высылается вся 14-я бригада (7-й дивизии) с тремя батареями.

На другой день, когда получилось известие, что буры заняли Кари Сайдинг отрядом свыше 5000 человек (оказалось меньше), туда высылаются остальные части 7-й дивизии, 3-я кавалерийская бригада с двумя конными батареями и бригада ездящей пехоты. Эти подкрепления прибывают в Глен 28-го около полудня.

Тут же принимается решение произвести на следующий день атаку неприятельской позиции, чтобы не дать ему время её укрепить. Вследствие этого 28-го после полудня высылают в Глен ещё одну кавалерийскую бригаду с 3-мя батареями.

Дело у Кари Сайдинга 29 марта

(К сожалению, мне не удалось присутствовать при этом деле, потому что по обыкновению от нас скрыли о готовившейся атаке. Через несколько дней после сражения я посетил Кари Сайдинг, и настоящее описание составлено на основании сведений, полученных мной от многих участников дела.)

Позиция, занятая бурами, представляла цепь довольно высоких холмов, тянувшихся перпендикулярно к дороге, в 1.1/2 верстах к северу от станции Кари Сайдинг. Дорога проходила как раз по перевалу; западный участок состоял из двух плоских высот, восточный же командовал всей местностью и имел три ряда холмов, удобных для последовательной обороны. Местность на флангах и особенно в тылу, была совершенно ровная и открытая. Подступы к позиции были удобные: ряд холмов и оврагов, в которых войска могли найти закрытие.

В начале дела буры занимали южные склоны холмов западного участка и первого ряда высот – восточного. Артиллерия их (всего три орудия и 2 скорострелки **Максима-Виккерса**) расположена была весьма укрыто по восточному участку.

Здесь следует отметить, что буры, располагая всегда количеством орудий в пять-шесть раз меньшим, чем противник, никогда не думают об артиллерийском единоборстве, вследствие этого они имеют обыкновение ставить их разрозненно и укрыто, искусно выбирая для них позиции с отличным обстрелом против наступающей пехоты.

Указанную позицию решено (по обыкновению, общего начальника над всеми войсками не было; старшим был генерал **Френч**, но он ничем не распоряжался, а находился при кавалерии в обходе, а генерал **Теккер** как младший не мог распоряжаться кавалерией) было решено атаковать с фронта всей пехотой (8 батарей) и произвести одновременно обход обоих флангов противника: правого – двумя кавалерийскими бригадами с 5 конными батареями и левого – бригадой едущей пехоты.

Войска выступили из Глена в 8 часов утра, и пехота подошла к позиции около 11 часов утра.

Главный удар фронтальной атаки решили направить на левый (сильнейший) фланг неприятеля; сюда была послана 14-я бригада; один батальон 15-й бригады имел приказание наступать против высот правого фланга, а три батальона были оставлены в резерве. Три пешие батареи выехали на высоту в центре, левее железной дороги.

В 12 часов 30 минут бригада развернулась и начала наступать, имея в первой линии три батальона и один батальон за левым флангом. В 1 час 15 минут дня первая линия высот занимается без особого сопротивления. Буры, отступив во вторую линию, открывают сильный артиллерийский огонь, направляя его преимущественно против левофлангового батальона. Огонь этот приводит в полное расстройство Хампширский батальон, который в беспорядке бросается назад, увлекая в своём отступлении и стоявший позади батальон King's own Borders. Последний был вскоре остановлен, приведён в порядок и направлен в первую линию на место Хампширского батальона.

Начальник 7-й дивизии генерал **Теккер**, видя это замешательство, направляет в 2 часа 30 минут дня для поддержки атаки 14-й бригады одну батарею и один батальон 165-й бригады.

Два орудия этой батареи с большим трудом, на руках были подняты на высоты, откуда они с расстояния около 500 сажен открыли фланговый огонь по траншеям буров.

Батальон 15-й бригады вошёл в середину первой линии, а Хампширский батальон, который к этому времени удалось привести в порядок, становится в резерве за правым флангом.

Вследствие удачного действия указанных двух орудий, буры в 3 часа 30 минут принуждены были очистить вторую линию обороны и отойти на третью.

14-я бригада последовательно, начиная с правого фланга, занимает вторую линию высот, но продвинуться далее не может, потому что предстояло пройти совершенно открытое пространство около 700–800 шагов, обстреливаемое противником перекрёстным огнём (третья линия буров имела вид входящего угла). После этого бой на этом участке принял неподвижный характер.

Ездящая пехота, направленная в обход левого фланга буров, по обыкновению, не выполнила возложенной на неё задачи. Она сделала обход в пять вёрст и, выйдя почти на вы-

соту позиции противника, была встречена небольшим отрядом буров. Вместо того чтобы оставить против них часть сил, с остальными продолжать обход с целью выйти в тыл, бригада остановилась и оставалась здесь до конца дня, не принудив даже к отступлению бывший против неё небольшой отряд.

Наступление на левом участке началось около 3 часов 15 минут: один батальон 15-й бригады двинулся левее железной дороги, остальные два батальона остались в резерве далеко позади, у фермы. Встреченный сильным огнём из скорострельного орудия, передовой батальон залез в овраг и не в силах был продолжать наступление: вызванные в помощь батальоны резерва направились к железной дороге, некоторое время следовали вдоль полотна и отсюда направлялись на восточный край высот правого фланга позиций буров. Они прошли сквозь залегший в овраге батальон, который не присоединился к наступающим, а там и остался.

Правый участок позиции буров был занят ими сравнительно слабее, кроме того, на этом участке в продолжение трёх часов был сосредоточен огонь двух батарей. Ввиду этого наступавшие два батальона не встретили серьёзного сопротивления; в 4 часа буры начали отступать, а в 4 часа 30 минут высоты были заняты 15-й бригадой.

Начало отступления буров как раз совпало со временем, когда кавалерия начала угрожать их тылу и когда позади их позиции слышались первые выстрелы конных батарей.

Вся кавалерия и конная артиллерия, как указано было выше, была направлена в обход правого фланга противника. Отойдя влево около семи вёрст, она остановилась и в полном бездействии простояла здесь до 3.1/2 часа дня, когда, наконец, решилась двинуться вперёд. Конная артиллерия с очень дальнего расстояния открыла огонь в тылу противника. Буры сейчас же начали отступать, медленно двигаясь с обозами и орудиями по совершенно открытой обширной равнине, растянувшейся до самого Брандфорта. Для ограждения себя слева от стоявшей в отдалении кавалерии, они выделили небольшой отряд, который, спешившись, открыл огонь по кавалерии

и конной артиллерии. 15 эскадронов кавалерии с 30 конными орудиями не решились предпринять что-либо решительное против отступавших, несмотря на то что обстановка вполне благоприятствовала атаке.

Стараясь выяснить причину этой бездеятельности, я расспрашивал многих очевидцев; одни объяснили это противодействием высланного бурами бокового отряда, остановившего наступление кавалерии, другие говорили о проволочных изгородях, мешавших атаке, и, наконец, опять я слышал ссылку на утомление лошадей (причина, которой объяснялись все неудачи до прибытия в Блумфонтейн, но которая, казалось бы, теперь не должна была бы иметь место).

Мне дело представляется в следующем виде: кавалерия упорно избегала решительных действий, ограничиваясь лишь угрозами, без доведения их до конца. Причиной тому, мне кажется, служит, с одной стороны, нежелание нести крупные потери, неизбежные при решительных действиях и атаке, а с другой стороны – боязнь потерпеть неудачу и потерять приобретённую (незаслуженно) громкую репутацию: марш кавалерии в Кимберлей был сильно раздут английской печатью, и из генерала **Френча** сделали гениального кавалерийского начальника.

Собственно говоря, кавалерия в этот день точь-в-точь повторила то же, что имело место 7 и 10 марта под Попларгровом и Абрамс-краалем.

Неприятель отступил невредимым. Потери англичан: убитых – 1 офицер, 10 нижних чинов, раненых – 19 офицеров, 154 нижних чина; пленных не было.

После боя войска остались в окрестностях Кари Сайдинга.

Действия на востоке. Марш колонны Бродвуда

Как упомянуто выше, отряд подполковника **Бродвуда** (по поводу подполковника **Бродвуда** следует отметить, что принцип назначения на высшие должности, не руководствуясь старшинством, доведён в английской армии до крайнего, даже несколько странного предела. **Бродвуд** числится подполковником 12-го уланского полка, командир полка – полковник, который входит теперь в командуемую им бригаду; занимая в

последнее время разные штабные должности, он 10 февраля был назначен командиром бригады и сделался, таким образом, прямым начальником своего бывшего полкового командира. Он получил чин местного (local) генерал-майора¹²¹. Это означает, что когда он перестанет командовать бригадой, он вернётся снова к прежнему своему чину подполковника), два полка кавалерии, две конных батареи и до 1000 человек ездящей пехоты. Выступив из Блумфонтейна 18 марта, 22-го прибыл в Табанчу, где нашёл население совершенно спокойным. Здесь главные силы отряда остановились, а небольшие летучие отряды он послал в нескольких направлениях для сбора запасов и обезоружения населения.

Один из таких летучих отрядов, но несколько более сильный (около 400 человек ездящей пехоты), под начальством подполковника **Пильчера** прибыл в Ледибранд 26-го и вступил в город без сопротивления; подполковник **Пильчер** немедленно арестовал городского главу, известного своими враждебными действиями против англичан. Однако сейчас же после этого отряд принуждён был покинуть город, потому что подвергся нападению как со стороны жителей города, так и подоспевшего к ним в подкрепление отряда буров. При своём отступлении в Табанчу он нашёл совершенно иное настроение населения: вся страна была полна мелкими вооружёнными партиями буров, которые угрожали ему со всех сторон. По прибытии подполковника **Пильчера** весь отряд подполковника **Бродвуда** с транспортом в 100 повозок выступил из Табанчу 29 марта и вечером 30-го перешёл реку Моддер у водокачки (Water-Work) и расположился на ночлег в равнине в 1.1/2 версты от реки на западном её берегу.

Дело у Water-Work'a

Несмотря на то что во время похода со всех сторон видны были буры, отряд не предпринимал никаких мер предосторожности. Не только не имелось никакого охранительного отряда, но даже не было выслано ни одного разъезда, не было выставлено ни одного часового.

С наступлением темноты к водокачке прибыло около 1000

человек буров. Увидев никем не охраняемый бивак кавалерии, они решились окружить его. Около половины буров остались на восточном берегу реки Моддер, заняли переправу и поставили на прибрежные высоты, значительно командующие всей окружающей местностью, три орудия; остальная половина отряда обошла кавалерию с юга и расположилась в лощине ручья, текущего параллельно реке Моддер, в 4.1/2 версты к западу от неё, как раз в тылу бивуака отряда Бродвуда.

Около 6.1/2 часов утра восточный отряд буров открывает артиллерийский огонь по мирно пробуждающемуся отряду. На бивуаке возникает необыкновенная паника (все подробности этого дела мне тоже переданы голландским военным агентом). Имей буры холодное оружие и атакуй они в это время отряд, несомненно, они забрали бы его целиком в плен.

Понеся сравнительно небольшие потери, потому что большинство снарядов буров, по обыкновению, не разрывались, а ружейный огонь с берегов реки они открыли несколько позже, отряд кое-как изготовился и стал отступать по дороге в Блумфонтейн.

В голове шли 100 повозок-фургонов, по несколько в ряд, потом обе батареи (правее дороги), потом ездящая пехота, часть которой, впрочем, отступила в северном направлении, и, наконец, оба полка кавалерии. На марше, так же как и на бивуаке, никаких мер охранения не было.

Первые повозки благополучно переправлялись через ручей и были остановлены бурами только на другом берегу; они объявили проводникам, что они в плену, что в случае неповиновения будут немедленно пристрелены; повозки были свезены в сторону от дороги. Таким же образом, не обнаруживая себя, они поступили со следующими, пока наконец не скопилось много повозок и не началась паника. Тогда они вышли на другой берег и поступили со скопившимися и остановившимися повозками так же, как и с переправившимися.

Как раз в это время подошла к ручью головная батарея. Один из офицеров (может быть, командир батареи), видя замешательство, поехал вперёд узнать в чём дело. К нему навстрече-

чу вышел генерал **Девет** и, объяснив положение, сказал, что он может немедленно открыть огонь и перестрелять массу народа, но во избежание излишних потерь он предлагает отряды сдать. Офицер сказал, что не может дать ответа помимо начальника отряда, передал генералу **Девету** своё оружие и поехал к подполковнику **Бродвуду**. Главная батарея в это время остановилась всего в 30 шагах от буров, и нижние чины начали обезоруживаться.

Через несколько времени **Девет** увидел, что задние орудия и следовавшие за ним конные части начали поворачивать назад. Тогда только буры открыли сильный оружейный огонь, действительности которого сильно мешали скопившиеся на берегу повозки. Тем не менее пять орудий головной батареи и два задней, потеряв большинство лошадей, не могли отступить и были взяты в плен. Остальные же пять орудий, отойдя около версты назад, снялись с передков и открыли огонь по лощине. Конные части, вторично понеся потери, в нерешительности стали поодаль батарей. Подполковник **Бродвуд** посылает ординарца в Блумфонтейн предупредить о происшедшем, и вместе с тем начал искать, где бы удобнее пробраться.

В 9 верстах от места происшествия у высоты Бушманская находилась бригада ездящей пехоты полковника **Мартира**. С места расположения бригады вся местность видна превосходно, и он, конечно, не мог не знать о деле. Тем не менее он не двинулся на выручку отряда. Он даже не сделал этого после того, как проехавший мимо ординарец предупредил его о критическом положении отряда. **Бродвуд** ждал подкреплений, а буры тоже не атаковывали его и ограничились одним обстреливанием. Так дело шло почти до двух часов дня, когда **Бродвуд** решил отступить на юг и этим путём постараться пробраться к Блумфонтейну.

Во время его движения в указанном направлении к бурам совершенно случайно подошли подкрепления. Дело в том, что отряд около 3000 человек шёл из Брандфорта на юг. Следуя восточным берегом реки Моддер, отряд услышал

выстрелы, свернул на них и подошёл к водокачке как раз, когда **Бродвуд** двинулся на юг. Прибывшие буры не успели преградить пути отряду, который переправился через ручей в 7 верстах южнее дороги, и около 4-х часов дня достиг Бушманскопа.

Потери отряда в этот день были: 3 офицера и 9 нижних чинов убитыми, 15 офицеров и 108 нижних чинов ранеными и 17 офицеров и 413 нижних чинов взятыми в плен, 7 орудий и весь обоз (97 больших повозок).

Высылка 9-й дивизии

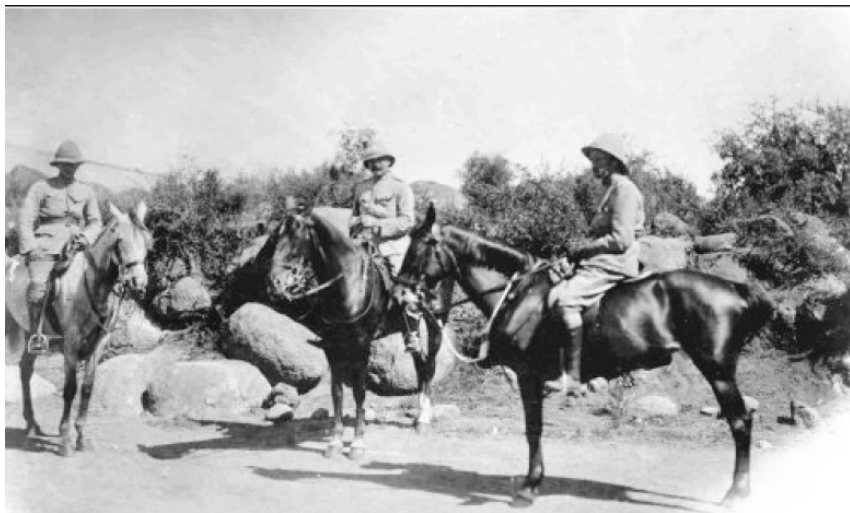
Ещё накануне, то есть 30 марта, в главной квартире получены были сведения (опять же через разведывательное отделение штаба), что из Брандфорта в юго-восточном направлении двигаются буры.

На рассвете 31-го высылают на восток в Уотерфаль всю 9-ю дивизию, а по получении известия о происшедшем, около полудня, туда же высылают только что прибывшие из Кари Сайдинга 1-ю и 3-ю бригады кавалерии.

9-я дивизия подошла к Уотерфалю (Ватерфалю) в 3.1/2 дня, то есть вскоре после окончания дела, когда буры ещё не успели увезти с поля сражения всех орудий и обоза. По дороге она, конечно, слышала о происшедшем деле, но всё-таки не свернула на водокачку и не постаралась отбить у буров орудий и обоза. (На другой день я спросил одного из штабных офицеров дивизии, почему они не свернули прямо на водокачку; и он мне ответил, что они были высланы в Уотерфаль, а не на водокачку и, кроме того, что имелось в виду отрезать бурам путь отступления на север. Дальнейшие действия показывают, что этот аргумент был простой отговоркой.)

Уотерфаль дивизия нашла слабо занятым противником. После нескольких выстрелов и, главное, после того как одна из бригад была направлена в обход влево, буры отступили, а дивизия, переправившись на правый берег реки Моддер, остановилась здесь.

На другой день, в 10 часов утра, я приехал в Уотерфаль (наш опять не предупредили о высылке 9-й дивизии, о деле бригады

Британские кавалеристы в г. Блумфонтейне. 1900 г.

Бродвуда мы узнали лишь 31-го к вечеру), где нашёл 9-ю дивизию. Расспросив об обстановке и о том, что намерены были делать, я узнал следующее: ранее чем что-либо предпринять в этот день, генерал **Кольвиль** отправил 1-ю кавалерийскую бригаду, прибывшую к нему накануне вечером, в восточном и юго-восточном направлении для разведки о противнике. В 11 часов утра туда же была выслана и подошедшая 3-я кавалерийская бригада.

До 2 часов дня от кавалерии никаких сведений получено не было. От местных жителей узнали, что противник накануне вечером и ночью отступил в северном направлении.

Настроение в правящих сферах резко меняется: после в высшей степени гуманного отношения к населению и заигрывания с ним наступает эра чрезвычайных строгостей – производят в городе массу арестов. Все убедились, что война ещё не кончена.

3 апреля 13-я бригада в Кранц-Краале сменяется прибывшей туда из Кари Сайдинга 14-й бригадой (7-й дивизии), а 13-я

возвращается в Блумфонтейн, куда в тот же день прибывает и 9-я дивизия. Таким образом, Уотер-Уерк (водокачка) оставляется во власти буров. С тех пор для наблюдения за ними в фельде и Бушманскопе постоянно держится по одной бригаде пехоты и свыше 1200 человек ездящей пехоты.

С этой стороны буры больше ничего не предпринимали.

Нападение на Редерсбург

Сведение, что из Уотер-Уерка буры отступили на север, оказалось неверным: действительно, они отправили на Брандфорт под небольшим прикрытием захваченные орудия и обоз, а с главными силами двинулись на юг.

Дивизия генерала **Гатакра** – 4 батальона пехоты, 4 батальона милиции и около 800 человек ездящей пехоты (сведения о состоянии дивизии приблизительные, точных данных добыть не мог), была расположена вдоль железнодорожной линии между Спрингфонтейном и Бетани; главные силы и штаб отряда были в последнем пункте. Отсюда в последних числах марта был выслан отряд из 2 рот ездящей пехоты и 3 рот регулярной в Редерсбург и Деветс-Дорпе для сбора продовольствия и обезоружения населения.

1 апреля отряд встретил в Деветс-Дорпе прибывших с севера буров; он поспешно отступил в Реденсбург. Буры последовали за ним и, немного не доходя последнего пункта, вечером 3 апреля окружили его; в этот день и на другой день происходит ряд небольших стычек, в результате которых отряд в 500 человек, потеряв 9 убитыми и 35 ранеными, сдается противнику 4 апреля в 4 часа дня. Об этом событии официальный отчёт гласит: отряд, оказав упорное сопротивление, принуждён был сдаться, потому что не имел орудий, тогда как противник имел артиллерию (3 орудия).

Генерал **Гатакр**, бывший от места происшествия всего в 18 верстах, не поспел на выручку (за это он был отослан в Англию); он подошёл к Редерсбургу около 6 часов вечера, и, найдя его занятым, отошёл назад.

Казалось, буры, подойдя к железной дороге всего на расстояние 18 вёрст и находясь в превосходных сравнительно с

неприятелем силах, должны были бы попытаться разрушить железную дорогу, по которой в это время производилась обширная перевозка грузов и войск. Они не делают ни малейшей попытки в этом направлении (они, видимо, не хотят понять, что это единственный путь для достижения успеха – действовать на сообщениях противника); забирание пленных и орудий в конце концов никакого влияния на исход войны оказать не может), а довольные достигнутым успехом отступили на восток к Вепенеру (об этом движении 4 дня ничего не было известно).

Нападение на Редерсбург внушает серьёзное опасение за целостность железной дороги. Не имея сведений о направлении движения противника, потому что после каждого столкновения войска сейчас же теряют соприкосновение с ним, штаб армии действует ощупью, бесцельно рассылая в разные стороны отряды. (Надо заметить, что с этого времени, согласно сведений, добытых разведывательным отделением штаба, можно было ожидать атаку на Блумфонтейн.)

4 апреля 9-я дивизия посылается на юго-восток в Риетфонтейн, откуда на другой день она следует далее в южном направлении; отойдя 14 вёрст и не найдя противника, она возвращается в Риетфонтейн, а 6-го прибывает назад в Блумфонтейн.

19-я бригада посылается в Спрингфильд, где она и остаётся.

7 апреля гвардейская бригада с одной батареей посылается для охраны моста через Кафир-ривер.

Охранение пути сообщения

10 апреля железная дорога Блумфонтейн–Норвальск–Понт охранялась приблизительно так. Начиная с севера, следующие пункты были заняты: Ферера Сайдинг – 1 ротой и около 300 человек ездящей пехоты, Лейнберг – 1 ротой, Кафир-ривер – 4.1/2 батареи и одной батареей (в том числе гвардейской бригадой, которая здесь, видимо, находилась временно); Бетани – 2. 1/2 батареи 3-й дивизии (бывшая **Гатакра**, ныне – генерал-майора **Чермсайда**); в Эденбурге – 1 батальон; Йагерфонтейне

– 1/2 батальона; Спрингфонтейне – 2 батальона и Норвальск-Понте – 1 батальон и 600 человек ездящей пехоты.

В этот же день в Спрингфонтейне начала прибывать из Кейптауна 8 дивизия, которая следовала в Блумфонтейн, но была остановлена здесь видимо вследствие известия об атаке бурами Вепенера.

Атака Вепенера

9 апреля буры, бывшие в Редерсбурге, подошли к Вепенеру (нужно заметить, что указанный отряд буров, выступив из Брандфорта около 28 марта, до 9 апреля, то есть в 12 дней сделал свыше 300 вёрст); этот пункт был занят колониальными войсками дивизии генерала **Брабанта**¹²² (остальные части дивизии и сам Брабант находились в Аливал-Норте) – около 800 человек ездящей пехоты при семи орудиях: 2 полевых, 2 двенадцатифунтовых морских, 2 горных и 1 скорострелка **Гочкиса**¹²³.

Этот слабый отряд, по-видимому, занял хорошую позицию, потому что, будучи окружённым со всех сторон значительно превосходящими силами, стойко держался и отражал все нападения.

Никаких подробностей об операциях против Вепенера и сообщить не могут: газеты дают несвязные сведения, а в главной квартире всё держится в секрете. Думаю, что около 14 апреля имели в виду концентрическим движением с двух сторон окружить буров, оперировавших против Вепенера: 8-я дивизия должна была двигаться из Эденбурга, а 10-я дивизия с частью ездящей пехоты генерала Брабанта – из Аливаль-Норда.

Эта последняя дивизия (генерал-майор **Гунтер**) (**Хантер**) в начале апреля была вызвана из Наталя, 10-го она погрузилась в Дурбане, 12-го головные части стали высаживаться в Ист-Лондоне, оттуда по железной дороге они должны были быть доставлены в Аливаль-Норд.

Лорд **Китченер**, по-видимому, должен был руководить этими операциями, потому что с 9 апреля он находился всё время между Спрингфонтейном, Аливаль-Нордом и Норвальск-Понтом.

Впоследствии я узнал, что этому плану, кажется, не суждено осуществиться (лорд **Китченер** 17-го возвратился в Блумфонтейн): видя, что буры не угрожают пути сообщения армии, по-видимому решили не предпринимать против них столь серьёзных операций, требующих много времени для выполнения и могущих задержать предполагаемое вскоре начало наступления к реке Вааль. Здесь господствует убеждение, что начало решительного наступления армии должно отвлечь всех буров, действующих в тылу.

Я слышал (может быть, это неверно) тоже, что 10-я дивизия уже направлена в Кимберлей, в окрестностях которого опять стало что-то беспокояно; отсюда она должна двинуться на освобождение Мафекинга, а впоследствии должна оперировать против правого фланга и в тыл бурам при обороне их линии Вааля.

Прибытие подкреплений.

Новая организация армии

Начиная с 4 апреля, стали прибывать к армии многочисленные подкрепления. По прибытии всех ожидаемых частей армия лорда **Робертса** примет, по-видимому, следующую организацию. (К сожалению, по этому вопросу я не могу представить теперь точных и полных сведений, потому что, несмотря на многочисленные обещания, мне не удалось до сего времени добыть нового *ordre de bataille*.)

1) Пехота.

7-я и 9-я дивизии (каждая дивизия – 8 батальонов) остаются в прежнем составе.

6-я дивизия ныне имеет 12-ю (прибывшую из Норвальск-Понта) и 13-ю бригады и прежнюю артиллерию; 18-я же бригада, входившая в состав этой дивизии, с гвардейской бригадой составляет 11-ю дивизию (генерал-майор **Поль-Карью**), к которой приданы 74, 77 и 79-я полевые батареи.

8-я дивизия (генерал **Рундель**) состоит из 16 и 17-й бригад, прибывших из Англии в половине марта; артиллерия этой дивизии ещё не назначена; дивизия, вероятно, скоро прибудет в Блумфонтейн.

10-я дивизия (генерал-майор **Гунтер**) (**Хантер**), прибывшая из Наталя, состоит из 5-й (генерал-майор **Бартон**) и 6-й (генерал-майор **Харт**) бригад; вероятно, с дивизией прибыли три батареи, но какие именно мне не известно.

3-я дивизия (генерал-майор **Чермсайд**) состоит из одной полевой и одной бригады милиции. Эта дивизия, вероятно, будет оставлена для охранения пути сообщения.

Не вошедшая в дивизии 21-я пехотная бригада сформирована из батальонов, бывших на путях сообщения (кажется, имеется один или два батальона милиции); эта бригада, вероятно, останется для охраны Блумфонтейна, хотя, мне кажется, что для этой цели далеко не достаточно одной бригады.

Большинство батальонов получили из Англии укомплектование, остальные должны получить его в самом скором времени, так что все батальоны достигнут почти штатной численности (в среднем свыше 900).

2) Кавалерия.

Благодаря прибытию новых частей: 8-го гусарского, 7-го драгунского (гвардейского) и 17-го уланского полков и остальных двух эскадронов 14-го гусарского и 6-го драгунского Еннискилинского полков (по одному эскадрону этих полков входили раньше в состав дивизии) – явилась возможность сформировать новую бригаду. Ныне дивизия включает:

1-я бригада: 2-й драгунский, 6 драгунский карабинерский, 6-й драгунский Еннискилинский полки и сводный полк Новоюжновалийских улан.

2-я бригада: сводный гвардейский полк, 10-й гусарский и 12-й уланский полки.

3-я бригада: 9, 16 и 17-й уланские полки.

4-я бригада (полковник **Диксен**): 8 гусарский, 14 гусарский и 7 драгунский (гвардейский) полки.

К каждой бригаде по новой организации придаётся по одной конной батарее (раньше было две) и по одному отделению орудий **Максима-Виккерса** (2 орудия).

В конце марта и в первой половине апреля должны были прибыть в Южную Африку свыше 12 000 лошадей, закуплен-

ных в Англии, в Австралии, в Северной и Южной Америке; из этих лошадей 2200 предназначаются для артиллерии и около 11 000 – для кавалерии и ездящей пехоты. Почти все указанные лошади уже доставлены в Блумфонтейн (остальные должны прибыть ранее выступления армии). Благодаря этой мере удалось довести эскадроны до штатной численности (свыше 120 сабель) и совершенно обновить конский состав (многие полки получили более $\frac{3}{4}$ новых лошадей).

Я слышал, что в предвидении дальнейших потерь в лошадях уже закуплены ещё 20 000 голов, которые начнут прибывать в начале мая.

3) Ездящая пехота.

Со времени вступления в Блумфонтейн численность ездящей пехоты увеличилась более чем вдвое; ныне её более 8000 человек. Благодаря этому она получила новую (с начал февраля четвертую) организацию.

Теперь она сведена в дивизию (начальник – полковник **Гамильтон**), состоящую из двух бригад (1-я – генерал-майор **Гюттон**, 2-я – генерал **Радлей**); каждая бригада состоит из четырёх батальонов (почему-то называемых тоже корпусами ездящей пехоты); батальоны имеют от 4 до 5 рот регулярной и от 2 до 3 рот колониальной ездящей пехоты; большинство батальонов (каждый несколько более 1000 человек) имеют 7 рот.

К каждой бригаде придано по два отделения (скорострельных) орудий **Максима-Виккерса** (4 орудия) и по 4 отделения обыкновенных скорострелок (пулемётов) **Максима** (8 орудий).

4) Корпусная артиллерия.

Кроме указанных в предыдущем донесении орудий корпусной артиллерии, ныне к ней причислены: вновь прибывшие 43-я и 87-я мортирные батареи и две конные батареи. (Таким образом, ныне имеется 8 конных батарей; до 13 марта имелось семь, две вновь прибыли, а одна (7 орудий) была взята в плен.)

Из перечисления частей, входящих в новый состав армии лорда **Робертса**, усматривается необходимость разделить её на два корпуса; но, кажется, этого не имеют в виду исполнить.

Сверхлёгкие (лёгкие) пулемёты **Максим** калибра 7,71 мм (0.303 дюйма)

Английские скорострельные орудия **пом-пом** калибра 37 мм

Доставка продовольствия.

Пользование железной дорогой

С открытием железнодорожного сообщения немедленно приступлено было к усиленной подвозке продовольствия.

Насколько я мог заметить, англичане в настоящую кампанию не могли вообще широко пользоваться железными дорогами. Вероятно, это являлось последствием несовершенного устройства дорог (недостаточное водоснабжение, малое количество разъездов и подвижного состава), а может быть, и вследствие плохой организации железнодорожной службы, но им редко удавалось пропускать по однопутной линии более шести-семи пар поездов в сутки.

В настоящем случае они употребили все старания, чтобы увеличить провозоспособность дороги, и недавно достигли возможности пропускать 10, а иногда даже 12 пар поездов.

Перевозились почти исключительно: продовольствие, артиллерийские снаряды, палатки для войск (прибыли 4 апреля), запасы для обновления обмундирования и снаряжения (тёплая одежда). Почти без исключения все войска и лошади следовали из Норвальск-Понта походным порядком. До 16 апреля администрация железной дороги не предоставляла ни одного поезда для нужд города и торговли, почему все лавки окончательно опустели и население и войска ощущали большую нужду во всём, кроме продовольствия, отпускавшегося интендантством.

К сожалению, мне не удалось достать сведений о количестве доставленных продуктов. Посещая часто продовольственный парк, я видел, что горы запасов быстро растут; на глаз было собрано более чем на месяц продовольствия.

Санитарное состояние армии

За последнее время санитарное состояние значительно ухудшилось. Последствия похода в плохих условиях (особенно вода) сказались: в настоящее время в Блумфонтейнском госпитале имеется следующее количество больных (кроме раненых) почти исключительно желудочными болезнями: 75 офицеров и 2464 нижних чина, из которых 26 офицеров и 776 нижних чинов больны тифом.

Восстановление разрушенных пролётов железнодорожного моста

Нужно заметить, что эти цифры не показывают ещё всех больных, потому что с 6 апреля началась эвакуация. Хотя эвакуировали преимущественно раненых, но всё-таки некоторое количество и больных¹²⁴.

Интересно и мнение русского военного агента **Ромейко-Гурко** о положении дел в бурских республиках после ряда поражений, понесённых африканерами:

В предыдущем донесении сообщал, что начальники союзных войск приняли решение отказаться от применения кордонной системы, то есть на будущее время не занимать растянутых позиций в ожидании наступления англичан, а, напротив, действовать наступательно малыми отрядами силою от 500 до 1.1/2 тысячи человек, оперируя преимущественно на флангах и в тылу противника.

Но до сих пор это решение применил на деле один генерал **De Wet (Девет)**.

Первоначально его действия были успешны, и результатом двух дел у Sanas-post'a и De-Wets-dorp'a было: 900 английских пленных, 7 орудий, 2 пулемёта и около 100 повозок с провиантом и снарядами.

Последнее из этих дел произошло 23 марта сего года, и с тех пор никаких точных сведений об этом отряде не сообщают, а быть может, и не имеют. Но есть основания предполагать, что его постигнет та же участь, что и генерала **Кронье**.

Если до сих пор примеру генерала **Девета** никто не последовал, то в случае его пленения и самые действия малыми отрядами будут признаны не достигающими цели.

Надо заметить, что после занятия англичанами Блумфонтейна генерал **Девет** был назначен начальником всех союзных войск, сосредоточенных на южном театре военных действий.

Двинувшись со своим 1.1/2-тысячным отрядом на юго-восток Блумфонтейна, он никого не назначил своим заместителем, а посему остальные отряды и лагеря, расположенные в окрестностях города Брандфорда, не подчинены одному лицу.

До сих пор следствием такого безначалия являлось только полное бездействие всех этих войск, ибо когда на собраниях начальников лагерей кто-либо из них предлагал какой-либо план действий, то другие на него не соглашались.

Положение это не изменилось и с прибытием сюда главнокомандующего, заменившего покойного генерала **Жубера**, – генерала **Бота**, ибо сам он начальство над войсками не принял, заявив, что он находится здесь лишь временно, а назначить кого-либо начальником собранных в окрестностях Брандфорда войск не считает себя вправе.

Между тем полнейшая бездеятельность войск, в связи с довольно тяжёлыми условиями лагерной жизни, не могла, конечно, способствовать поддержанию бодрости духа в людях.

В особенности тяжело на них отражается ночное содержание брандвахт во время дождливых и холодных ночей.

От лагеря силою в 500–600 человек каждую ночь в брандвахты высылалось от 80 до 100 человек, которые занимали лишь гребень ближайших холмов, расположенных в направлении к противнику.

Выставление брандвахт заменяет собою разведывательную службу и службу охранения.

О действиях противника вследствие этого здесь имели весьма смутные понятия. Если ещё кто-нибудь производит разведки, то это иностранные отряды, которые со смертью французского полковника **Villebois-Mareuil (Вильбоа-Марейля)** снова разбились на малые группы силою от 60 до 10 человек. Но и сведения, ими доставляемые, весьма скудны и подчас противоречивы.

Почти шестинедельное полнейшее бездействие английских войск после занятия Блумфонтейна, которое, по всему вероятию, надо объяснить отчасти устройством промежуточной базы у Блумфонтейна, а отчасти желанием дать отдых войскам, беспокоило союзников.

Впрочем, уже более недели получают сведения, хотя по обыкновению разноречивые и сбивчивые, о движении английских войск из Кимберлея на Hoopstad и далее на Kronstad.

Подобное движение весьма правдоподобно, ибо английские военачальники, с одной стороны, убедившись в безуспешности своих фронтальных атак, а с другой – видя, что союзники никогда не действуют на их сообщение, весьма вероятно, решатся на движение от Кимберлея к Кронстаду в надежде, что такое движение будет иметь те же последствия, как движение от станции железной дороги Моддер-ривер на Блумфонтейн, то есть очищение всей местности между этим городом и Кронстадом.

С занятием англичанами южной части Оранжевой Республики многие фермеры вернулись домой и положили оружие, опасаясь за участь своих семей и своего имущества, попавших в руки противника.

Хотя совершенно точных цифр в руках обоих правительств и не имеется, но надо думать, что они не делают большой ошиб-

ки, утверждая, что ныне в рядах союзных войск на всех театрах всего находится под ружьём около 25000 человек.

Утверждения английских газет о том, что правительство вооружает **кафров** – совершенно ложно, да и навряд ли имело бы какой-нибудь практический результат, ибо **кафры** обращаться с ружьями не умеют и по природе своей до крайности трусливы. В настоящее время даже в лагерях их почти не видно, ибо их всех отправили по фермам вместе с тяжёлыми воловьими повозками¹²⁵.

Российский военный атташе явственно ощущал разложение армии бурских ополченцев:

За истекшие две недели ход военных действий крайне беден сколько-нибудь выдающимися военными событиями на всех театрах, в том числе и на том, где я находился последнее время. Впрочем, я бы и не решился описывать те действия, коих я не был сам свидетелем, ибо за время пребывания здесь убедился, что рассказы даже очевидцев далеко не всегда достоверны, официальные же сведения, исключая те, которые можно добыть лично в Претории, весьма скудны и нередко туманны. Так, например, о деятельности генерала **Девета**, оперировавшего на правом фланге английской армии, расположенной в окрестностях Блумфонтейна, в продолжение двух недель ничего не сообщалось.

Ныне выяснилось, что этот генерал, имея под своим непосредственным начальством около пяти тысяч человек, вместо того чтобы продолжать партизанские действия на фланге и в тылу противника и пытаться разрушить его железнодорожную коммуникационную линию, занялся правильной осадой 1.1/2 тысячи колониальной ездящей пехоты под начальством полковника **Брабанта** около Вепенера, выставив половину своего отряда у Ветсдорпа в виде заслона от могущей придти из Блумфонтейна выручки. Таковая не замедлила, очевидно, быть высланной, и генерал **Девет**, растеряв почти все свои снаряды и патроны, принуждён был кратчайшим путём вернуться к северу от г. Табанчу.

Трудно объяснить, почему англичане ни разу не решились преградить ему путь отступления.

С тех пор как англичане освободились от присутствия отряда генерала **Девета** на своём правом фланге, они начинали проявлять некоторую деятельность к северо-востоку и северу от Блаумфонтейна.

К этому времени войска союзников были расположены следующим образом: генерал **Девет**, имея от 4 до 5 тысяч человек (численность отряда уменьшилась вследствие того, что люди, коих фермы находятся в местности занятой англичанами, удалились из лагерей и, вернувшись домой, положили оружие), – к северо-востоку от г. Табанчу. Правее его, к северу от Санаспоста, – генералы **Ф. Бота** и **Лемер** с 1.1/2 тысячи человек, причём его правый фланг почти доходил до реки Оспруит. К юго-востоку от города Брандфорда находились войска генерала **Деларея** силою до 1.1/2 тысячи человек и, наконец, у города Брандфорда к западу от него, – отряд генерала **Смутса (Смэтса)** – около 700 человек.

Утром 17/30 апреля англичане начали наступление несколькими колоннами ездящей пехоты против войск, расположенных от Табанчу до реки Оспруит.

Как я уже сообщал, ныне войска союзников оборонительных позиций не занимают, а посему с получением известия о движении неприятельских колонн, лагеря выступили им навстречу.

Находясь при войсках генерала **Деларея**, я имел возможность наблюдать действия их первоначально против крайней левой колонны англичан силою около 2 тысяч коней при одной батарее и одном орудии **Максима-Норденфельда**, двигавшейся вдоль правого берега реки Оспруит, а затем против другой колонны, наступавшей вдоль левого берега того же ручья.

Действия обеих сторон ограничились орудийной перестрелкой, и, несмотря на то что в распоряжении генерала **Деларея** было всего три орудия **Крезо** и одно **Максима-Норденфельда**, английская колонна после незначительной перестрелки начала отступление, и притом столь поспешно, что в руках трансваальцев не только оказалось несколько раненых (в том числе два

офицера), но и несколько пленных, под которыми были убиты лошади.

Заняв позицию, с которой англичане открыли первый огонь, трансваальцы вновь попали под выстрелы противника, и преимущественно орудия **Максима-Норденфельда**.

Я уже с Тугелы доносил, что это орудие заслуживает серьёзного внимания, но тогда я мог судить о нём, наблюдая его действие по противнику, ныне, видя действие его снарядов, я могу лишь вновь повторить то же самое, добавив, однако, что, по-видимому, действие этого орудия причиняет более моральное впечатление, чем материальный ущерб. Если англичане не выдерживают огня этих орудий, то же самое можно сказать и про трансваальцев. Однако необходимо выяснить, не зависит ли действительность огня этих орудий от свойств почвы. При более мягком грунте не будут ли снаряды зарываться настолько глубоко в землю, что их действие сведётся почти до minimum'a. При каменистой и твёрдой здешней глинистой необработанной почве этого, очевидно, произойти не может.

Так как к этому времени английская ездая пехота отошла под защиту огня своей пехоты, то дальнейшее наступление трансваальцев было приостановлено.

Вместе с тем пришло известие о появлении другой конной колонны англичан на другом берегу реки Оспруит, куда и направлена была большая часть войск генерала **Деларея** и где произошло повторение действий вышеописанных.

Наступление англичан 17/30 апреля надо признать за усиленную рекогносцировку, вследствие чего я ожидал, что на следующий день они предпримут общее наступление всеми силами, но этого не случилось.

Если за последнее время оба противника, вследствие своего бездействия, не достигли никакого внешнего результата, то, к сожалению, нельзя сказать того же про внутреннее, моральное состояние войск союзников, которое за последнее время вновь ослабло.

Тот подъём духа, который проявился в войсках при обнаружении ответа лорда **Солсбери** на предложение мира, ныне

уже значительно понизился. Снова стало заметно, что войска союзников как бы утомлены этой продолжительной борьбой. К тому же в войска начинает проникать сознание, что эта борьба только вопрос времени; понятно, что это отнимает всякую охоту принимать участие в борьбе. Всё чаще слышишь заявления, что нет возможности бороться одному против десятих, а в особенности имея одно орудие против одной или двух английских батарей (6-12 орудий).

Всё это является причиной того, что много людей уходит по домам, в госпитали приходит много симулянтов и даже некоторые наносят себе раны в руку или ногу выстрелом из винтовки только для того, чтобы иметь законное основание вернуться домой. Многие открыто заявляют, что они остаются в рядах лишь до тех пор, пока их фермы ещё не находятся во власти противника.

Очевидно, что это небезызвестно англичанам, а поэтому они распространили слух, что на тех фермах, где не окажется хозяина, всё будет взято как военная добыча, то есть даром, – и этому слуху люди в войсках придают значение.

Главное затруднение, которое могла бы встретить английская армия при своём продвижении вперёд, – это по продовольствию людей и лошадей при условии, что союзники производили бы периодически набеги на единственную их железнодорожную линию и если бы фермеры по мере наступления противника угоняли бы свой скот к северу.

Но ныне ни то ни другое не производится: первое – по недостатку энергичных начальников, а второе – потому что в этом фермеры видят для себя слишком большой материальный ущерб; так что и с этой стороны навряд ли английская армия может встретить значительные затруднения.

Вчера состоялось наконец столь долго ожидаемое наступление английской армии от Блумфонтейна вдоль линии железной дороги. Очевидно, что натиска целой армии не могли выдержать те разбросанные 8 тысяч войск союзников, которые растянулись от города Табанчу до города Брандфорда. Наступление ведено было англичанами на очень широком фронте, протяжением не

менее тридцати вёрст; ввиду сего я мог наблюдать лишь их наступление к западу от линии железной дороги.

Организация наступления англичан на их левом фланге была почти тождественна с тою, которую они применили почти два месяца перед тем у Попларгрова: колонна из конницы и ездящей пехоты силою около 3 тысяч коней, при двух батареях, была выдвинута уступом впереди их левого фланга и направлена в обход города Брандфорда, по направлению на ферме Бестерс (в 8 верстах к западу от города).

Навстречу этой колонне двинулся из окрестностей Брандфорда Гейдельбергский лагерь силою от 600–700 человек и занял позицию на холмах к северу от названной фермы (Бестерс). Этим движением приводилось в исполнение решение, принятое начальниками союзных войск, – действовать активно и наступательно. Но наступательные действия они понимают не в смысле атаки противника, а лишь выдвижение своих отрядов для занятия оборонительных позиций на вероятном пути наступления противника, когда таковое уже окончательно выяснится. Очевидно, что подобные действия, не заключаая в себе положительных сторон наступления, при котором наступающий берёт инициативу в свои руки, вместе с тем лишают обороняющегося возможности извлечь некоторые из выгод, которые заключаются в обороне. К тому же эти наскоро занимаемые позиции редко удовлетворяют одному из главных требований, которое здесь предъявляют к хорошей оборонительной позиции, а именно: доставить хорошее укрытие от огня не только для людей, но и для лошадей.

Этому условию не удовлетворила и позиция, занятая Гейдельбергским лагерем.

Вскоре после её занятия верстах в двух заняли позицию двенадцать английских орудий и начали обсыпать гейдельбергцев гранатами и шрапнелями. Не прошло и получаса после открытия огня, как трансваальцы сначала по одиночке, а затем и весь лагерь, сели на коней и, рассыпавшись по всему полю, отступили в северном направлении и более участия в бою в этот день не принимали.

Хотя оставление этой позиции и понятно, ибо нельзя ожидать, чтобы милиционные войска были настолько стойки, чтобы быть в состоянии долгое время выдерживать сильный артиллерийский огонь, не имея возможности отвечать на него ни из орудий, ибо таковых не было, ни из ружей за дальностью расстояния, но всё же не было основания гейдельбергцам по оставлении этой позиции совершенно выйти из сферы боя, тем более что понесённые ими потери состояли из нескольких человек убитых и десятков двух раненых.

После отступления Гейдельбергского лагеря я вернулся к городу Брандфорду, против которого, верстах в семи к юго-западу, стала развёртываться в боевой порядок пехотная английская колонна, должно быть, силою около дивизии, с несколькими батареями. В нескольких верстах впереди пехоты двигалась довольно редкая цепь едущей пехоты, за которой следовали сомкнутые поддержки силою около взвода или $\frac{1}{2}$ эскадрона. Вся пехота построена была в длинные линии цепей, следовавших друг за другом на расстоянии нескольких сот шагов.

Слыша отдельные выстрелы, раздавшиеся с холмов, окружающих город Брандфорд, я предположил, что там заняли позиции войска генерала **Деларея**, но, взойдя на эти холмы, я убедился, что они заняты всего несколькими десятками людей, собравшихся сюда случайно из различных лагерей и занятых перестрелкой со спешившимися людьми английской едущей пехоты. Против этих отдельных стрелков и развернулась в боевой порядок английская пехотная дивизия и вела это наступление, правда без выстрела, на расстоянии нескольких вёрст. Это происходило приблизительно между 12 и 1 часом дня. В это время к востоку можно было различить группы отступавших людей отряда генерала **Деларея**, который после непродолжительной артиллерийской перестрелки (у него было три скорострельных 7.1/2-сантиметровых орудия **Крезо** и одно орудие **Максима-Норденфельда**) отступил к реке Фет.

На линию этой реки войска генералов **Деларея** и **Смутса** подошли лишь поздно вечером, не будучи преследуемы про-

тивником.

21 апреля/4 мая соприкосновение с противником потеряно и не слышно ни единого выстрела.

Судя по моральному состоянию войск, сомнительно, чтобы английская армия встретила серьёзное сопротивление при своём движении к северу. Надеются, что вторжение английских войск в пределы Трансвааля снова даст нравственный толчок и подымет моральное состояние войск. Надеются также, что тогда начнётся настоящая партизанская война, но это более чем сомнительно.

В настоящее время силы союзников распределены следующим образом: в пределах Оранжевой Республики – около 8 тысяч; на реке Вааль, по обеим сторонам железной дороги из Кимберлея в Мафекинг, – около 5.1/2 тысяч; в Натале на Бигерсберг – около 6 тысяч; вокруг Мафекинга и вдоль северной границы – около 5 тысяч; на охране железнодорожных линий – около 2 тысяч. Всего около 26 тысяч человек.

Ныне предполагают перевести из Натала на южный театр около 3 тысяч человек. Трансваальское правительство, сознавая недостаточность этих сил для борьбы с численно возрастающим противником, решило призвать к оружию городских обывателей, то есть ремесленников, мелких торговцев, приказчиков¹²⁶ и т.п., из этих людей сколько-нибудь сносного войска не создать, к тому же они по большей части не умеют обращаться ни с лошадью, ни с ружьём.

Они предназначены для отправления в Наталь в надежде, что генерал **Буллер** будет продолжать бездействовать, а тамошние войска в таком случае переведут на южный театр.

На этих днях получено известие о взрыве, происшедшем в Йоханнесбурге на бывшей динамитной фабрике, которая с начала войны выделявала снаряды для орудий.

Вне сомнений, что это не есть несчастный случай, а дело рук англичан, проживающих в Йоханнесбурге. Доказательством сему служит то, что на том месте, где находился соседний частный дом, с начала войны никем не обитаемый, от взрыва образовалась яма в 12 футов глубины, тогда как на месте фабрики,

где по времени взрыва находилось всего около 600 фунтов пороха, образовалась яма всего в 2 фута глубины.

Самый взрыв произошёл в ту минуту, когда в городе зажгли электрические фонари.

Пока поиски виновников ни к каким результатам не привели и, по всему вероятно, не приведут.

Вследствие этого взрыва правительство по требованию рабочих, оставшихся в живых, и рабочих другой, уцелевшей фабрики снарядов, а равно по требованию служащих на железной дороге, выслало из Йоханнесбурга почти всех оставшихся английских подданных.

Этим взрывом англичане только дали лишнее оружие в руки тех, которые проповедуют необходимость взорвать золотые прииски перед приближением англичан¹²⁷.

Полковник **Стахович**, в свою очередь, сообщал в донесениях и о состоянии медицинской помощи в войсках Великобритании:

Главный склад медицинского имущества находится на базе в Кейптауне, передовые же склады, откуда войска и госпитали пополняют израсходованные ими припасы, имеются на всех промежуточных базах – в Де-Аар, Напорет, Блумфонтейне.

Общество Красного Креста собственных лечебных заведений не имеет; деятельность его (значительно менее широкая чем у нас) ограничивается снабжением войсковых врачебных заведений, в случае нужды, – личным составом (врачи, сёстры милосердия, фельдшеры) и имуществом.

Военное ведомство не могло ограничиться имевшимся в его распоряжении составом врачей; пришлось прибегнуть к частным гражданским врачам, приглашая желающих вступить в армию; недостатка откликнувшихся на призыв не отмечалось.

В заключение необходимо отметить, что до сего времени настоящая кампания дала весьма мало поучительного для

Английский врач перевязывает раненого британского солдата

правильного суждения о потребном количестве медицинских средств для армии при современных средствах поражения.

Объясняется это, мне кажется, двумя обстоятельствами:

1) англичане из боязни крупных потерь систематически избегали решительных действий; до сего времени не было ни одного крупного сражения; потери всегда были ничтожные, не более 5% сражавшихся, и 2) полной пассивностью действий буров, благодаря которой между сражениями бывали большие промежутки времени; англичане всегда знали заранее когда будет бой и могли к нему заблаговременно подготовиться; они не должны были быть в постоянной готовности одновременно принять большое количество раненых, что, конечно, значительно облегчало медицинскую службу. Только благодаря указанным обстоятельствам они могли делать отмеченное выше значительное сокращение санитарного обоза, величина которого, как мне кажется, не должна быть признана нормальной¹²⁸.

Архивные документы помимо всего прочего свидетельствуют о том, что существовала и своего рода обратная связь – боевые действия на Юге Африки изучались не только военной разведкой России и армейским руководством, но и довольно подробно рассматривались на офицерских собраниях армии и флота. Это неудивительно, ибо, как уже говорилось выше, англо-бурская война велась вооружёнными по последнему слову тогдашней техники боевыми соединениями и внесла немало нового в военную стратегию и тактику. В качестве примера можно привести следующий документ:

Программа сообщений офицерских собраний армии и флота 4 марта 1900 г.

1. Краткий физико-географический обзор театра военных действий в Южной Африке.
  2. Исторический обзор отношений буров и англичан.
  3. Положение сторон до начала войны; подготовка англичан.
  4. Абрис¹²⁹ военных действий до прибытия на театр военных действий генерала **Буллера**. Выводы.
  5. Абрис военных действий на театре военных действий до объединения власти в руках фельдмаршала лорда **Робертса**. Выводы.
  6. Действия обеих воюющих сторон до последних дней. Заключение.
- Сообщение иллюстрируется картами, схемами и картинами. Генерального штаба полковник **Артамонов**¹³⁰.

Приведём и мнение современника о тех событиях:

...Ввиду всё сильнее наступавшей для Англии беспомощности относительно набора рекрут в собственной стране, понятно было, что военное министерство обращало свои взоры и на

колонии... На желание же, изъявленное впоследствии английским правительством – открыть в колониях вербовочные конторы, – Австралия и Канада отвечали решительным отказом.

Всего успешнее происходили вербовки в самой Южной Африке. Особенно много являлось охотников из местностей, в которых жители были недовольны восстанием буров, мешавшем продолжать свои обычные занятия. Для содействия этому набору капштадтское правительство старалось освободить как можно больше белое население колоний и вербовало на полицейскую службу чернокожих. Эта последняя мера вредила однако же в нравственном отношении британскому господству в крае, так как здесь считалось, что последнее основывается на поддержке **кафров и готтентотов**.

Но кроме набора и содержания людей, другая наиболее тяжёлая забота военного министерства в Англии состояла в приобретении, перевозке и содержании лошадей для Южной Африки. Кроме набранных в метрополии, наибольшее их число куплено было в Австралии и Америке. В течение декабря 1900 г. января и февраля 1901 г. доставлено было на театр военных действий 30 000 лошадей. По официальным отчётам – с начала войны и до конца января 1901 г. – число всех доставленных туда лошадей значителен 111 232. К этому надо прибавить около 20 000 купленных в самой Африке. В числе упомянутых 111 232 лошадей из Англии было доставлено 39402 лошади, прочие 71 830 – из Австралии, Канады и Америки вообще. Наиболее выносливыми из них оказались африканские, потом английские и из них, ирландские, а наиболее слабыми – австрийские. Из всех же, числом свыше 130 000 лошадей, доставленных в войско до 31-го января 1901 г. годных к службе в этот день на театре военных действий оставалось от 28 000 до 30 000¹³¹.

Англо-бурская война являлась как бы переходной от войн XIX в. к боевым действиям XX в. Поэтому чисто военный интерес к её событиям был весьма значителен. Неудивительно, что в мае 1900 г. Воен-

но-учёный комитет Главного штаба направил двух военных наблюдателей – инженера-фортификатора капитана **Щеглова** и капитана сапёрного батальона **фон Зигерн-Корна** – в войска буров в качестве помощников военного агента **Ромейко-Гурко**, хотя первоначально намеревались послать лишь двух военных инженеров, – по одному к каждой из воюющих сторон:

(черновик) Главный штаб. Министерство военное. Главное инженерное управление, отделение 2, стол 2. 31 марта 1900 г. № 4963
Начальнику Главного штаба

Ввиду особенного интереса, который представляет специально в военно-инженерном отношении война Англии с южноафриканскими республиками, военный министр предполагает командировать в Южную Африку на театр военных действий двух военных инженеров в качестве помощников военных агентов, – полковника **Стаховича**, на стороне Англии, и подполковника **Гурко**, на стороне южно-африканских республик.

При этом военный министр изволил дать следующие указания.

Командируемых военных инженеров подчинить военным агентам во всём, за исключением дела, касающегося специальной их миссии.

На военных инженеров возлежит изучение всех технических сил и средств, применяемых воюющими сторонами при укреплении, обороне и атаке позиций, изучение характера, расположения и устройства укреплений в Ледисмите, Кимберлее, Мафекинге, Претории и в других пунктах, где можно ожидать особо деятельного развития действий по обороне или атаке, в особенности, однако, Претории. При этом командируемыми военными инженерами должно быть обращено особое внима-

ние на характер и способы пользования железными дорогами, находящимися на театре военных действий, на способы разрушения и восстановления этих дорог.

Если бы даже в случае скорого окончания войны военные инженеры опоздали прибыть к самим военным действиям, командирование их всё-таки может принести большую пользу, так как даст возможность под свежим впечатлением всего сделанного воюющими сторонами, изучить способы применения к военному делу новейших технических средств.

Командируемые военные инженеры должны строго держаться роли, возлагаемой на военных агентов, и ни словом, ни тем более делом, не принимать активного участия в действиях той или другой из воюющих сторон.

Денежное довольствие во время командировки военным инженерам должно быть назначено в том же размере, как и военным агентам.

Уведомляя о вышеизложенном Ваше Превосходительство, имею честь просить по приказанию военного министра, не отказать в испрошении по Главному штабу Высочайшего соизволения на означенное командирование двух военных инженеров, преподавателя по строительному искусству Николаевской Инженерной академии подполковника **Быковского** (не был послан из-за отказа англичан. – *Прим. авт.-сост.*) и репетитора по фортификации той же академии капитана **Щеглова** в

*Кафрские женщины во время
англо-бурской войны*

качестве помощников к находящимся на южноафриканском театре военных действий военным агентам, подполковнику **Стаховичу** и подполковнику **Гурко**, и в последующем не оставить меня своим уведомлением.

Главный начальник инженеров
генерал-лейтенант (неразборчиво)
Начальник отделения полковник (неразборчиво).
(Слева на этом документе имеется приписка:

Полагаю, что необходимо предварительно запросить Министерство иностранных дел. **Сахаров** 31/III (1900)¹³².

Казалось бы, что в связи с победами англичан и быстро приближавшемся окончательным захватом бурских республик войсками Великобритании, интерес к событиям на столь далеком театре военных действий должен был постепенно уменьшиться, однако этого не произошло:

Секретно. Военный министр,
по Главному штабу, 6 апреля 1900 г., № 89
Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьеву**
Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

Ввиду особого военно-инженерного интереса, представляемого современной войной Англии с Южно-Африканскими Республиками, я полагал бы полезным командировать на театр военных действий двоих военных инженеров в качестве помощников наших военных агентов, полковника **Стаховича** и подполковника **Гурко**.

Предварительно испрошения на сие Высочайшего соизволения, имею честь просить Ваше Сиятельство не отказать уведомить меня, не изволите ли Вы усмотреть каких-либо препятствий к сему с Вашей стороны.

Прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

А. Куропаткин¹³³.

Великобритания, как и следовало ожидать, не дала разрешения на поездку российского военного инженера в Южную Африку, а руководители Трансвааля не возражали; туда и были посланы два офицера – инженер-капитан **Щеглов** и капитан фон **Зигерн-Корн**:

Черновик.

Министерство иностранных дел, Второй департамент.

Куропаткину

27 апреля 1900 г. № 3731.

Милостивый Государь

Алексей Николаевич.

В дополнение к письму от 7 апреля № 3260 имею честь уведомить Ваше Превосходительство на основании телеграфного сообщения императорского посла в Лондоне, что Великобританское правительство, придерживаясь высказанного им уже ранее разрешения не допускать на театр военных действий в Южную Африку более одного военного агента от каждого государства, не находит возможным выразить согласие на командирование в качестве помощника полковника **Стаховича** инженерного офицера. Сделанные другими державами подобные ходатайства были равным образом отклонены¹³⁴.

Разумеется, позаботились и о загранпаспорте для капитана **Зигерн-Корна**:

Канцелярия ВУЧа, 13 мая 1900 г. № 25304.

В канцелярию Министерства иностранных дел.

Главный штаб просит не отказать заготовить и препроводить ему заграничный паспорт на имя капитана **Зигерн-Корна**, отправляющегося с Высочайшего соизволения в Южную Африку, в Трансвааль и Оранжевую Республику.

Генерал-лейтенант (неразборчиво)¹³⁵.

Военных инженеров тем временем без проволочек послали в Трансвааль:

За военного министра, по Главному штабу,
13 мая 1900 г. № 826.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

С Высочайшего соизволения на театр военных действий к войскам Южно-Африканских Республик для изучения технических сил и средств, применяемых воюющими сторонами при укреплении, обороне и атаке позиций, командируются: инженер-капитан **Щеглов** и 1-го сапёрного батальона капитан (**фон**) **Зигерн-Корн**.

О вышеизложенном имею честь сообщить для сведения Вашего Сиятельства.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности

В. Сахаров¹³⁶.

Любопытно и то, что даже официально командуя офицера на театр военных действий, Военно-учёный комитет предоставил ему длительный отпуск:

Канцелярия ВУЧа, 13 мая 1900 г.

С высочайшего соизволения, испрошенного по Главному инженерному управлению, 1-го сапёрного батальона капитан (**фон**)

Зигерн-Корн уволен в 11-месячный отпуск для отправления в командировку на театр военных действий в Южную Африку.

Военный министр изволил приказать выдать названному офицеру на проезд в оба конца одну тысячу пятьсот рублей и в дополнение к полученному им штатному содержанию добавил по четыреста рублей в месяц, ассигнуя всё довольствие за шесть месяцев вперёд.

Сообщая об изложенном, Главный штаб просит распоряжения об ассигновании ... упомянутым путём и добавочных всего в размере трёх тысяч девятисот рублей.

Генерал-лейтенант (неразборчиво)¹³⁷.

Причина такого интереса к военно-инженерной стороне дела крылась в том, что война, а затем и партизанские действия, велись как на равнине, так и в горных условиях.

При отправлении военных инженеров попутно решались и чисто технические вопросы доставки денежного довольствия подполковнику **Ромейко-Гурко**:

Канцелярия ВУЧа, 2 мая 1900 г.

В Главное интендантское управление

Ввиду продолжения командировки подполковника **Гурко** и представляющейся ныне возможности переслать следующее ему с 1 июня содержание через инженерного капитана **Щеглова**, командируемого в Южную Африку в качестве его помощника, Главный штаб просит Главное интендантское управление безотлагательно ассигновать вексель на Лондон на имя подполковника **Гурко**...

Вексель будет вручен Главным штабом под расписку капитану **Щеглову**.

Управляющий делами

генерал-лейтенант (**Соллогуб**)¹³⁸.

Кроме офицеров **фон Зигерн-Корна** и **Щеглова** на Юг Африки, к англичанам, несмотря на их первоначальный отказ принять второго российского военного агента, в марте 1900 г. был отправлен ещё один офицер – подполковник кавалерии **Н.М. Иолшин**¹³⁹. При этом посылаемых в далёкие края военных инженеров формально отпускали в долгосрочный отпуск, что ярко видно из прошения капитана 1-го сапёрного батальона **М.А. Зигерн-Корна** о командировании его в Южную Африку:

5 мая 1900 г.

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь
Император

Николай Александрович Самодержец Всероссийский,
Государь Всемиловитивейший

Просит 1-го Сапёрного батальона капитан

Михаил Антонович Зигерн-Корн

о нижеследующем:

Имея желание ознакомиться с применением полевого военно-инженерного искусства в войсках буров прошу:

К сему:

Дабы повелено было уволить меня в отпуск, без сохранения содержания, во все города Российской империи и за границу в Южную Африку, впредь на одиннадцать месяцев.

Город Боровичи Новгородской губернии 5 мая 1900 г.

К поданию подлежит по команде.

Сие прошение со слов просителя писал ефрейтор **Василий Никитин**.

Прошению 1-го Сапёрного батальона капитан **Михаил Антонович Зигерн-Корн** руку приложил¹⁴⁰.

Любопытен и следующий документ:

Условия командировки капитана **Зигерн-Корна** в Южную Африку.

Главное инженерное управление – начальнику Главного штаба (без даты, без подписи).

Основания командировки.

1. Надо просить 11-месячный отпуск.
2. Будет испрошено (?) зачёт этого отпуска за командировку.
3. Выдача на проезд в два пути 1500 рублей. Выдача в месяц, в дополнение к получаемому содержанию, по 400 рублей. Выдача всего этого довольствия за 6 месяцев вперёд.

4. Продолжительность командировки: всё время военных действий. Если война кончится, то надо пробыть на театре войны всего не менее четырёх месяцев.

5. Основное условие: командировка должна иметь строго лишь военно-научное значение. Никакого вмешательства в действия сторон не должно быть допускаемо.

6. Во время этой командировки находиться при войсках буров, но если представится возможность и будет дано разрешение, то не запрещается переезд для осмотра и изучения и английских позиций. В случае осады Претории или другого пункта находиться при осаждённых войсках¹⁴¹.

Власти, разумеется, не скупились на командировочные расходы на столь далекую поездку. В этом смысле показательна резолюция военного министра **А.Н. Куропаткина** на упомянутое выше представление Главного инженерного управления о командировке капитана **Зигерн-Корна** от 9 мая 1900 г.:

Государь Император повелеть изволил:

Считать капитану **Зигерн-Корну** отпуск за командировку и выдать из запасного кредита 1500 рублей на поездку и по 400 рублей ежемесячно на всё время отпуска, кроме всего получаемого содержания.

9 мая 1900 г. Генерал-лейтенант **Куропаткин**¹⁴².

Об отправлении туда дополнительных военных агентов властей Трансвааля предупредили заранее:

Черновик Куропаткину 17 мая 1900 г. № 4414
Милостивый Государь
Алексей Николаевич,

Ссылаясь на письмо от 13 сего мая № 826, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я просил консула в Претории предупредить Трансваальское правительство о командировке в армию буров инженера-капитана **Щеглова** и 1-го сапёрного батальона капитана (**фон**) **Зигерн-Корна**.

Примите¹⁴³ и пр..

Посланные военные инженеры **Щеглов** и **фон Зигерн-Корн** на месте командировки должны были подчиняться непосредственно **Ромейко-Гурко** (до его отъезда на родину).

Любопытно, что донесения военных агентов **Стаховича**, **Потапова**, **Ромейко-Гурко**, **Миллера** и **Ермолова** были опубликованы ещё во время англо-бурской войны:

23 мая 1900 г. Канцелярия ВУЧа сообщает, что все донесения военных агентов о военных действиях в Южной Африке разрешено печатать не секретным порядком.

Делопроизводитель
подполковник (неразборчиво)¹⁴⁴.

Приведём и сопроводительную бумагу к донесению **Ромейко-Гурко**

Его Величество изволил читать 22 июня 1900 г.
Всеподданнейше представляю при сём Вашему Импера-

торскому Величеству донесение военного агента при войсках Южно-Африканских Республик, Генерального штаба подполковника **Гурко** из Бальморала от 11/24 июня сего года за № 14.

Некоторые донесения терялись (или похищались?) по дороге, или приходили нерегулярно, иногда следующие ранее предыдущих:

Его Величество изволил читать 3 июля 1900 г.

...Донесение подполковника **Гурко** за № 11 в Главном штабе получено не было; донесение же за № 10 было помечено из Брандфорта от 19 апреля/2 мая и было представлено Вашему Императорскому Величеству 6 июня (1900 г.)

Донесения за № 12 и 13, полученные 17 июля, при сём представляются.

Генерал-лейтенант **Куропаткин**¹⁴⁶.

О прибытии помощников русских военных атташе в Трансвааль сообщалось:

Его Величество изволил читать 25 сентября 1900 г.

При сём представляется Вашему Императорскому Величеству донесение командированного на театр военных действий Генерального штаба полковника (так в тексте) **Гурко** из Машадодорпа, от 13 июля № 15.

В этом донесении полковник **Гурко**, сообщая о прибытии в Машадодорп командированных в Южную Африку инженер-капитана **Щеглова** и капитана **Зигерн-Корна**, выясняет вопрос о положении сапёрного инженерного дела в войсках союзных республик; из описания этого можно придти к заключению, что успешное выполнение возложенного на обоих обер-офицеров¹⁴⁷ поручения представляется в настоящее время, по ходу военных событий, затруднительным. Посему полагалось бы дать им указания в том смысле, чтобы они воспользовались своим пребыванием в Южной Африке для осмотра городов,

подвергавшихся осаде в течение кампании, а также после сражений, насколько это будет возможно сделать в зависимости от разрешения английских властей.

Для сообщения упомянутым офицерам дальнейших указаний будут приняты возможные меры.

Генерал-лейтенант **Куропаткин**

4 (?) сентября 1900 г.¹⁴⁸.

Как уже говорилось, несколько официальных иностранных военных атташе (агентов) приехали в Трансвааль. Даже президент Южно-Африканской Республики **Крюгер** не без гордости заметил по этому поводу:

Присутствие при нашем войске военных агентов многих держав доказывает нам интерес этих правительств к особенностям нашего военного устройства и способам ведения войны. Почти весь мир сочувствует нам в этой борьбе за свободу и справедливость¹⁴⁹.

Кроме Франции, Голландии, России, Швеции, Турции и США, другие страны не прислали своих официальных военных представителей к бурам, опасаясь последующего сильного недовольствия Великобритании. Приведём¹⁵⁰ и весьма любопытные данные из малоизвестного отчёта подполковника фон **Зигерн-Корна** о его командировке в Трансвааль:

Краткий исторический очерк Южно-Африканских Республик. Моя встреча с первым буром. Лоренсо-Маркеш. Английское шпионство. Отношение португальцев к вонто́рам, едущим в Трансвааль, и к бурам.

С прибытием в Трансвааль я задался целью не ограничиваться чисто эпизодической стороной военных действий, а обратить вместе с тем внимание на всестороннее изучение как бытовых, так и индивидуальных качеств буров и принести, таким образом,

посильную помощь к выяснению волнующей всех загадки: в чём же, наконец, выражается сила бурского народа?

Для полноты характеристики буров нелишним будет, прежде всего, напомнить в кратких чертах историю возникновения обеих Южно-Африканских Республик. Она хотя и не особенно велика, но зато полна самых тяжёлых испытаний и непрерывной, кровавой борьбы, закалившей тело и душу этого народа.

Первое появление голландцев в Южной Африке относится к XVI столетию (1595 год), а первое более или менее благоустроенное поселение, Капская колония, было основано 50 лет спустя (1650 год) (1652 год).

В конце XVIII столетия народонаселение колонии сильно возросло вследствие массовой эмиграции французских гугенотов, покинувших своё отечество после уничтожения Нантского Эдикта в 1685 г. Борьба с суровой природой, дикими зверями и чернокожими племенами, а также и патриархальный образ жизни колонистов сильно способствовали слиянию голландской и французской национальностей. Голландский элемент одержал верх и в настоящее время от французов остались лишь французские фамилии, – **Жубер, Да-Ля-Рей (Деларей), Де-Вет (Девет), Блинью, Бордые** и т.п.

Просуществовав спокойно почти триста лет под управлением голландских губернаторов, Капская колония по заключении мира в Париже в 1815 г. была уступлена англичанам за 6 миллионов фунтов стерлингов.

С тех пор начинается непрерывная борьба коренного голландского населения с новыми хозяевами-англичанами с одной стороны, и с воинственными племенами **кафров**, с другой. Стремясь к независимости и свободе, буры совершают ряд переселений в Драконовы горы, за реку Оранжевую и за реку Вааль. Побеждая суровую природу, воинственные племена чернокожих, преследуемые всюду агрессивными стремлениями англичан, буры образуют, наконец, два бедных полунезависимых государства: Оранжевую Республику и Южно-Африканскую Республику, или Трансвааль.

В 1881 г. вновь вспыхнула война и 27 февраля при Маюбе англичане потерпели поражение, что весьма сильно подняло патриотические чувства буров и стремление их к независимости. Трансвааль был провозглашён республикой и годовщина Маюбы стала национальным праздником в Трансваале. Кроме этого, ежегодно празднуется и считается государственным торжеством день блестящей победы 480 буров под начальством **Андрея Преториуса** над 12-ю тысячами **зулусов** под предводительством **Дингаана** (16 декабря 1838 г.)

В честь этой победы поставлен памятник у города Бельфаста (Белфаста).

Вследствие благоприятного для буров течения в Англии, во главе которого стоял **Гладстон**, войска были отозваны; казалось, настал давно желанный покой.

Между тем, в 1885 (1886) г. произошло событие громадой социальной важности: в Трансваале, в нескольких местах, были открыты богатейшие золотые россыпи. Событие это сразу изменило всю внутреннюю и политическую жизнь бурского народа. Золото привлекло в Трансвааль со всех концов мира толпу промышленников, искателей счастья и лёгкой наживы, не отличавшихся особою щепетильностью относительно средств к достижению своих целей.

Вслед за капиталистами вторглась в страну, привлекаемая золотой горячкой, та беспардонная гольтьба, благодаря которой все золотоносные страны становились в короткое время гнездом деморализации, грабежей, убийств, разврата и вечных смут.

Где так недавно, 15 лет тому назад, буры пасли свои стада, гоняли их на водопой, целые дни проводили на охоте в горах, а жёны их на закате солнца одни сидели на крылечке своих убогих домов и дожидались возвращения охотников, чтобы скромной трапезой и совместной молитвой закончить божий день и мирно разойтись на покой, – там теперь появились целые горы рудниковых отбросов, вырос целый лес фабричных труб, поселились десятки, сотни тысяч рабочих, раскинулись целые города.

Как же отнеслись буры к этим непрошеным пришельцам, внесшим в мирную тихую пастушескую жизнь заботы кипучей деятельности и в первобытную простоту – все плоды европейской цивилизации?

Честный консервативный бур, бур-пастух, бур-охотник не мог оказать жестокого сопротивления этому стремительному и зловещему потоку, грозившему в короткое время залить весь бурский народ, лишить его свободы, простора, независимости и разрушить его спокойную семейную жизнь, его патриархальный, библейский образ жизни.

Возгорелась глухая борьба между уитландерами, большинство которых были англичане, и бурами. Капитализм не удовольствовался своими естественными функциями, – он пытался приобрести политическое влияние, подчинить себе все другие силы страны. Тучи всё сгущались, – гроза была неизбежна. Рабочий (разбойничий) «набег Джемсона» на Йоханнесбург в 1896 г. заставил буров готовиться к отражению серьёзного вооружённого вмешательства англичан. Ввиду этого в 1897 (1896) г. был заключён оборонительный союз Трансвааля и Оранжевой Республики.

Обострение отношений назрело. Англия сочла долгом заступиться за притесняемых пионеров цивилизации – ойтландеров, и возбудила вопрос о даровании им полных избирательных прав. Переговоры не привели ни к какому соглашению и 11 октября 1899 года произошёл разрыв. Истинной причиной его была, конечно, давнишняя непримиримая вражда между англичанами и бурами; вопрос же об избирательных правах явился лишь внешним поводом.

Возгоралась война между могущественнейшей империей и африканскими республиками, всё народонаселение которых, вместе взятое, не заполнило бы и одного лондонского квартала.

Сочувствие к горсти мужественных людей, отстаивающих самое дорогое для них достояние, могучей волной захватило всё европейское общество. Общество это с лихорадочным интересом следило и следит за всеми перипетиями войны. Явление вполне естественное.

Сочувствие большинства в неравной борьбе сопровождается всегда борца слабейшего, но воодушевлённого благородной идеей.

С общечеловеческой точки зрения борцы эти действительно не равны. Это борьба колосса с пигмеем. А со специальной военной точки зрения?

Красноречивый ответ на этот вопрос дают результаты военных операций за два года войны. Такая продолжительность борьбы свидетельствует о равенстве борющихся противников.

Возможно ли, однако, говорить о равенстве при соотношении сил: один против десятерых?

Да, в самом деле, если боевая сила армии состоит из двух элементов: материального и нравственного, то война эта представляет отчётливую картину борьбы материального элемента с нравственным, количества с качеством. На стороне англичан огромное изобилие материальных и технических средств и 200 000 солдат, у буров же – сравнительное материальное убожество и в среднем 15 000 – 20 000 фермеров.

Если на войне успех выпадает на долю более сильного противника, то сама продолжительность борьбы не есть ли уже громадный успех со стороны буров?

В этом отношении англо-бурская война для нас, военных, представляет выдающийся по своей поучительности интерес: тем более в настоящее время, вследствие особых, может быть, социальных условий переживаемых народами, в европейских армиях явилось лихорадочное увлечение количеством, увлечение, неизбежно сопровождаемое упадком нравственного элемента, упадком качества. Между тем, история говорит, что только нравственная сила создавала истинно великие моменты как в политической, так и в военной жизни народов.

Я был крайне удивлён, когда услышал глубокое, фанатичное убеждение в правильности только что высказанного мною принципа из уст одного штатского человека. Этим штатским человеком был первый бур, с которым мне довелось встретиться на пути в Трансвааль. Это был бывший секретарь генерала **Луи Бота**, некто **Зандберг**.

Он ехал в Европу лечиться. Встреча наша произошла в Бейре 20 июля нового стиля (1900 г.).

Чтобы признать за ним некоторую авторитетность в области специально военных соображений, надо принять во внимание, что секретарь любого бурского генерала – это его начальник штаба, в полном смысле этого слова, его правая рука, даже более того, двойник генерала, если можно так выразиться. Насколько бурский генерал зачастую не образован и даже малограмотен, настолько секретарь его обязательно человек хорошо образованный, интеллигентный. Он его всюду сопровождает. Это его ближайший помощник в бою и на биваке, его советник, исполнитель его поручений. На нём лежит вся письменная часть, все хозяйственные работы.

Зандберг 10 месяцев неотступно сопровождал генерала **Бота** всюду. Удостоившись выбора в секретари, он не мог не быть природным буром, буром до мозга костей. Прежде всего, он произвёл на меня впечатление восторженного патриота, фанатически ненавидящего англичан, любителя вообще боевой и походной жизни как спорта, – это типичные черты всякого бура. Не удивительно, что он, как и все буры, знал прекрасно свою страну, был отлично осведомлён о положении дел.

Для беседы в нашем распоряжении было не особенно много времени, да, кроме того, были с нами и посторонние лица, не дававшие мне возможности завладеть столь ценным для меня источником сведений. Узнав, что имеет дело с русским офицером, несмотря на врождённую недоверчивость и скрытность бура, он весьма охотно отвечал на все мои вопросы.

Вот вкратце суть того, что я услышал. Я приведу его слова.

В Претории около 80 000 англичан. Преторию мы отдали, потому что хотели извлечь все выгоды из нашей подвижности, которою мы с успехом возмещаем нашу малочисленность. По этой же причине мы вообще уклоняемся от неблагоприятной роли осаждённых. (Вот идея активной обороны.)

Хотя мы в Претории и оставили большие частные запасы продовольствия, но всё это уже съедено англичанами. Мясо

есть, но хлеба мало, а мармеладу и того меньше. (Тут **Зандберг** намекнул на тот факт, когда пленные англичане потребовали мармеладу (варенья), чтобы не изменять своих привычек.)

С севера и востока от Претории войска генерала **Бота** – около 500 человек. С севера от Претории наши командиры стерегут долину Бушфельда, вечнозелёное пастбище, где зимой пасутся наши стада и куда мы теперь отправляем на поправку истощённых лошадей.

С востока от Претории **Бота** прикрывает железную дорогу, правительство и нашего маститого президента, который в настоящее время живёт в Ватерфаль-Ондере.

Штаб **Бота** в Бальморале, а передовые посты наши в Брангхорсте.

У Линдлея – наш **Девет**, – 300 человек приблизительно. Стерегут железную дорогу из Наталя.

Я высказал затем моё удивление, что против 200 000 англичан несколько маловато 10 000 буров, и почему так мало?

Он несколько не смущаясь, ответил:

– Нас мало, да, но вполне достаточно. Не все под ружьём, потому что бур не любит далеко уходить от своей фермы. Пока англичане его не заставят покинуть родное пепелище, он время от времени едет домой на побывку, к семье.

Вообще говоря, нас достаточно. Если бы английское войско сражалось так же, как и мы, то, конечно, мы бы и не стали воевать, а прямо ушли бы на север, в африканские дебри. Не впервые! Но это, к счастью, не так. Поверьте, бур никогда не действует опрометчиво. Он не стал бы сражаться, если бы не был уверен в возможности борьбы. Я не снимал винтовки с плеча с самого начала войны, мне знакома хорошо вся подноготная дела, и я ничуть не сомневаюсь, так же, как не сомневается никто из нас в неминущей гибели англичан!

Как бы в подтверждении его слов тут же на рейде безмолвно и угрюмо стоял на якоре огромный чёрный английский транспорт, наполненный больными лихорадкой английскими солдатами и тощими, как скелеты, лошадьми. Всё это были бренные остатки того злополучного отряда, который должен

был вторгнуться в Трансвааль через Бейру. Почти все люди заболели малярией и по частям эвакуировались в капские лазареты. На наш пароход было посажено 80 больных солдат для перевозки их в Дурбан. Вид их был ужасен. Это, положительно, были живые скелеты! Полудохлых лошадей было около 150 штук; их продавали по 6 шиллингов за штуку. Экспедиция, на которую англичане возлагали блестящие надежды, таким образом, не состоялась.

Через 3 дня наш пароход стал на якорь в бухте Делагоа.

Я был предупреждён как **Зандбергом**, так и капитаном парохода, человеком бывалым и весьма симпатично ко мне относившимся, чтоб я был крайне осторожен на берегу. Город Лоренсу-Маркеш кишмя кишит английскими шпионами. Их обязанность не только выведать всё от вновь прибывших, кто они, зачем прибыли, но и всеми средствами препятствовать въезду волонтёров в Трансвааль.

Капитан парохода господин **Дахер** даже настолько был предупредителен, что лично сам проводил меня в Трансваальское консульство и сдал меня, так сказать, с рук на руки. Трансваальский консул **Потт**, он же и голландский, оказал мне полное содействие в устранении всех препятствий для дальнейшего моего следования.

Дело в том, что португальские власти под давлением британского консула обставили большими затруднениями переезд через португальскую границу в Трансвааль. Хотя я и был снабжён солидными документами, но благодаря более чем пассивному отношению к русским нашего вице-консула **Мак-Авойв**, вряд ли удалось бы мне побывать в Трансваале, если бы не энергичное вмешательство консула **Потта**.

Так, от меня потребовал наш же вице-консул, прежде всего, подписку в том, что я еду не с целью сражаться в рядах буров. Без этой подписки невозможно получить паспорт от губернатора. Подобные подписки принуждены были давать все волонтёры, а они их давали. Считая предъявленные мною документы достаточно солидными и вполне выясняющими цель моей поездки, я от выдачи подписки наотрез отказался.

Затем, опять-таки для получения паспорта, мне надлежало представить из муниципалитета свидетельство о благонадёжном поведении (!?). К счастью, это возмутительное и бессмысленное требование мне не пришлось исполнить. Затруднения были даже в мелочах. Так, например, ни один банк в городе, по требованию опять-таки британского консула, не брал денег на хранение от лиц, едущих в Трансвааль, и даже отказывал в размене 5-ти фунтового билета на мелочь.

Все эти возмутительные формальности были устранены секретарём трансваальского консульства, которому меня поручил **Потт** и который орудовал его именем.

Секретарь меня уверял, что все эти затруднения одна только формалистика. На самом же деле португальцы втайне искренне сочувствуют бурам и секретным образом оказывают им много существенных услуг, но действовать открыто они боятся.

Все происки английских шпионов своевременно известны консулу **Потту**.

– Нам всё известно, – говорит секретарь, – что затевают англичане. Мы, само собою понятно, знаем хорошо и в лицо всех английских шпионов; между ними много русских евреев.

За каждый вред и ущерб, причинённый нам, они получают солидные премии. Так здесь, в Лоренсу-Маркеш, образовалась целая компания и взяла подряд на порчу мостов на нашей единственной железной дороге. За каждый разрушенный мост выдаётся премия в 5000 фунтов стерлингов. Один из мостов был недавно разрушен недалеко от португальской границы, у селения Маляляне (13 июня).

В распоряжении английского шпионства в Лоренсу-Маркеш имеются большие денежные средства и целая армия искуснейших агентов. Против намеченной жертвы пускаются в дело такие могучие средства, как женщины, деньги, вино, карты... если всё это не помогает, то соответствующие агенты совершают и насилие, затевают скандал, драку, или попросту ночью из-за угла пришибают камнем. Подобные случаи бывали нередко.

Счастливо преодолев все видимые и невидимые препятствия, я прибыл, наконец, благополучно в Машадодорп 26

июля нового стиля в 8 часов утра. С этого дня начались мои непосредственные наблюдения. К сожалению, по не зависящим от меня обстоятельствам, они ограничиваются весьма кратким периодом военных действий: операциями в восточной части Трансвааля после взятия Претории англичанами до перехода португальской границы отрядом генерала **Пинара**.

Период этот имеет, однако, большое значение в развитии англо-бурской войны. В это время произошли события перво-степенной важности: присоединение Трансвааля англичанами, отъезд президента **Крюгера** в Европу и занятие англичанами последней питательной артерии буров, – железной дороги в Лоренсу-Маркеш. С потерей её обе Южно-Африканские Республики оказались окончательно отрезанными от моря и лишёнными всякого подвоза извне. Непосредственным последствием этих событий было то, что во-первых, генерал **Бота** приобрёл свободу действий, которой он досель не пользовался, прикрывая коммуникационную линию – железную дорогу и подвижную на ней столицу с президентом **Крюгером**; во-вторых, все бурские отряды окончательно перешли к чисто партизанскому образу действий¹⁵¹.

Закончив в конце концов все долгие формальности в Лоренсу-Маркеше капитан **фон Зигерн-Корн** с 26 июля 1900 г. начал производить свои непосредственные наблюдения:

Машададорп – ничтожный городишко, состоящий из станционных зданий, отеля и десятка жестяных домиков. Всё его значение, экономическое и стратегическое, состояло лишь в том, что от него отделялся единственный удобный тракт на Лейденбург.

В то время он был весьма многолюден и представлял огромный бивак. Сотни палаток, шалашей, громадных фермерских фургонов раскинуто было в живописном беспорядке на городской площади и вокруг города. Тут же бродили и отдыхали стада быков, лошадей, мулов. Всюду сновали группы вооружён-

ных пеших и конных буров. Всюду группы мужчин, женщин, детей, толпящихся у своих костров. Поминутно появлялись со стороны Мидльбурга бурские фургоны, запряжённые 7–10 парами волов, нагруженные семьями и домашним скарбом, в сопровождении десятка вооружённых буров. Другие такие же обозы медленно вытягивались по дороге на Лейденбург, или направлялись прямо на восток вдоль железнодорожного полотна. Весь этот громадный бивак был всё время в движении, как муравейник. Казалось, что совершается грандиозное переселение народа, и Машадодорп играет роль этапного пункта для отдыха и ночлега. Так оно и было на самом деле.

Такая толчея продолжалась с месяц. На железной дороге царило не меньшее оживление. Многие буры с семьями прибывали в поездах, многие и уезжали дальше в Барбертон, в Лоренсу-Маркеш. Все были озабочены одной мыслью, – заручиться вагоном и поскорее укатить подальше от англичан.

Вагоны брались положительно с бою. Никто и не заботился о билетах, о разрешении на проезд. Железнодорожная администрация не была в состоянии установить хоть какой-нибудь порядок. Она была озабочена главным образом тем, чтобы спасти многочисленный подвижной состав и утнать его в Нельспруйт и Коматипорт. Всюду суматоха и беспорядок. Ящики и тюки, предназначенные для комиссариата, выкидывались из вагонов без всякого спроса тут же, около рельсов, посторонними лицами, желающими воспользоваться вагонами! Тут же валялись неубранными целые недели трупы павших лошадей и мулов; некогда и некому было этим заниматься!

Меня поразил не беспорядок, не поспешность, с которой всё бежало, меня поразило то большое количество буров с винтовками за плечами, которые бежали от неприятеля вместе с женщинами и детьми. Я был в недоумении. Неужели все они так пассивно относятся к общему святому делу спасения отечества? Неужели никто не имеет права в это вмешаться, остановить, надоумить, вернуть их в бой?

То светлое представление о бурах, то уважение к ним, которое так крепко во мне засело под влиянием прессы и моего

короткого разговора с **Зандбергом**, стало омрачаться. Мне невольно вспомнились слова одной всем известной в Трансваале военной корреспондентки, с которой я ехал из Лоренсу-Маркеша в одном купе, некто мадам **Buitenbach**. Эта пожилая уже дама, голландка, родом из голландской Индии, удивительно подвижная, энергичная и смелая. Она участвовала чуть ли не во всех крупных сражениях. При всей своей горячей преданности бурскому делу, непримиримой ненависти к англичанам, она была страшно озлоблена на уклонявшихся от боя буров и смело, не стесняясь, при каждой встрече с ними, резко выражала им своё глубокое презрение.

Разговаривая со мной в присутствии целого вагона и указывая пальцем на буров, толпившихся на одной из станций, она разразилась такой горячей филиппикой¹⁵² против них:

– Смотрите! Они утрюмы! Они не смеют мне ничего возразить! Они знают, сознают с угрызениями совести и с болью в сердце своё малодушие, свою продажность, свой холодный эгоизм, отсутствие патриотизма!..

Они с трепетом ожидают конца всей этой трагической эпопеи и в душе не верят в благополучное разрешение затеянного ими дела. Они не в силах ничего сделать...

Буры – трусы, эгоисты, и не слушаются своих начальников!

Смотрите, сколько их тут толпится вдали от боя. Их место не здесь! Не смотрите на них – это позор, зараза!

Если хотите увидеть достойного уважения бура, – поезжайте на фронт. Там только, не здесь, вы их увидите! Их немного... Из каждой тысячи осталось по сотне таких. Они несут всё тяжкое бремя борьбы на своих плечах...

Во мне боролись два разнородных чувства. С одной стороны – идеальное представление, правда чисто отвлечённое, которое я себе составил, и не я один, вероятно, о бурах по газетам и многочисленным брошюрам, с другой стороны – сомнение, не мистификация ли всё то, что я читал и слышал... Невольно зарождалось во мне горькое разочарование. Обидно мне было за буров..

Непонятно мне было также, каким образом 200-тысячная (британская) армия может быть настолько немошной, что в

продолжение 10-ти месяцев не в силах одолеть малочисленный и заурядный народ, у которого отсутствует чувство порядочности, порядка, нет удовлетворительной организации, в котором преобладает элемент, неспособный возвыситься до единения, до готовности пожертвовать своим личным благополучием во имя независимости и свободы!

Я стремился поскорей уехать на фронт, чтобы там, среди той сотни порядочных буров, мужественных борцов, не покидающих подло своих мест в бою, среди лучших сынов своего отечества отдохнуть душой и рассеять мои сомнения.

Что действительно в народном организме появились некоторые признаки отравления ядом малодушия и деморализации, более красноречивым подтверждением этого могут служить два документа, дословный перевод которых я приведу.

Циркулярная депеша

Машададорп, 24 июля 1900 г.

Главнокомандующему, его помощнику и офицерам.

От президента республики.

Из известий, получаемых мною от вас и из других источников, я вижу, что дух неверия носится, подобно рыкающему льву, вокруг наших людей и склоняет их к малодушию.

Братия, вы хорошо понимаете, что если вы упускаете проходящего мимо вас врага и начинаете сомневаться в том, хватать ли его, то этим вы вселяете слабость и неверие в души тех, которые стоят позади вас, разбросанные по всей стране; между тем, если вы исполняете ваш долг и, положившись на Бога, мужественно смотрите вперёд и назад и, благодаря этому, ловите врага, то тем самым вы придаете бодрости тем, которые пребывают в городах республики, и вызываете у них готовность помогать нам бороться и, как бы нас ни было мало, подготавливаете победу; ибо победа не на стороне более сильного, а в руке Божией, а Господь даёт её тем, кто сражается во имя Его, как бы нас мало ни было. Вспомните это слово Божье: «Когда Он оставляет этот народ, Он делает их меч тупым и не благослов-

ляет его». Мы убеждены, что наш меч не притуплен Господом, а напротив, чудесным образом благословлен на борьбу с врагом, потому что враг осыпает нас тысячами ядер, мы же стреляем в него мало, и наши немногие выстрелы попадают в него гораздо больше, чем его выстрелы в нас.

Неверие, распространяющееся по свету, вызывает в нас сомнение и мы грешим против Господа, осмеливаясь сомневаться в том, что всё находится в Его власти, и для вас всё ещё не стало ясным то, что я сказал в моём предыдущем послании, а именно, что мы живём в такое время, когда люди испытуются верой; ибо сказано Господом и говорят апостолы Павел и Тимофей: «Не будьте малодушны, как отпавшие, ибо наступит час отпадения»; – и сам Господь в Евангелии от Матвея (24) предсказывает, что «Наступят войны и разнесутся слухи о войнах, но не страшитесь и сохраните верность, так как эти события должны совершиться». Читайте апостола Петра (1-е послание, глава 5, статьи 7 и 8). В статье 7 сказано: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печётся о вас»; и в статье 8 сказано: «Бодрствуйте и остерегайтесь злого духа света, так как он захочет вовлечь вас в неверие, подобно рыкающему льву разорвать»; ибо посмотрите в Евангелии от Матвея, как злой дух вознёс Господа Иисуса Христа на высокую гору и сказал ему: «Я отдам Тебе всю вселенную со всем её великолепием, но поклонись мне за то». Тогда Иисус ответил ему: «Уйди, сатана, мы одного Господа нашего должны почитать, Ему одному поклоняться».

Братья, поймите, что ведётся справедливый спор за обладание короной, не могут же получить корону ведущие неправильную тяжбу, потому что соединяются со злым духом света, который со своей огромной силой носится над землею и ставит клейма на челе тех, что так дурно поступают, и придётся им вместе с этим чудовищем испить чашу гнева Божия.

Читайте Откровение (14 глава, стих 9, 10, 12 и 13). С нарочитым вниманием читайте стих 12, где сказано: «Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса».

Нет, нет, братья, вы, почти отпавшие, торопитесь прибегнуть к защите Господа и тщитесь сохранить Ему верность, внушайте своими свидетельствующими об этой верности поступками веру тысячам других лиц, чтобы они боролись за свободу, которую дарует нам Господь.

Те же, которые говорят, что они верят в свободу, даруемую Иисусом Христом, они – заодно со злым духом; ибо это у них мёртвая вера, – так как сказал Господь: «Проявляйте любовь вашу в делах»; и помните, что сказано Господом в псалме 108; в этом псалме Господь говорит, что те, которые воюют во имя Его, должны поступать умно, и Господь освободит их и сокрушит их врагов. Поэтому, будьте терпеливы; вы – богобоязненное стадо, в слабости Вашей Господь проявит мощь Свою.

Кроме того, хочу я указать вам, что говорится в истории американской войны за независимость. Их тоже было мало, а воевать им приходилось против сотен и тысяч; и хотя число их потом уменьшилось ещё больше, дошло до 2000, всё-таки они же победили, вернул им Господь свободу.

Ведь вы все согласны со мной, что война эта несправедлива и безбожна, что мы готовы были почти всё отдать, лишь бы сохранить только нашу свободу и независимость.

Смотрите псалом 83, где злой дух света сказал, что справедливый боец, а именно Израиль, не устоит, а Господь сказал: «Он устоит»; и смотрите на это послание, которое мы адресовали лорду **Солсбери**, где мы говорили, что хотим сохранить только нашу независимость; он ответил подобным же образом: «Этот народ не должен устоять», или скажем его собственными словами: «Я никогда не допущу, чтобы ваш народ мог существовать в качестве самостоятельного народа».

Дорогие братья, основываясь на словах Господа, я высказываю уверенность, что победа будет на нашей стороне, но будем верны и станем воевать во имя Господа и Его заповедей. И надеюсь я, что офицеры не один раз, а несколько, прочтут это послание бюргерам.

Нет, вероятно, нигде на свете народа более набожного и

богобоязненного, как буры. Нет дня, чтобы бур не провёл некоторое время за Библией. Это его настольная книга, нравственный кодекс для него как семьянина, гражданина и солдата. Проповедники, люди изучившие Библию вдоль и поперёк и умеющие ею пользоваться, имеют громадное влияние на своих слушателей. Бур нельзя ничем так скоро убедить, как подходящей цитатой из Священного Писания.

Крюгер, старейший и популярнейший из всех природных буров, обладает в высшей степени этим даром – убеждать своих сограждан. Его житейская и политическая опытность подсказала ему, что в данное время дело требует усиленного нравственного воздействия и он заговорил понятным и убедительным для бура языком.

Второй документ, тоже послание, но от другого лица, хотя и не имеет такого преобладающего теологического характера, бичует, тем не менее, с большой силой, энергией и сарказмом самые низменные, антипатриотические инстинкты, проявившиеся у многих буров в эту тяжкую для отечества годину. Вот перевод этого документа.

Боксбургская Командо.

3 августа 1900 г.

Людстром, округ Лейденбурга

Открытое письмо к ещё воюющим и уже сложившим оружие бюргерам в Южной Африке.

Достоуважаемые граждане!

Тот факт, что наша страна очутилась в таком ужасном состоянии, известное мне положение наших сограждан и уверенность, что я не расхожусь во взглядах с моей страной и народом, – всё это вынуждает меня обратиться с настоящим письмом к вам.

Мне кажется, что значительная часть бюргеров совершенно пала духом, между тем я полагаю, что до такой степени падать духом бесполезно, равно как и страшиться одоления нас Великобританией.

Вот уже 10 месяцев ведёт она с нами войну, а цели своей всё ещё не достигла. И я уверяю вас, что наши враги тоже устали, что они ещё больше нашего жаждут мира. Поэтому, сограждане, держитесь стойко, ведь бур может больше выдержат, чем англичанин.

Не следует падать духом, пока война ещё длится. Ведь в сравнении с этой войной, все другие войны не что иное, как приятный пикник. И не забывайте того, что мы дерёмся за свободу свою и наших потомков. Задавал ли себе каждый из вас, сограждан, вопрос, что с ним будет и как он будет жить в том случае, если мы будем побеждены врагом. Думал ли он о том, какой ответ дадим мы нашему молодому поколению, когда оно будет читать историю наших предков.

Господь Бог дал нам эту страну. Наша священная обязанность – оборонять её и отстаивать не на жизнь, а на смерть. Поэтому говорю я: стойте мужественно, товарищи, ведь вы помните гнёт, который испытывали наши предки. Стойте мужественно, ведь вы знаете, что невинно пролитая в Южной Африке кровь наших соплеменников вызывает о мщении. Стойте мужественно, товарищи, ведь вы знаете, что с нами Бог, что Он вывел наших предков из всех испытаний, защитил от преследований и незаслуженной смерти и наградил самой богатой частью земного шара. Стойте мужественно, товарищи, ведь вы останетесь, таким образом, верны стране и народу. Не теряйте мужества потому только, что ваши жёны и дети находятся в руках врагов. Чем храбрее вы будете сражаться, тем скорее Господь положит предел войне. Господь поможет нам, как только мы начнем проявлять твёрдость, ибо сказано в Его писании: «Благословенны трудящиеся». Поэтому, набравшись новых сил, выступим против врага, и будьте уверены, что мы счастливо одержим верх.

Ещё пару слов хотелось бы мне сказать невоюющим бюргерам, тем, которые сидят дома и тем, что прячутся в лесах, или скрываются от наших военных отрядов, не исполняя, таким образом, своих гражданских обязанностей.

Достопочтенные сограждане, ех-бюргеры (бывшие бюргеры), сложившие своё оружие, отдавшие врагу и вынужденные обнажать голову с глубоким почтением перед теми, которые ещё несколько дней тому назад незаконно пролили кровь их сограждан, придёт и для вас день, когда вы должны будете сказать: да свалятся горы на меня и покроют меня холмы, ибо я виновен в смерти моих соотечественников.

А вы, обретающиеся в свободной ещё части нашей страны и имеющие ещё возможность присоединиться к воюющим, чтобы исполнить свой гражданский долг, что думаете вы о настоящем положении дел? Не пора ли вам очнуться и спросить самих себя, какое великое зло вы причинили и как изменнически поступили вы по отношению к вашим братьям? Или вы будете по-прежнему оставаться на своих местах, где вы находитесь – в лесах, или в другом месте, – будете по-прежнему узнавать о наших сражениях и затем сеять ложь по всей земле, чтобы отбивать охоту к борьбе у тех, кто ещё не пал духом.

Я знаю, что происходит в лесу. Одна палатка стоит подле другой, у каждой разложен огонь. Подходит один сосед к другому:

– Добрый вечер, приятель!

– Добрый вечер, шурин! Ну, как дела?

– Ничего, идут ещё хорошо. Я сегодня узнал новость...

Утром сегодня поехал я к старому **Агусу** переменить свинью... При случае побывал у старика **Кооса**... Его шесть сыновей вернулись с войны и рассказывали, что была большая битва у Мидльбурга, англичане прогнали наших.

– Разумеется! Видишь ли, молодец, я всегда говорил, что не стоит нам драться. Ну, меня-то уж отсюда не вытащат на войну!

Достопочтенные граждане, вы, которые виновны, очнитесь и придите к нам на помощь, помогите нам стать свободным народом, как мы им были когда-то. И если вы этого не сделаете, ваши убежища в лесах будут свидетельствовать против вас; и под гнётом вражеского владычества вы воскликнете: «Я имел!» Но тогда будет поздно! Если бы мы были верны друг другу, этого восклицать не пришлось бы.

Уповаю на Бога, который ниспошлет избавление и свободу Южной Африке, остаюсь ваш согражданин **А.И. Дерксен**, командант.

Приведённые мною послания не составляют единичных случаев обращения лучших людей к народу. Печатные послания были редки, появлялись в особо важных случаях и исходили от лиц всем известных, пользующихся большим авторитетом. Эти же лица не упускали случая и словесно побеседовать, что бывало весьма часто.

Каждый честный, мужественный и преданный своему отечеству бур считал святым своим долгом каждый день после общей вечерней молитвы обратиться к собравшимся соратникам с краткими, но горячо прочувствованными словами и подкрепить их слабнувшие сердца. Это являлось необходимым не потому чтобы все буры были вообще народ ненадёжный, нет; но там, где царит смерть, там найдутся и верные её спутники – трусость, малодушие и эгоизм. Это общий всемогущий закон природы, с которым каждому человеку, когда смерть заглянет ему в глаза, приходится бороться. Только сильные духом выходят из этой борьбы победителями.

Таких мужественных и непоколебимых борцов, которые не откажутся от борьбы, несмотря ни на какие испытания, едва ли можно было набрать в Трансваале и десяток тысяч. Они и составляют ту горсть героев, то постоянное могучее ядро, к которому по временам то примыкают, то вновь отпадают от него более слабые духом народные элементы и которое одно, собственно говоря, непрерывно борется с двухсоттысячным неприятелем, и борьбу эту ведёт искусно и с большим упорством. Лучше всего это знают англичане. Насколько трудно им даётся каждая операция, видно из частного письма одного английского офицера, которое было в почте, шедшей из Рустенбурга в Преторию и захваченной бурами. Оно не требует особых комментариев.

14 июля 1900 г.

Рустенбург (Трансвааль).

Дорогой Г.

Я получил Ваше письмо от 29 мая только 13 июля, письмо, в котором вы пишете об освобождении Мафекинга. Увы, после этого освобождения нам не на чём было спать. Нам пришлось маршировать ещё больше прежнего.

Трансвааль, в пределы которого мы вступили, оказался более приятной страной, чем Родезия; мы здесь получали иногда яйца, масло и кур. Но мы вскоре истребили все имевшиеся в этом округе запасы.

Дела шли очень плохо. **Луи Бота, Деларей и Девет** довели **Робертса** до того, что он чуть с ума не сошёл. Он никак не мог их изловить; а если бы они имели в своём распоряжении 12 000 человек, они бы нашего старого **Бобса** совсем из генералов вышибли.

От времени до времени мы получали всё более и более печальные известия. На прошлой неделе – расскажу по порядку обо всех недоразумениях – **Баден-Пауэлл** был отослан в Преторию. Не прошло и двух дней со времени его отправления, как мы, оставленные здесь для удержания за собой Рустенбурга, получаем вдруг приказание немедленно покинуть деревню, так как с тылу надвигается на нас 2000 буров с 6-ю пушками. Мы со всей возможной скоростью отступаем. В 23 часа мы делаем расстояние в 41 милю; быки стали падать от взваленного на них груза.

На следующий день с утра мы продолжаем отступление с раннего утра до поздней ночи и, находясь от Рустенбурга уже на расстоянии 58 миль, узнаем, что это был только слух; нам приходится возвращаться обратно. Мы, с пушкой и 2 эскадронами австралийцев идём форсированным маршем, а последнюю пару миль пускаемся в галоп, чтобы поспеть вовремя на помощь к находившимся в Рустенбурге. Произошло сражение, и мы оттеснили буров. Австралийцы вели себя превосходно, но они совершенно не знают дисциплины, до такой степени, что артиллерийская команда, бросив пушку, стала принимать участие в рукопашной.

Баден-Пауэлл вернулся обратно из Претории. Он чуть было не потерял Рустенбурга, но я думаю, виною всему был **Бобс**. На что понадобился ему **Баден-Пауэлл**, когда в его распоряжении имелось 100 000 войска? За другие потери ответственные мы все.

Буры заняли Командо-нэк и отрезали нас от Претории. Они взяли в плен $\frac{1}{2}$ Линкольнширского полка, эскадрон шотландцев и 2 пушки. Неприятель занял также Олифанс-нэк и мы были отрезаны от всего мира, кроме Махатаса.

Мы ожидаем большого сражения в самом скором времени. Ежедневно нас обстреливает неприятель и мы подобно муравьям строим шанцы¹⁵³. Немногие, ещё уцелевшие буры дерутся как тигры, а все наши солдаты сильно утомились войною.

В Претории наши войска так ужасно выглядят вследствие войны, что их узнать нельзя. Буры налетают, как молнии, а словить их невозможно.

Несколько дней тому назад **Луи Бота** пошёл в Преторию, переодевшись английским офицером. У него спрашивают пароль, он ответил:

– Откуда мне знать пароль. Я три дня был в патруле, гонялся за проклятыми бурами...

– Молчать!.. Дурак! Убирайся к себе на пост!

Потешную также историю рассказывают про Дербиширскую милицию. Пришли они в Оранжевую Республику и начали располагаться лагерем по всем правилам устава. Только не понравилось полковнику, что палатки были выровнены по правому флангу, и вот он велит все их переставить вновь по левому флангу. В лагере выставили караул, а перед палаткой начальствующего офицера поставили превосходного часового со сверкающим чистотой ружьём.

И вот в полночь часовый докладывает, что ему кажется, будто бы он видит за холмами движение.

– Ерунда! – отвечает полковник.

Затем часовый через некоторое время опять докладывает, что ему показалось, будто он видел буров.

– Ерунда! – отвечает полковник. – Буры здесь? Сохрани Бог! Вот дурак!

Ещё раз в течение ночи часовой приходит с тем же извещением.

– Ну, смотри же! – говорит полковник. – Если ты ещё раз меня обеспокоишь, я отправлю тебя на гауптвахту!¹⁵⁴

На утро **Девет** окружил Дербширскую милицию. 80 человек было убито, 200 – ранено, а остальных забрали в плен. **Девет** снял шляпу перед полковником и сказал:

– За то, что вы так старательно расставляли ваши палатки, вы не будете моим пленником, я вас отпускаю на волю.

Я думаю, что **Луи Бота** очень ловкий малый. Если бы он имел в своём распоряжении 125 000 французских или немецких солдат, он бы уничтожил **Робертса**; а у него лишь небольшая горсточка буров, – плохих и недисциплинированных солдат. Они не умеют нападать; они только окружают врага, или, занимая позицию, заставляют этим его самого производить нападение.

Они никак не хотели взять приступом Мафекинг и послали это сделать иностранцев. Небольшой отряд – семь немцев и французов – двинулся в порядке на штурм и завладел одним из фортов. Если бы буры им помогли, город был бы взят, но буры не хотят идти в атаку. Нескольких убежавших буров французы пристрелили, а некоторых задержали.

Мне больно слышать, что англичане бьют стёкла во французских магазинах. Я не могу понять этого глупого энтузиазма. Нам, англичанам, нечего хвастаться этой войной, потому что буры колотили нас десятки раз. С 200 000 солдатами мы воюем против, самое большее, 40 000 буров. Поражение при Маггерсфонтейне было позорно, а под Стромбергом маленький бургский патруль навёл ужас на колонну **Гатакра**.

Сдачи зачастую носили позорный характер. Неорганизованные колониальные части смеялись над Томми Аткинсом и говорили: «Мы одни делаем всю работу, а Томми достаются все награды». Ни один Томми не сделал бы того, что мы делали в эту войну в колонне **Плюмера (Пламмера)**.

О древних галлах говорят, что они были нахальны в победе и низки в поражении. Мне кажется, что таковы и некоторые

обитатели Лондона и других больших городов Англии, и я нахожу это большим несчастьем.

Кланяйтесь моей матери и скажите ей, что письмо её я получил и за это ей очень благодарен. Я опасаюсь, что бедный **О.** не исполнил всего того, что от него ожидали; впрочем, никто из наших генералов, кроме **Френча**, не может похвастаться. Задача **Клери** была самая трудная и ему оказал противодействие **Буллер**, этот кунктатор¹⁵⁵.

Все мы испытываем отвращение к **Бобсу**. Не поступай мы как раз наперекор его приказаниям, мы бы потеряли Рустенбург.

Я надеюсь, что газеты платят вам за мои письма. Мне очень хотелось бы увидеть мою статью в «Saturday Review» (Субботнее обозрение). Лучшие пожелания от брата...¹⁵⁶

Российское общественное мнение было целиком на стороне буров, но ссориться с Британией царское правительство не хотело. Приведём на этот счёт циркуляр Главного управления по делам печати Министерства Внутренних Дел (№ 5825), направленный губернатору Санкт-Петербурга, 2 августа 1900 г.:

По приказанию Главного Управляющего Министерством внутренних дел, Главное Управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение по местной цензуре о том, чтобы не было дозволяемо к печати безусловно никаких статей, известий и телеграмм о прибытии в Россию бургских делегатов¹⁵⁷, о встрече их, о пребывании в России и тому подобном¹⁵⁸.

Однако поскольку **Лейдс** ещё оставался аккредитован при царском дворе, то он и действовал в соответствии с протоколом. Так в уведомлении Управляющего Министерством иностранных дел направленное министру Императорского Двора, 5 августа 1900 г. говорилось:

Управляющий Министерством иностранных дел, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству барону **Владимиру Борисовичу**, имеет честь уведомить, что прибывший в Санкт-Петербург Чрезвычайный посланник и Полномочный Министр Трансваальской Республики господин **Лейдс** ходатайствовал о чести быть представленным Их Императорским Величествам.

На Всеподданнейшем о сём докладе Государю Императору благоугодно было начертать:

«Сегодня Мы уезжаем на манёвры, стало быть, принять **Лейдса** можем после 9 августа¹⁵⁹».

Лейдс встретился с царём:

Уведомление Канцелярии Министерства иностранных дел направленное в Экспедицию Церемониальных Дел 5 августа 1900 г.:

Канцелярия Министерства иностранных дел имеет честь уведомить Экспедицию Церемониальных Дел, что Чрезвычайный посланник и Полномочный Министр Трансваальской Республики господин **Лейдс** прибыл 2/15 августа в Санкт-Петербург и остановился в гостинице «Франция».

Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице **Александрѣ Фёдоровне** благоугодно будет принять его, после 9 августа, по возвращении Их Величеств с манёвров¹⁶⁰.

Соответственно об аудиенции было доложено куда следовало рапортом обер-церемониймейстера графа **В.А. Гендрикова** министру Императорского Двора барону **В.Б. Фредериксу**, 11 августа 1900 г.:

Министр иностранных дел уведомил меня, что в субботу, 12-го сего августа, в 2 часа дня Его Величество Государь

Император изволит принимать посланника Южно-Африканской Республики доктора **Лейдса**.

О вышеизложенном считаю долгом донести Вашему Высочайшему коопревосходительству¹⁶¹.

Таких бумаг было немало. Как, например, письмо оберцеремониймейстера графа **В.А. Гендрикова** гофмейстерине¹⁶² Двора Её Императорского Величества Императрицы **Александры** Фёдоровны статс-даме **М.М. Голицыной**, 11 августа 1900 г.:

Милостивая Государыня княгиня **Мария Михайловна**, в субботу, 12 сего августа, в 2 часа дня, Его Величеству Государю Императору благоугодно принимать посланника Южно-Африканской Республики доктора **Лейдса** в Петергофском¹⁶³ дворце.

В предположении, что Её Величеству Государыне Императрице **Александре Фёдоровне** также благоугодно будет принять доктора **Лейдса**, честь имею довести о вышеизложенном до сведения Вашей Светлости.

Примите, Милостивая Государыня, уверение в глубоком моём уважении и совершенной преданности¹⁶⁴.

Церемониал с бюрократической точки зрения был весьма заорганизован. Для примера приведём уведомление Экспедиции Церемониальных Дел Министерства Императорского Двора, направленное в Управление Гофмаршальской¹⁶⁵ части 11 августа 1900 г.:

Экспедиция Церемониальных Дел уведомляет Управление Гофмаршальской части, что завтра, в субботу, 12 сего августа, в 2 часа дня, Его Величество Государь Император изволит принимать посланника Южно-Африканской Республики доктора **Лейдса**, который выедет в Новый Петергоф с поездом Балтийской железной дороги, отходящим из Санкт-Петербурга в 12 часов 40 минут дня.

С тем же поездом прибудут в Новый Петергоф.

Ввиду сего Экспедиция Церемониальных Дел покорнейше просит Управление Гофмаршальской части сделать соответствующее распоряжение о приготовлении для всех вышеуказанных особ помещений во Дворце и о назначении для встречи посланника одного скорохода и одного гоффурьера.

Дворцовой и экипажной прислуге следует быть в праздничных ливреях^{166, 167}.

В Камерфурьерском¹⁶⁸ журнале за август 1900 г. сохранились и сведения, когда и как **Николай II** принял доктора **Лейдса**:

Суббота, 12 августа 1900 г.

(в Нижнем Дворце в Петергофе).

В 9 часа 40 минут утра, Его Величество прогуливался верхом на лошади, а Её Величество в экипаже.

По возвращении с прогулки, Его Величество принимал с докладом совместно: Военного министра **Куропаткина**, министра финансов **Витте** и министра иностранных дел графа **Ламздорфа** и отдельно министра императорского двора барона **Фредерикса**, а представиться имел счастье статс-секретарь **Вешняков**.

Её Величество принимала с докладом гофмаршала графа **Бенкендорфа**¹⁶⁹, гофмейстера **Танеева**, министра Императорского двора барона **Фредерикса** и оберцеремониймейстера графа **Гендрикова**, и представиться имели счастье: дочь статс-секретаря девица **Вешнякова**, супруга генерал-майора госпожа **Плешко**, супруга полковника госпожа **Данилова**¹⁷⁰ и статс-секретарь **Вешняков** с супругою.

В 1 час за завтраком у Их Величеств кушали:

королевич **Николай**

Великий князь **Георгий Михайлович**¹⁷¹

Великая Княгиня **Мария Георгиевна**

В 2 часа имел счастье представляться Его Величеству посланник Южно-Африканской Республики доктор **Лейдс**.

В 4 часа Их Величества выходили прогуливаться и присутствовали при игре в лаун-теннис.

В 7 часов Её Величество выезжала кататься, а в 8 часов Его Величество выходил прогуливаться.

В 8 часов за обеденным столом у Их Величеств кушали:

королевич **Николай**

Великий князь **Георгий Михайлович**

Великая княгиня **Мария Георгиевна**.

По окончании обеда выезжали прогуливаться¹⁷².

Но перейдём вновь к отчёту капитана **фон Зигерн-Корна**:

III

На биваке главнокомандующего у станции Дальманута

В Машадодорпе я принуждён был прожить дней 10, пока мне удалось перебраться на бивак главнокомандующего. Жизнь среди этого грандиозного калейдоскопа, где никому ни до кого дела не было, где каждый заботился лишь о своём благополучии, где господствовал во всей силе один лишь шкурный, так сказать, вопрос, где ярко проявлялись лишь отрицательные качества народа, оборотная сторона медали; жизнь эта тяготила меня и я торопился поскорее выбраться из этой сутолоки.

Предварительно надлежало заручиться паспортом от статс-секретаря **Рейца** для беспрепятственного проезда по району, занятому ещё бурами; затем завести экипаж, лошадей упряжных и верховых, фураж, кое-какую бивачную утварь, одеяла, консервы, нанять **кафра**...

Я убедился вскоре, что на любезную предупредительность правительства ко мне как к иностранному гостю рассчитывать нечего, а надо самому обо всем позаботиться. Я и позаботился; попросту говоря, всё купил, и, конечно, за невероятно дорогую цену.

Докончив всю мою мобилизацию и вздохнув с облегче-

нием, в одно прекрасное воскресное утро я покинул тыл армии и перебрался засветло на бивак к **Луи Бота** близ станции Дальмаунта. Бивак этот состоял из десятка обыкновенных шатров, раскинутых в живописном беспорядке на берегу реки. Он ничем не отличался от других бурских биваков и имел тот же знакомый мне по Машадодорпу вид цыганского табора.

Позиция, протяжённостью вёрст в 40, была уже намечена и заселялась исподволь прибывающими бурами, самовольно покидавшими передовые линии под разными предлогами. **Лонг-Томы**¹⁷³ стояли уже на своих местах. Я решил не терять дорогого времени и на следующий же день с утра выехать для осмотра позиций.

Казалось, что для осуществления этого скромного намерения достаточно было получить в штабе соответствующие сведения о размещении команд на позиции, о расположении артиллерии и прочее и затем начать объезд. Увы, это была несбыточная, наивная мечта европейца!

Штаб главнокомандующего генерала **Бота** состоял из его секретаря, начальника военного телеграфа и двух-трёх телеграфистов. Никаких письменных сведений в этом штабе не имелось, не было и никаких карт. Не имея привычки ими пользоваться, бурские военачальники относятся к ним с большим недоверием; а зная и без того отлично местность, обходятся свободно без всяких карт. Никаких списков, приказов, диспозиций, никаких вообще бумажных дел в штабе и следа не было. Вся канцелярия состояла из секретаря, его записной тетрадки и пачки телеграфных бланков! Все распоряжения и донесения передавались преимущественно словесно.

Желая быть в курсе дела или сделать какое-либо распоряжение, главнокомандующий или лично объезжал позицию, или взбирался на самую высокую гору и оттуда разговаривал по гелиографу с отдельными командами.

Эти разговоры, если и записывались на бланках, то не с той целью, чтобы их сохранять как документы, а лишь для того, чтобы гелиографист не забыл, что ему надо передать или что он принял с другой станции.

Таким образом, только главнокомандующий и его секретарь знали, где кто стоит на позиции и что там происходит. Остальные, простые смертные, имели весьма смутное, приблизительное представление о позиции и знали лишь своих ближайших соседей. Сведения их о неприятеле были гораздо обстоятельнее.

При таких условиях, желая непременно видеть всё и везде побывать, можно было поступить двояко: или неотступно следовать всюду за главнокомандующим, или пускаться самостоятельно на розыски позиции и разбросанных на ней команд.

Первый приём оказался на практике никуда не годным. **Бота** в большинстве случаев выезжал на одну из главных географических станций, которые не всегда находились на позиции, и просиживал там по полдня. Оставалось прибегнуть ко второму способу.

Чтобы с успехом пользоваться этим способом, надо или быть буром, или обладать большим запасом терпения и настойчивости. Ориентироваться среди дикой, однообразной пустыни весьма нелегко. Способность эта у буров врождённая и развиваемая с малолетства, а чужой, новый человек может её приобрести только после более или менее продолжительного и горького опыта. Но не в этом одном всё затруднение.

Надо заметить, что бур вообще очень охотно отвечает на заданный вами вопрос; но беда в том, что в натуру его глубоко вкоренилась привычка всякому незнакомцу, а в особенности чужестранцу, давать совершенно ложные сведения. Происходит ли это от недоверия к иностранцам вообще и желания замаскировать истину или от врождённой скрытности и опасения не нарваться на английского шпиона – не берусь утверждать. Во всяком случае, в таких случаях не следует слепо доверяться буру.

Если вы, положим, пожелали узнать, где находится крайний левофланговый **Лонг-Том**, то любой бур с внушающим доверие апломбом укажет вам рукой направление, которого надо держаться, и прибавит, что расстояние до него – три часа, до-

пустим, езды верхом, то есть шагом и галопом («трее хюр ам паард»).

Вы с полной добросовестностью замечаете направление по компасу, что вызывает у бура снисходительную улыбку, справляетесь, который час, и, приветливо поблагодарив, пускаетесь в путь. Услужливый бур вдогонку вам кричит ещё, что на пути будет «копье» с большим камнем на вершине в виде лошадиной головы; проехав его, надо повернуть вполоборота направо, а у **кафрского** крааля подняться на гору, откуда виден будет уже и **Лонг-Том**. Вы стараетесь закрепить в памяти эти обстоятельные указания и продолжаете ехать.

Через некоторое время почти наверно можно сказать, что вы упрётесь в непроходимое болото или в горный ручей с обрывистыми берегами, или попадёте в невылазный лабиринт проволочных колючих заборов!

Положим, через 2–3 часа вам удалось счастливо преодолеть все эти непредусмотренные препятствия, но вы потеряли зато всякую уверенность в правильности направления и в величине пройденного расстояния. Никакого подходящего «копье» с лошадиной головой, ни **кафрского** крааля вы уже больше не встретите и бродите по пустынным горам с искреннейшим желанием не заблудиться окончательно.

Если заботливая судьба пошлёт вам навстречу бура, то вы к большому изумлению вашему узнаете, что в направлении вы ошиблись ровно на 50 градусов, а до желанного предмета ваших поисков расстояние осталось то же самое, что и прежде было, – «трее хюр ам паард!»

Самое благоразумное в таких случаях – вернуться той же дорогой засветло домой и на следующий день с утра начать поиски вновь.

Сознаюсь, многое, что мне пришлось видеть и изучать, на первый взгляд казалось мне малопоучительным. Всюду отсутствие боевой организации, роль начальников ничтожна и низведена почти до одних только хозяйственных обязанностей; дисциплины и простого даже чинопочитания и следов нет... Все те данные, из которых слагается наше понятие о настоя-

щей армии, или отсутствуют у буров, или находятся в весьма примитивном и своеобразном виде.

Вся сила этой импровизированной армии покоится на индивидуализме, на взаимном доверии, на широком проявлении в каждом данном случае инициативы, здравого смысла, личных врождённых качеств, физических и нравственных, выработанных вековой практикой войны и на глубокой религиозности буров.

Многие европейцы-волонтёры, участники этой войны, так-таки дальше первого и неблагоприятного для буров впечатления, дальше несколько скороспелого вывода о малопоучительности всего виденного и не ушли. Между тем нельзя не признать прежде всего, что боевая сила бурской армии есть нечто вполне реальное и в сравнении с 200-тысячной армией англичан предоставляет величину достаточно внушительную.

Став на эту точку зрения, приходится относиться с одинаково серьёзным вниманием ко всему и даже к тому, что на первый взгляд кажется наивным и не стоящим изучения. Это изучение бурской жизни, однако, нелегко даётся европейцу, человеку новому. Буры не только скрытны по натуре, не доверяют иностранцам, но и воспитание их и весь быт настолько суровы, патриархальны и своеобразны, что подчас трудно добраться до истины. Невозмутимое спокойствие и сдержанность бура по отношению к чужестранцу легко принять за затаённое недружелюбие, злорадство, негостеприимство, и это ошибочно.

Например. Бесится ли лошадь под вами на краю пропасти и грозит опрокинуться туда вместе с вами, сломалась ли в пути ось у вашей повозки и негде вырубить жердь, без чего вам и не двинуться с места, вырвалась ли из ваших рук и убежала испугавшаяся лошадь, никто из проезжающих мимо буров и не подумает вам помочь, им непонятна беспомощность человека в таких случаях. Попросите, тогда вам охотно помогут, но при этом вы прочтёте на их лицах удивление и снисходительность к вашей немоци¹⁷⁴.

Мне не раз случалось бывать с моим **кафром Андреасом** без провизии и при полной невозможности купить что-либо съедобное. Однажды положение было безвыходное. Дело было на биваке главнокомандующего. Зная уже, что здесь, среди буров, более чем где-либо справедлива пословица: дитя не плачет – мать не понимает, скрепя сердце, отправляюсь к секретарю главнокомандующего, **Девету**, однофамильцу знаменитого генерала **Христиана Девета**.

Этот представительный молодой человек, относительно довольно образованный, но по воспитанию, привычкам и по натуре – чистокровный бур. На биваке он обыкновенно занят бывал починкой известной принадлежности своего костюма, которая при постоянной езде верхом требует особенно тщательного ухода. И в этот раз он сидел полураздетый на голой земле с трубкой в зубах и сосредоточенно работал.

– Извините, что побеспокою вас, – обратился я к нему. – У меня вышли все консервы, все запасы, а есть надо... Не могу ли я получить у вас кусок мяса?

Выслушав меня, он поднял голову. Лицо его выражало полное недоумение, – он тут, мол, причём же? И как это могло со мной приключиться? И зачем, собственно, я развёл такую необычайную для него китайскую церемонию? Подумав несколько, он вынул трубку изо рта и сплюнул...

– О, да! Там, в краале, есть бараны...

– Они... живые? Можно взять?

На лице его опять недоумение... После некоторой паузы он кивнул головой и принялся за работу.

После этого мне ничего не оставалось, как пойти к краалу. Краалем называется небольшое квадратное пространство, огороженное каменным забором, аршина два высотой, куда на ночь загоняют скот. В указанном мне краале я нашёл с десяток баранов; не бараньих туш, а живых баранов! Я остановился в нерешительности. А есть-то хотелось... Сидевшие тут же буры безмолвно осматривали меня с ног до головы...

Надо заметить, что мой **кафр** очень любил уходить с лошадьми на целый день с раннего утра и караулить их, лёжа на

солнышке, вдали от меня. Вообще говоря, ничтожная работоспособность моего **кафра** заставила меня раз навсегда отказаться от всяких прав и преимуществ, которыми я рассчитывал пользоваться, нанимая его. Все обязанности по хозяйству, как-то уход за лошадьми, чистка их, запрягание, седлание, собирание горючего материала для костра, приготовление пищи, стирка белья и прочее, все эти необходимые чёрные работы пришлось делить пополам, что мой **Андреас** находил вполне нормальным. Что касается лично моей работоспособности, то он о ней, по-видимому, был не особенно высокого мнения. Когда я однажды собирался идти на реку стирать моё бельё, то он, ничего не говоря, снял с себя свой костюм и, подавая мне его, счёл нужным ткнуть пальцем в те места, на которые я должен был обратить особое внимание...¹⁷⁵

Вернёмся к краалю. За отсутствием моего чернокожего компаньона волей-неволей пришлось мне самому войти в крааль и дать бурам целое представление, состоявшее из продолжительной беготни и в неудачном хватании баранов за задние ноги. Жара нестерпимая! Бараны и я мечемся с невероятной быстротою по краалю в облаках едкой пыли! А буры, облокотившись на ограду, покуривая, смотрят себе с добродушной улыбкой, как бурские бараны ловко ускользают от европейского франта. Они и не догадываются, что помощь их в этом случае была бы более уместна, чем их улыбки, как бы они добродушны не были.

После довольно продолжительного, утомительного и неудачного состояния (состязания) моего с баранами в быстроте и изворотливости я, наконец, с отчаянием ринулся куда-то в угол и судорожно ухватился за что-то... Это была задняя нога барана! Представление кончилось и буры разошлись... Несмотря на отчаянное сопротивление моей жертвы, весь в пыли и поту, озлобленный, я потащил её к себе к палатке и там с бессердечной решимостью человека, желающего во что бы то ни стало поестъ, расправился с ней, как надлежит.

Если попросите у того же секретаря взаймы мешок кукурузы (за деньги он не дает), то он без церемоний взвалит вам

*Войска генерала **Поля-Карью** пересекают границу
Трансвааля и португальского Мозамбика у Комати-порта*

его на спину, не справившись предварительно, будет ли вам это под силу. Он сделает это не из пренебрежения к вам, а по простоте: кому нужно, то, мол, тот и несёт. Ему и в голову не придёт, что есть на свете люди, которым подобными делами не приходилось заниматься. Бурры относятся к чужому человеку вообще очень спокойно, сдержанно, без заискивания, даже добродушно, но отношение это чисто бурское, не европейское. Они сами грубы, суровы, сильны и выносливы, и о других судят по себе. Да, европейцев многое шокировало, многое разочаровало, многое явилось для них неожиданным и оттолкнуло их от буров. Продолжительное вредное влияние войны растлевающие действовало на буров.

Люди, хорошо знающие их, говорили мне, что разрушительное влияние войны сказалось не только во всеобщем материальном разорении и в значительном огрублении нравов, оно

произвело более серьёзное и труднопоправимое опустошение в области духовной. Суровая, патриархальная нравственность буров заметно понизилась, в особенности среди молодёжи.

Люди, стоящие во главе народа, наблюдая это пагубное во всех отношениях явление, не могли не сознать с тревогой в душе опасности, грозящей великому делу освобождения родины и будущности всего народа. Они стали бороться энергично, словом и делом, с распространением этой заразы. Говорились речи, писались многочисленные послания, циркуляры, воспрещена была повсеместная продажа спиртных напитков, установлены строгие наказания для провинившихся и тому подобное.

Буры до войны отличались образцовой честностью и относились с самым строгим уважением к чужой собственности, какова бы она ни была. Продолжительная походная и боевая жизнь, полная лишений и бедствий, полное разорение и истощение всех сбережений, необходимость питания самих себя и своих лошадей со дня на день чем Бог послал, – все эти могучие стимулы исподволь привели буров к тому компромиссу с совестью, ближайшим последствием которого является лёгкое отношение к чужому добру.

Надо, однако, отдать справедливость бурам, что только три предмета, наиболее для них драгоценные, подвергались опасности быть похищенными, а именно: лошадь, седло и фураж. Оно и понятно. В натуру бура глубоко вкоренилось понятие, что пеший на войне не воин, а потому, лишившись коня, он считает себя вправе отказаться от всякого активного участия в военных действиях. Лишиться коня и вообще потерять возможность ездить верхом является для него самым большим несчастьем.

Лошадь, седло и фураж требуют самого бдительного присмотра. Иностранцы, явившиеся к бурам на войну, в общем с идеализированными понятиями об их патриархальной честности, неизбежно становились в первые же дни жертвами своего легковерия. Констатирую факт этот на основании, между прочим, личного горького опыта. Эпизод, бывший со мной, на-

столько ярко характеризует буров в этом отношении, что я позволю себе остановиться на нём несколько подробнее.

11 августа, как известно, над всей Южной Африкой пронёсся свирепый ураган, причинивший много бед не только в городах, но и на биваках воюющих армий. Ветер настолько был силен, что в красной непроницаемой пыли вместе с травой, листьями, целыми ветками, неслись даже мелкие камни. Стоять открыто не было никакой возможности. Бешеная стихия сбивала с ног и все обнажённые части тела подвергались мучительному сечению.

Бивак главнокомандующего представлял мёртвое царство. Те немногие буры, которые не поехали на разведки, забились под шатры, брезенты, лежали под тролями (тяжёлыми повозками), закутанные с головой в одеяла.

Вдруг где-то от полупотухшего костра вспыхнула трава. В одно мгновение огонь распространился по всей долине. Забушевало целое море пламени и с жадностью пожирало высокую густую и высохшую траву. Пожар с такой быстротой подступил к главному биваку, что захваченные врасплох люди еле-еле успели спастись из-под загоревшихся шатров, брезентов. Табуны лошадей носились по полям, спасаясь от дыма и огня.

К довершению всего на одной из тролей находилось около 2000 ружейных патронов в ящиках. Несмотря на отчаянные усилия буров, эту троль из огня вытащить не удалось, началась адская пальба... Все бросили спасать своё убогое бивачное имущество и рассыпались в разные стороны, ища укрытия от града пуль...

Бивак сгорел дотла. Лошади умчались неизвестно куда. Вся земля на необозримое пространство превратилась в чёрную, дымящуюся пустыню.

Бивак иностранных военных атташе находился несколько в стороне от главного бивака и занимал небольшую, сравнительно голую площадку. Бешеный огненный поток обошёл её с двух сторон и только благодаря энергичной работе офицеров и их **кафров** удалось отстоять повозки и большую

часть имущества. У меня, к счастью, почти всё осталось цело, в том числе мешок кукурузы. У буров сгорело всё до нитки, до последнего зёрнышка. Далеко за полночь удалось собрать всех разбежавшихся коней, за исключением нескольких убитых, но покормить их было уже нечем. Я был счастлив, что мог засыпать моим лошадям их обычную вечернюю дачу, по пригоршне кукурузы. Увы, моё счастье, как водится, было недолговечно...

Мой мешок кукурузы под повозкой, несмотря на весьма тщательную маскировку, был, к сожалению, вскоре усмотрен бурами и возбудил весьма понятную зависть, а от зависти недалеко уже и до желания обладать.

И вот приходит ко мне компания керлей, то есть молодых буров, человек десять и просит отдать им мой мешок кукурузы, так как им, мол, де, нечего дать есть лошадям. Как ни странна была эта просьба, я воздержался всё-таки от немедленного и категоричного отказа. Я в весьма вежливой форме объяснил им, во-первых, полную для меня невозможность достать в такое позднее время взамен кукурузы что-либо другое для собственных, моих же лошадей, которые тоже есть хотят; а во-вторых, высказал им откровенно мой твёрдый взгляд, что в этом случае было бы весьма справедливо предоставить право воспользоваться этой кукурузой самому владельцу оной. Входя, однако, в их безвыходное положение, я выразил готовность поделиться и предложил им одно ведро кукурузы.

Была ли речь моя недостаточно убедительна или они остались недовольны моей скупостью, не знаю, но они ушли, не сказав ни слова, и кукурузы не взяли. Слава Богу, подумал я.

Не прошло и пяти минут, как прибегает ко мне мой **кафр Андреас**, в высшей степени возбуждённом состоянии. Он стал что-то невероятно скоро трещать на своём картавом наречии, неистово жестикулируя, дико вращая белками, бешено ударяя себя по голове, по груди, по затылку, хватаясь обеими руками за горло... Казалось, что с ним случился припадок бешенства и он собирается тут же, на моих глазах, наложить на себя руки.

Я, было, бросился к нему, чтобы не допустить до самоубийства этого несчастного, обезумевшего дикаря, но он кинулся от меня прочь прямо к повозке и, жестикулируя ещё отчаяннее прежнего, опять разразился целым каскадом непонятных для меня звуков. Среди них мне удалось перехватить на лету несколько знакомых мне слов.

– ... керл! коман! оль мейз! (молодые! из команды! всю кукурузу!)

Тут я всё понял. Керлы пришли, побили моего **кафра** и, несмотря на его геройскую защиту вверенного ему имущества, унесли весь мешок кукурузы...

Я бросился по горячим следам за керлями. Шагах в пятидесяти был бивак небольшой команды капитана **Преториуса**, старого, безрукого, богобоязненного вида бура. Несмотря на то что сам командир всё свободное время читал Библию с видимым религиозным благоговением, поминутно вздыхая, или пел себе под нос всевозможные псалмы, команда его, состоявшая из 2–3 десятков молодых буров, пользовалась в отношении поведения не особенно хорошей репутацией.

Как ни энергично было моё преследование, я всё-таки опоздал. Когда я подошёл, лошади их стояли уже по обе стороны длинной кукурузной дорожки и аппетитно уничтожали её, пофыркивая. Тут же вокруг костра сидела вся компания керлей с безруким, богобоязненным **Преториусом** и самодовольно беседовала.

Поступком их я был страшно возмущён. По моему глубокому убеждению, инициатором этого дела был сам безрукий **Претриус**, а потому я без всяких колебаний с места приступил к реквизиции.

– Я нахожу, – говорю им, – ваш поступок относительно меня более чем неприличным. Я иностранец, я ваш гость, наконец! Я ничего подобного от буров не ожидал! Я требую, чтобы мой мешок кукурузы был мне завтра же возвращён! Слышите!?

– Ней... – процедил один из них сквозь зубы, не вынимая трубки изо рта. Остальные молчали и упорно смотрели на огонь...

– Как не? Почему нет?! Если завтра не можете, то послезавтра, когда-нибудь?!

– Ней... – и все молча закачали отрицательно головами...

Больше я ничего от них не добился и кукурузы обратно никакой не получил. И это не единственный со мною случай, и не я один поплатился... Бывало и хуже.

Удивительнее всего, что буры нисколько не церемонились в этом отношении даже со своим высшим начальством. Мне рассказывали иностранные волонтёры, что однажды в Натале с покойным главнокомандующим **Жубером** был следующий курьёзный случай.

Рекогносцируя как-то неприятельские позиции, он остановился и слез с коня, чтобы удобнее было смотреть в бинокль. Надел повод на руку и смотрит себе вперёд, изредка перекидываясь отрывистыми фразами с одним из бурских военачальников, сопровождавшим его, внимание которого было также сосредоточено на впереди лежащей местности. Окончив наблюдения, **Жубер** поворачивается к лошади, хочет сесть и ехать дальше... Увы! Седла на коне не оказалось. Исчезло! Кто взял – неизвестно!

Подобная расшатанность нравов, как меня уверяли компетентные лица, есть непосредственный результат тяжёлых условий, в которых находится всё бурское население, – все разорены, фермы или сожжены, или со дня на день ожидают этой участи, многие буры побросали свои хозяйства на произвол судьбы, по стране бродят шайки грабителей...

Падение нравственности, как я уже сказал, проявилось, прежде всего, у молодёжи. В мирное время, до войны, ничего подобного не наблюдалось. Я должен заметить, что воспитание юношества у буров, вообще говоря, ведётся весьма сурово и в духе высоконравственном. Родители в патриархальной бурской семье пользуются большим уважением и авторитетом, в особенности отец. Сын, молодой человек лет двадцати, разговаривает с отцом не иначе как стоя! Уважение к старости, вообще к старшим, и послушание составляет отличительную черту бурской молодёжи.

Настали тяжёлые времена. Жизнь человеческая и все имущественные права потеряли свою неприкосновенность. Всемогущее растлевающее влияние подобных условий исподволь, день за день, подтачивало весь нравственный закал, приобретённый молодёжью в семье. Перемена эта выразилась, прежде всего, в беззастенчивом захвате чужого имущества и в бесполезном подчас его истреблении. Эпидемия эта, если можно так выразиться, приняла, наконец, такие размеры, что потребовалось самое энергичное вмешательство главнокомандующего, выразившееся в многочисленных приказах, строжайше воспрещающих всякое нарушение прав чужой собственности.

В последнем из них (приложение 2) он принуждён был даже уполномочить своих офицеров принимать относительно виновных в хищении самые крайние меры, до расстреливания включительно. Неслыханная и небывалая у буров строгость!

Возлагая на офицеров обязанность предупреждать всеми средствами нарушение прав собственности, главнокомандующий весьма справедливо замечает, что подобного рода поступки не только сами по себе безнравственны, но и причиняют много вреда великому делу освобождения родины, подрывая уважение цивилизованных народов к бурам и являясь совершенно однородными по своим последствиям с драконовскими мерами, практикуемыми англичанами.

Да, правда, всё это, к сожалению, не говорит в пользу буров. Но ведь это лишь обратная сторона медали!¹⁷⁶

Ромейко-Гурко, в свою очередь, описывал упадническое настроение, царившее одно время в лагере буров:

Мои ожидания, что большое численное соответствие сил противников на Юго-Западном фронте, на оборонительной линии нижнего Вааля, приведёт к тому, что трансваальские войска окажут более стойкое сопротивление английской колонне, двигавшейся вдоль западной границы Оранжевой Республики,

сравнительно с непрерывным отступлением союзников на главном операционном направлении, не оправдались.

Ко дню моего прибытия к городу Блумофу (Bloemhof) я узнал, что англичане без всякого сопротивления заняли город Христиану (Christiana), тогда как другая колонна несколько дней перед тем перешла реку Вааль западнее Фортин-Стримса и, по всему вероятно, была недалеко от Мафекинга.

К этому времени и относится неудавшаяся попытка взять Мафекинг приступом. Уже со времени начала наступательного движения английской армии от Блумфонтейна, правительство в Претории пришло к заключению, что необходимо тем или иным способом покончить с осадой Мафекинга. Но снять осаду, не сделав попытки к взятию города штурмом, не желали, а посему решили высылать к Мафекингу всех вновь прибывавших из Лоренсу-Маркеша добровольцев, а также тех из ранее прибывших, которые выразили бы на то согласие. Таковых к концу апреля старого стиля собралось под Мафекингом около 150 человек.

Всего численность войск, осаждавших Мафекинг, не превышала 2000 человек.

Для штурма решили вызвать охотников; прежде всего, обратились к европейским добровольцам. Всего вызвалось участвовать около 450 человек, из коих около 125 добровольцев, но к назначенному часу у сборного пункта оказалось всего около 225, из них половина – европейских добровольцев. Тем не менее решили идти на приступ, причём участникам обещали, что их поддержат.

К сожалению, из трёх городов, которые осаждались трансваальцами за время войны, они избрали для штурма тот, в котором гарнизон был наименее истощен и физически, и нравственно, а в лице своего коменданта (полковника) **Баден-Пауэлла** имел человека, стоявшего выше комендантов Ледисмита и Кимберлея (генерал-полковника **Вайта** и подполковника **Кекевича**¹⁷⁷).

Первоначальные действия штурмующих были удачны: им удалось выбить защитников из нескольких укреплений и за-

нять туземный город. Но после этого англичане на них направили толпу **кафров** в несколько сот человек. Хотя эту атаку штурмующие и отбили, но продвинуться далее уже не имели сил; между тем обещанное подкрепление не прибывало. Наконец им послано было сказать, что ввиду неудачи их попытки им предоставляется возможность или сдаться англичанам, или отступить. Нашлись желающие и на то, и на другое.

Так как к этому времени освобождающие колонны англичан уже приближались, то решено было снять осаду и отойти к окрестностям Йоханнесбурга на южные склоны Гатцранда и Клиприверсберга. Туда же решено было стянуть войска, расположенные в юго-западном углу Трансвааля, о чём я узнал прибыв в Блуом (Блумар) 1 мая (старого стиля).

Впрочем, эти войска получили также указание задерживать, по возможности, наступательное движение небольших английских колонн, переправившихся через реку Вааль против Христианы и Валмаранстада. Но этой задачи они и не пытались исполнить, отговариваясь тем, что местность слишком равнинна и не представляет хороших позиций.

Торопясь достигнуть станции Ференихинг на железнодорожной линии из Блумфонтейна к Претории на реке Вааль, я 11 мая прибыл в Потчестром, где узнал, что конная английская колонна перешла реку Вааль (силою около 3000 человек) против горы Парейс.

Для характеристики того, каким образом здесь отдаются распоряжения по войскам, можно указать кем и какие меры были вследствие сего приняты.

Сведения о переходе англичан через реку доставлены были в городе членом фолксраада – **Пренцлау**, через ферму которого (того же имени) прошла эта колонна.

Найдя местного ландраста, то есть бургомистра, который так же как и сам **Пренцлау**, никакого отношения к войскам не имеет, они сообща решают, что необходимо собрать те остатки разных командо, которые за день прибывали в город, направляясь к Гатцранду, и немедленно отправить их вслед за этой колонной, которая, по их мнению, по всему вероятно, на-

*Подполковник **Роберт Кекевич** –
командир гарнизона Кимберли*

---

*Подполковник **Кекевич** с офицерами своего штаба*

правлялась прямо в Йоханнесбург. Подобное движение могло бы беспрепятственно привести эту колонну к Йоханнесбургу, так как к тому времени на её вероятном пути никаких войск не было, но англичане не решились предпринять столь смелое движение. Тем не менее, **Пренцлау** и ландраст отправляются на городскую площадь, где бивуакировали прибывшие люди, собирают их в круг и объявляют, что они немедленно должны двинуться в указанном направлении и постараться напасть на англичан с тыла. Некоторые из людей выразили на это согласие, тогда как другие заявили, что их лошади ещё не отдохнули и ранее утра они выступить не могут. Никого из офицеров при этих людях не было, так что под чьим начальством они должны были наступать англичан не было известно, но это никого ни-сколько не озабочивало.

Опасения за Йоханнесбург, однако, оказались преждевременными и лишь 15 мая (старого стиля) эта колонна, соединившись с другою, двигавшеюся из окрестностей Ференихинга в долине реки Клип, пыталась прорваться в Йоханнесбург с юго-запада.

Надежды трансваальских генералов на то, что им удастся оказать серьёзное сопротивление английским войскам при их переходе через реку Вааль у Ференихинга, – не оправдались.

Мне удалось прибыть к этому пункту (по железной дороге через Эландефонтейн) 13 мая (старого стиля), как раз, когда собирались взрывать мост через Вааль ввиду того, что передовые части английских войск уже видны были на расстоянии часа пути (около девяти вёрст).

Несмотря на такую близость противника генерал **Бота**, а с ним и генерал **Смэтс**, коего войска занимали позиции на правом берегу реки Вааль по обе стороны железнодорожной линии, отправились за две станции (на станции Клипвер) для осмотра позиций на холмах, которые тянутся вдоль левого (северного) берега реки Клип. Не успели они доехать до места назначения, как получили известие, что станция Ференихинг, лежащая на левом берегу реки Вааль, уже в руках англичан.

В действительности дело произошло таким образом, что когда английская ездящая пехота и артиллерия появились ввиду станции на левом берегу реки, и орудия открыли огонь, лагери, стоявшие вблизи станции, немедленно снялись и отступили на ближайшие плоские возвышенности по направлению на север, не сделав ни единого выстрела.

Первым вернулся генерал **Бота** и увидев, что его войска отступают, отдал приказание понемногу отходить за реку Клип, куда и сам направился; но по дороге он встретил генерала **Смэтса**, которому такое распоряжение не понравилось, и он заявил, что всё же попробует отбросить англичан на левый берег реки. После этого генералы разъехались в разные стороны; я же, предполагая, что генерал **Смэтс** действительно примет наступательные действия, вернулся с ним.

По дороге нам постоянно попадались малые группы трансваальцев, удалявшихся от англичан. Не раз генерал **Смэтс** их останавливал и спрашивал, почему они покидают свои лагеря, которые в то время были ещё впереди. Ответ получался почти всегда один и тот же: моя лошадь заболела. «Странная вещь, – замечает генерал, – вчера я всех спрашивал, и ни у кого больных лошадей не было». Но приказать вернуться, следовать за ним, генерал и не пробовал, верно зная, что на это придётся потратить ещё больше времени, а вернётся едва ли один из десяти.

И только встретив два орудия и две скорострелки **Максима-Норденфельда**, он приказал им следовать за ним, что и было исполнено, так как артиллерия всё же, можно сказать, дисциплинирована.

Подъехав вёрсты на четыре к станции Ференихинг, генерал стал осведомляться, где, собственно, находятся англичане, затем стал совещаться с артиллерийским майором **Вольмарансом**, можно ли открыть огонь по станции (где предполагали англичан), не остались ли там женщины и дети.

Между тем солнце уже склонялось к западу, через час должны были наступить сумерки. Открыть огонь по станции или деревне так и не решились и, постояв ещё некоторое вре-

мя, решили отойти к станции Клипriver, то есть вёрст на 25 к северу, не оставив, по обыкновению, даже части для наблюдения за противником.

На следующий день генерал **Бота**, не зная в точности, где и каким образом трансваальские генералы, подошедшие со своими войсками с покинутых юго- и северо-западных фронтов, заняли отроги холмов левого берега реки Клипа и юго-западные отроги Гатцранда – решил выехать на одну из соседних вершин, для того чтобы при помощи гелиографа войти в связь с этими войсками.

Надо сказать, что гелиографом здесь пользуются постоянно и очень умело. Гелиограммы передаются непосредственно на расстояние пятидесяти и более вёрст, равно как и на малые расстояния. В числе немногочисленной свиты или штаба каждого генерала всегда имеется гелиографист. При некоторых из генералов имеются также телеграфисты; эти обыкновенно ездят на велосипедах, возя под мышкой небольшой телеграфный аппарат, и не только не в ящике, но даже без чехла. Принимаются ими телеграммы по слуху, а не на ленту.

Прекрасное знание местности способствует тому, что гелиографист или сам генерал почти сразу угадывают куда направить лучи гелиографа, для того чтобы связаться с другими частями войск, точное расположение коих редко бывает известно.

Так и в данном случае, весьма быстро гелиограф связался с тремя другими, и скоро генерал **Бота** быть ориентирован о месте нахождения всех генералов и подчинённых им войск.

Оказалось, что к правому флангу войск генерала **Смэтса** примыкали войска генерала **Гроблера**¹⁷⁸, далее стояли войска: **Леммера**, йоханнесбургская полиция под командой **Вильюена (Фильюна)**, войска генерала **Снемана (Снимана)**, ещё правее – генерала **Деларея**, прибывшего с генералом **Снеманом** из-под Мафекинга.

Ещё месяц или шесть недель перед тем общую численность войск этих генералов можно было считать от 8000 до

10 000; ныне же генерал **Бота** считал, что под их начальством было едва ли более двух тысяч с небольшим; вот до какой степени растаяли войска трансваальцев и не от естественной убыли, то есть убитыми, больными или ранеными, а главным образом, если не исключительно, ушедшими по своим фермам или потерявшими своих лошадей; эти последние, если не уходят домой, то преимущественно держатся в нескольких верстах от передовых линий и отступают ранее, чем до них мог бы долететь хоть один неприятельский снаряд. При этом передвижение они совершают или по железной дороге, или на повозках.

Не считая той части войск генерала **Смэтса**, которая стояла у железнодорожной линии, войска названных генералов, расположившись по отрогам Гатцранда и Витватерсранда, заняли позицию протяжением не менее 30 вёрст. Очевидно, что позиция не была занята сплошь, а лишь некоторые холмы, находившиеся между собой в огневой связи.

За день 14 (27) мая никаких военных действий к югу от Йоханнесбурга не происходило.

Зато на следующий день с утра раздалась канонада верстах в пятнадцати к юго-западу от города Йоханнесбурга.

Оказалось, что несколько английских колонн, состоявших преимущественно из ездящей пехоты, соединившихся недалеко от истоков реки Клип, пытались прорваться к Йоханнесбургу, двигаясь по широкой равнинной полосе, которая пролегает от Йоханнесбурга в юго-западном направлении; по ней проложена большая грунтовая дорога от этого города к городу Потчестрону.

Английские батареи, насколько я мог судить, в числе трёх, отчасти перестреливались с двумя орудиями **Круппа** и двумя **Максима-Норденфельда**, отчасти обстреливали наугад все ближние и дальние холмы, очевидно в точности не зная, которые из них заняты противником, тем более что последний, ввиду дальности расстояния, ружейного огня не открывал.

Медленно продвигаясь вперёд английские конные колонны лишь около 3-х часов дня, верстах в двенадцати от

Йоханнесбурга, то есть когда уже им ясно видны были бесчисленные трубы золотых приисков, впервые попадают под ружейный огонь крюгерсдорпского лагеря, в котором было не более 200 человек. Люди эти прибыли вместе с генералом **Бота** с левого фланга и их расположили на гребне холма, вблизи вероятного пути наступления английской колонны.

Не выдержав этого огня, англичане повернули обратно и начали быстро отступать врассыпную. Но одновременно с этим их батареи, определив наконец, где именно залегли трансваальцы, сосредоточили по ним свой огонь.

Крюгерсдорпцы, в свою очередь, не выдерживают этого огня, покидают позицию, садятся на коней и точно так же врассыпную отступают. И таким образом противники разбегаются в противоположные стороны. На этом и закончились боевые действия этого дня.

Когда вслед за тем генерал **Бота** поехал объезжать позицию, то так же как и при занятии англичанами станции Ференихинга, поминутно попадались группы людей, покидавших на ночь свои позиции. Попытки генерала вернуть их на позиции далеко не всегда увенчивались успехом. Всё же вечером большая часть позиций была занята людьми; но за ночь некоторые были совершенно покинуты ими. Часть людей утром снова вернулась на свои места.

Если таким образом на следующий день численность трансваальских войск скорее уменьшилась, то, напротив, число английских войск, которые можно было различить стоя на позиции обороняющегося, значительно возросло, но это были преимущественно колонны, двигавшиеся вдоль правого берега реки Клип с обозами, как бы направлявшиеся на Крюгерсдорп с целью обойти Йоханнесбург с запада. Колонна ездящей пехоты, которая накануне пыталась прорваться в Йоханнесбург с запада, теперь, оставаясь на левом берегу реки Клип, образовала как бы боковой авангард.

На рассвете некоторые части трансваальцев, пользуясь складками местности, продвинулись несколько к югу, так что при своём движении эта колонна попала под огонь трансва-

альцев, в особенности, под огонь одного орудия **Максима-Норденфельда**, которое и заставило их немедленно отступить враспынную.

В это время, то есть к 11 часам 30 минутам дня, генерал **Бота** получает донесение, что англичане заняли железнодорожный узел Эландсфонтейн, что лишало возможности закончить эвакуацию боевых и продовольственных запасов с линии Потчестром – Эландсфонтейн, равно как и увезти подвижной состав этой ветви.

Для того чтобы решить, как поступить в подобных обстоятельствах, генерал **Бота** собирает малый военный совет из ближайших генералов, на котором решают, что генерал **Бота**, взяв с собой отряд генерала **Леммера**, в составе около 350 человек, и пять орудий, из коих два **Максима-Норденфельда**, двинется с ними через Йоханнесбург на соединение с войсками генерала **Смэтса** и совместно с ними попытается выбить англичан из Эландсфонтейна, по-видимому, занятого исключительно ездящей пехотой.

Однако на совещание потратили немало времени, и этот небольшой отряд выступил лишь в начале третьего часа дня. В четыре часа были в Йоханнесбурге и безостановочно продолжали путь, держа направление на станцию Ритфонтейн¹⁷⁹, причём от железнодорожной линии по выходе из города мы были отделены непрерывным рядом холмов, к склонам которых лепятся здания золотых приисков. Когда мы не сделали ещё и полпути до Ритфонтейна, наступила тёмная безлунная ночь, вследствие чего двигаться приходилось медленно.

Около семи часов утра генералу **Бота** дают знать, что на соседних холмах, шагах в 800 или 1000 к югу, замечены англичане; одновременно с этим английский развезд из четырёх человек прямо натывается на колонну, принимая её за своих. Трое из них схвачены и обезоружены, но одному под покровом темноты удаётся ускользнуть.

Не будучи уверенными, свободен ли дальнейший путь от неприятеля, посылают вперёд несколько человек, а колонна сворачивает с дороги, перерезает проволоочный забор, которые

встречаются здесь решительно на каждом шагу, и около двух часов ожидает возвращения посланных вперёд людей.

Наконец, несколько человек, хорошо знакомых с местностью, возвращаются и говорят, что всего лучше продвинуться вёрсты две вперёд и войти в середину золотого прииска; любой из них может служить естественным фортом, благодаря окружающим их громадным насыпным валам их отбросов производства.

Дойдя до прииска, в нём решили заночевать, однако лошадей из орудий не выпрягли и не расседлали.

На рассвете оказалось, что ночью колонна прошла шагах в 600 от английского лагеря, а ночевала шагах в 1500.

Англичане, благодаря грохоту орудий, не могли не слышать движения колонны, но напасть на неё, очевидно, не посмели.

Но если англичане чувствовали себя неловко в такой близости от противника, о чём можно судить по тому, что они, не желая обнаружить своего присутствия, соблюдали полнейшую тишину, то и большей части трансваальцев это соседство также пришлось не по душе, ибо утром оказалось, что из 350-ти человек, выступивших с генералом **Бота**, к утру налицо было немногим более ста человек.

Таким образом, главнокомандующий трансваальских войск, с пятью орудиями и ста человеками, ночует в 1500 шагах от неприятельского лагеря, не приняв при том почти никаких мер охранения, ибо более чем вероятно, что из числа нескольких человек, посланных по разным направлениям для охраны бивуака, большая часть была в числе покинувших лагерь.

Как только рассвело, люди и оружия были выведены из прииска и, расположившись на соседнем холме, открыли огонь по неприятелю.

Генерал **Бота** надеялся, что на звук орудийной пальбы соберутся как ночные беглецы, так и генерал **Смэтс** со своими людьми.

Вскоре, действительно, получены были сведения о генерале **Смэтсе**, но лишь при помощи гелиографа, который уведомил, что его войска находятся на пути к Претории, верстах в двадцати от нас.

Очевидно, что с сотней людей, хотя и с пятью орудиями, нечего было и думать выбивать англичан из Эландсфонтейна. К тому же к этому времени английская батарея и одно орудие **Максима-Норденфельда** открыли довольно частый огонь, под впечатлением которого и оставшиеся сто человек начали отступать. Пришлось генералу **Бота** отдать приказание орудиям прекратить огонь и отступать к Претории.

Долго англичане обстреливали отступивших орудийным огнём, но преследовать почему-то не решились, хотя малочисленность отряда, благодаря открытой местности, не могла не быть им известной. Замечательно, что при отступлении артиллерия двинулась по другой дороге нежели люди, оставшись таким образом совершенно без прикрытия. И даже это обстоятельство, которое, судя по направлению огня, не могло ускользнуть от внимания противника, не побудило его попытаться захватить эти орудия. При этом надо заметить, что английский отряд состоял из улан и ездящей пехоты.

По мере нашего приближения к Претории, ночные беглецы, или часть их, постепенно присоединялись к отступавшему отряду.

Люди и орудия были остановлены у станции Ирениа – верстах в десяти от Претории, сам же генерал **Бота** вошёл в город, желая переговорить с правительством. Но, к удивлению, он узнал, что ещё накануне президент и вся администрация покинули город, не предупредив никого.

Между тем коммандо других генералов, постепенно отступая перед надвигавшимся противником и сдав англичанам город Йоханнесбург без сопротивления, подходили к Претории.

Хотя и решено было, что Преторию как крепость защищать не будут, хотя бы уж потому, что нельзя было бы найти достаточно желающих вступить в состав гарнизона, которому пришлось бы выдержать осаду, тем не менее трансваальские генералы решились воспользоваться сильной естественной позицией, которую образуют ряды холмов, тянущиеся с запада на восток южнее города, то есть перпендикулярно к пути наступления противника.

Но люди в коммандо были, очевидно, иного мнения. По мере того как они подходили к городу Претории, вместо того, чтобы останавливаться южнее города, они все вступали в город, здесь старались запастись в правительственных магазинах чем можно было, и затем уходили на север.

Таким образом, 18 и 19 мая (старого стиля) в распоряжении главнокомандующего впереди Претории не было и тысячи человек – все остальные разбрелись.

Если бы в эти дни англичане, вместо того чтобы останавливаться в Йоханнесбурге, продвинулись бы вперёд, то заняли бы Преторию без выстрела, и тогда, когда в ней ещё находились большие запасы продовольствия и амуниции, которые с лихорадочной поспешностью перевозились по железнодорожной линии Претория–Коматипорт–Делагоабай.

Мало того, англичане даже не рискнули выслать хоть летучий отряд для того, чтобы перерезать отступление где-нибудь восточнее Претории.

Впрочем, в следующие дни беглецы понемногу стали снова возвращаться к своим лагерям и 20 мая их уже собралось более двух тысяч; очевидно, что и этих сил недостаточно было для занятия позиций впереди Претории.

Видя полное разложение трансваальской армии, наблюдая ежедневно, что люди положительно не желают больше подвергать себя опасности не только связанной с наступательными действиями, но даже с мало-мальски упорной обороной, можно было придти к заключению, что дело окончательно и безвозвратно потеряно и борьба продолжаться не может за отсутствием желающих сражаться.

Но для того, чтобы составить себе понятие, как смотрят на дело лица, стоящие у власти, а также в чём состоят их планы в ближайшем будущем, я решил проехать в Машадодорп, где ныне находится президент и лица высшей администрации.

К тому же не было основания предполагать, чтобы в ближайшие дни могло произойти какое-либо серьёзное столкновение.

По-видимому, трансваальские военачальники пришли к сознанию, что дальнейшая борьба немыслима, ибо люди при

приближении противника, только и думают о том, как бы поскорее покинуть позицию.

Что же касается президента и лиц близко к нему стоящих, то они, хотя и не могут не видеть, что бюргеры потеряли мужество и не имеют охоты драться, тем не менее твёрдо решили продолжать борьбу ещё и ещё, до последней крайности, и к тому же не теряют надежды, что через некоторое время население, побывав на своих фермах, вновь со свежими силами соберётся вокруг своих генералов.

Надеются также, что найдутся, наконец, люди, способные стать во главе партизанских отрядов, которые, бросившись на сообщения противника, не только будут угрожать им, как до сих пор делал и продолжает делать в пределах Оранжевой Республики генерал **Девет**, но и фактически прервут сообщение англичан с базой.

Понимая, таким образом, что единственная надежда принудить английскую армию к отступлению – это лишить её средств пропитания, правительство всё-таки не принимает тех мер, которые необходимы для этого.

Так, например, около станции Ференихинг находятся угольные копи, питающие железную дорогу от Претории вплоть почти до моря.

Очевидно, что необходимо было уничтожить эти копи, чем провозоспособность железнодорожной линии была бы уменьшена почти вдвое, ибо половина поездов занята была бы подвозкой угля вдоль линии. Всё это было известно правительству. Тем не менее копи эти попадают в руки англичан совершенно нетронутыми. Оказывается, что владелец копей явился к лицам, стоящим у власти, и убедил их, что он сам озаботится порчей машин, что, по его словам, надолго остановит эксплуатацию их.

Правительство ему поверило, а в результате копи работ не прекращали, кажется, ни на один день.

Что касается разрушения золотых приисков, то пришли к основательному заключению, что от их разрушения потерпит не столько Англия, сколько частные лица и к тому же наименее состоятельные. Впрочем, перед самым приближением англичан

были попытки по частной инициативе разрушить копи, но правительство немедленно приняло меры, чтобы не допустить этого.

Далее, правительство отлично сознавало, что следует разрушать линии железных дорог возможно основательнее.

Пока дело шло в пределах Оранжевой Республики, то разрушались хоть мосты, но довольно серьёзно.

Но когда боевые действия перешли на территорию Трансвааля, и нужно было разрушать собственную железную дорогу (железная дорога, хотя и составляет собственность частной акционерной компании, но по контракту с Трансваальской Республикой, все убытки, причиненные обществу войной, должны быть полностью возмещены), то и дело приняло совершенно иной оборот. Мост на реке Вааль хотя и был разрушен, но далеко не весь: взорвали всего один пролёт. Далее, до самой Претории, до 18 мая старого стиля, дорога оставалась совершенно нетронутой. Тогда директор железной дороги обратился с запросом к генералу **Бота**, не лучше ли взорвать хоть один мост около Претории, во избежание того, чтобы англичане не послали инженера взорвать ближайший к Претории (около станции Ирена) ничтожных размеров мост. Этим и ограничились железнодорожные разрушения как на магистральной линии, так и на её разветвлениях.

Правительство сознавало также, что следовало вывезти из Претории все запасы продовольствия. Но тогда представился вопрос, не будет ли население города страдать от голода, если вывезут из него все запасы. Сначала, ввиду этого, хотели даже оставить часть продовольственных запасов, принадлежавших правительству, но впоследствии решили передать их на руки населению безвозмездно. Нет сомнения, что при первом же затруднении в продовольствии английских войск, будет отдано распоряжение о возвращении продовольствия, розданного местному населению, и таковое всё же попадёт в руки англичан после того как они займут город.

Немалое затруднение вызвал вопрос о переведении пленных, которых ныне набралось почти пять тысяч, в том числе около двухсот офицеров.

Одно время их прямо хотели вернуть английскому правительству, после того как оно отказалось приступить к обмену пленных, так как последние представляют порядочную обузу.

Если бы англичане заняли Преторию 18 мая (старого стиля), то все пленные попали бы к ним в руки, ибо перевозить их к северу затруднительно, уже потому что там негде их поместить.

Ныне часть их успели перевезти на станцию Ноитгелахт (на полпути между Миделбургом и португальской границей), где для них устроен огороженный лагерь; но почти половина, и притом большая часть офицеров, осталась в Ватерфале, то есть верстах в 20 к северу от Претории.

Таким образом, и в действиях правительства видна непоследовательность: с одной стороны, желание во что бы то ни стало продолжать неравную борьбу, а с другой – непринятие мер существенной важности для того, чтобы иметь возможность вести её.

Ныне особенные надежды возлагают на действия генерала **Девета** и президента **Стейна**, вокруг которых снова собираются бюргеры Оранжевой Республики.

На этих днях оба одержали успех и взяли около двухсот пленных, с которыми уже решительно не знают что делать, но до сих пор им ещё не удалось хотя бы раз разрушить железнодорожную линию Блумфонтейн–Ференихинг.

Надеются, что со временем и трансваальцы снова соберутся к своим начальникам и борьба возгорится с новой силой. Если рано или поздно это и произойдет, то всё же сомнительно, чтобы эти люди обладали достаточной стойкостью в бою.

К тому же на этих днях англичане обнародовали прокламацию в Оранжевой Республике, в которой объявляется, что имущество (движимое) тех фермеров, которые раз изъявили свою покорность, а затем снова взяли за оружие, будет целиком конфисковано.

Если это не есть одна угроза, а таковая мера действительно и будет проводиться, то это значительно умерит пыл оранжистов, в особенности мало склонных приносить материальные жертвы¹⁸⁰.

Сноски

1> Совершенно верное замечание **Вандама-Едрихина**, но стоит добавить, что буры не смогли захватить Ледисмит не только благодаря упорству генерала **Вайта**, но и потому что их задержала безуспешная осада городов **Мафекинга** (командир гарнизона – полковник **Баден-Пауэлл**) и Кимберли (командир гарнизона – подполковник **Кекевич**) и они окончательно окружили Ледисмит, когда британцы успели привезти в него морские орудия, без которых городу было бы гораздо труднее продержаться всю долгую осаду. – *Прим. авт.-сост.*

2> Эскаладирование (франц. escalader — влезть, на стену, взять приступом) – взятие укреплений при помощи штурмовых лестниц.

3> Дело в том, что ряд фортификационных работ, наскоро сделанных англичанами для обороны Ледисмита, производились при самом активном участии полковника (позднее – генерала) **Вильяма Джорджа Кнокса** (см. ниже), участника осады Плевны на турецкой стороне, и наблюдатели не могли не отметить некоторую схожесть в ведении обороны Ледисмита и Плевны. – *Прим. авт.-сост.*

4> «Бурским» именуется один из видов охотничьих патронташей. Патронташ – необходимая принадлежность каждого охотника. Имеется их масса образцов. Тут дело вкуса. Но наиболее распространёнными, а, следовательно, и излюбленными являются сумочные, с крышками на 8–10 патронов, и наплечный двухрядный на 24–30 патронов. Бурский патронташ-ремень на 24–30 патронов неудобен, так как патроны, особенно папковые (бумажные), ничем не прикрыты сверху. (Этот патронташ имеет название патронташ открытый кожаный; бурский пояс; бурский патронташ...) Патроны в патронташи обычно кладутся так: папковые – доньшками кверху, а латунные – наоборот (Питерский охотник. Сайт для питерских любителей охоты).

Буры применяли несколько типов патронташей (бандольеров). Например, интересным бандольером являлся частично поясной, частично нагрудный самодельный патронташ в три ряда для патронов калибра 8 мм (8х60 мм) для винтовки **Гедез** (по примеру 17 патронов в каждом ряду), нашитый на специальный фартук. Патроны при этом помещались в отдельные гнёзда без дна (*Bester*

R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902. Brandford. 2003. P. 147). Многие бандольеры были заказаны в Англии, в частности, широкие бандольеры были сделаны на фирмах **Payne Bros** (для винтовки **Маузер**) (7 мм) и на фирме **Brangwin&Clark**. В бурских республиках выпускались кожаные бандольеры для патронов к винтовкам **Мартини-Генри** (11,43 мм), **Гедез** (8 мм) и **Ли-Метфорд** (7,71 мм). Самодельные и выпускаемые небольшими фирмами в бурских республиках патронташи различались столь большим разнообразием, что все виды описать невозможно. Обычно бандольер для патронов к винтовке **Маузер** состоял из двенадцати карманов, в каждом из которых размещалась пятизарядная обойма патронов, то есть в общей сложности 60 патронов. Самым популярным типом патронташа являлся бандольер с карманами с пятью дырками снизу для обоймы в пять патронов, с застёгивающейся сверху крышкой. Реже использовались подобные же типы патронташа, но с одной крышкой на четыре кармана с обоймами, застёгивающейся в трёх местах. Нередко использовался бандольер с одной крышкой, застёгивающейся на два кармана, по одной обойме в каждом. Карманы, в данном случае, были с дном. Ещё одним типом являлся патронташ с нашитыми непрерывными карманами с дном. Для патронов к револьверам и пистолетам применялись небольшие застёгивающиеся карманы в виде пенала, куда патроны помещали россыпью (*Bester R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902. Brandford. 2003. P. 326–327*). У англичан же, в свою очередь, было несколько типов патронташей (бандольеров) на 50 и на 60 патронов.

5> Интендант (фр. *intendant*) – военнослужащий офицерского состава, ведающий вопросами интендантской службы в воинских частях и учреждениях (снабжение войск продовольствием, фуражом, обмундированием).

6> В различных источниках число захваченных бурами при Колензо английских полевых артиллерийских орудий оценивается в 10–12 единиц (вероятнее всего африканеры, захватили 10, и два орудия англичане смогли спасти под сильнейшим огнём буров). – *Прим. авт.-сост.*

7> Новое Время. 1 (14) июня 1900. № 8713.

8> Становой пристав в Российской империи XIX – начале XX в. – исполнительный орган уездной полиции, компетенция которого простиралась на стан (небольшую административную единицу). Становой пристав подчинялся непосредственно уездному полицейскому управлению. Городами, где не было городской полиции, в полицейском отношении ведали становые приставы. Становому приставу подчинялся урядник как его помощник; ему же подчинялись и сотские. Назначение на должность станового пристава осуществляло губернское правление. Обязанности станового пристава были общеполицейского характера в пределах стана: наблюдение за порядком и общественной безопасностью, производство полицейских дознаний по преступлениям и исполнение всех распоряжений уездного полицейского управления. Жалобы на действия станового пристава рассматривались уездным исправником в трёхнедельный срок (по материалам Интернета).

9> Пастор (нем. Pastor, от лат Pastor – пастух) – священник протестантской церкви.

10> Атака на Ледисмит была назначена на 6 декабря, в субботу. На Платранд планировались силы в 750 человек и 300 человек в виде мобильного резерва. Их должны были поддержать артиллерийским огнём свыше 20 орудий, включая два **Лонг-Тома** калибра 155 мм и шесть скорострелок калибра 37 мм. Но англичане были предупреждены осведомителями (хотя позднее объясняли свои действия совпадением) и усилили Вагон-хил (западная часть Платранада) и Цезарькамп перед атакой на него двумя артиллерийскими орудиями (одно из которых – дальнобойное морское), то есть довели число бойцов на ожидаемом основном участке боя до 1000 бойцов при девяти полевых и одном морском орудии (Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 80).

11> Буры потеряли 56 убитыми, шесть смертельно ранеными и 110 ранеными, а англичане (местами бой перешёл в рукопашную и в

штыковую атаку) – 148 убитыми, 26 смертельно ранеными и 274 ранеными (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 81*).

12> Точнее, плотину медленно строили из-за того, что буры долго спорили между собой – кто главный при её возведении – генерал **Принслоо**, или инженер **Диамант**, или инженер **Малан**. Когда в начале февраля 1900 г. наконец назначили главным ответственным за строительство инженера **Малана**, то только через неделю работ он понял, что плотина (возводимая в теснине) в основании шириной в 40 метров и шириной в 100–140 метров у вершины должна включать в себя 160 000 мешков с песком, а не 30 000, как он предполагал первоначально. Англичан спасли и редкие дожди, что увеличивало уровень воды в городе медленно. Интенсивные работы по сооружению плотины были прекращены 24 февраля из-за наступления англичан (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 93, 96, 109*).

13> Новое Время. 5 (18) июня 1900 г. № 8717.

14> Амуниция – снаряжение военнослужащего, включая боеприпасы (кроме оружия и одежды).

15> **Герцог Джеймс Барри Мюнник** (1866–1942) – бурский генерал и государственный деятель. Родился в Капской колонии. Юрист по образованию (закончил Стеленбошский университет в Капской колонии и Виктория-колледж). Защитил диссертацию в Амстердамском университете. До войны – судья Верховного суда Оранжевого Свободного Государства. Участвовал в партизанской войне. Много сделал для того, чтобы уговорить часть буров, положивших оружие, вновь участвовать в борьбе. С начала 1901 г. становится известным партизанским командиром, оперируя в основном на юго-западе Оранжевого Свободного Государства. Настаивал на продолжении войны и сохранении независимости бурских республик. В 1907–1912 гг. занимал ряд постов в правительстве. Являлся одним из авторов «Закона о землях туземцев», запретившим чёрным с

1913 г. проживать вне отведённых им 13% территории ЮАС. В 1912–1913 гг. создал национальную (националистическую) партию, став политическим противником **Луиса Бота**. Выступал против участия Южно-Африканского Союза в Первой мировой войне и за смягчение приговора восставшим бурам. В 1924–1939 гг. – премьер-министр ЮАС. Проводил жёсткую политику раздельного проживания рас, всё более урезая и без того ограниченные политические и экономические права небелого населения. Отказался поддержать Великобританию во Второй мировой войне, но потерпел поражение в парламенте и подал в отставку, уступив свой пост **Смэтсу**, который и объявил 5 сентября 1939 г. об участии ЮАС в войне на стороне Великобритании. **Герцог** вышел из состава депутатов парламента и из Национальной партии и удалился на жительство на свою ферму в районе Витбанк. Он скончался 4 апреля 1942 г. в Претории.

16> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**. СПб., 1901. С. 318–322.

17> Пуд – старинная русская мера веса = 40 фунтам = 16,38 килограммам. 1 тонна = 61,48 пуда. 1 центнер (100 кг) = 6 пудов и 4 фунта. В современном разговорном русском языке один пуд означает тяжесть, весом в 16 кг.

18> Традиция учить малолетних детей стрельбе и охоте из нарезных охотничьих ружей и карабинов просуществовала у африканеров до 1970-х годов. Ныне она редко соблюдается даже в небольших городах и посёлках ЮАР. Но среднее поколение африканеров (в возрасте 45 лет и старше) в большинстве своём очень хорошо владеет охотничьими винтовками (многие из которых являются списанными и переведёнными в разряд охотничьих многозарядными боевыми винтовками), и если в ЮАР начнётся расовая война, то вновь на страницах мировой прессы появятся сообщения о мастерской снайперской стрельбе буров. – *Прим. авт.-сост.*

19> Байковые одеяла – сделанные из мягкой ворсистой хлопчатобумажной ткани.

20> Потник – войлок под седлом.

21> Мундштук – железный или стальной прибор (железные удила с подъёмной распоркой у нёба), вкладывался вместе с трензельным удилом в рот лошади и пристегивался к её оголовью.

22> Трензель – металлические удила, при управлении лошадью давящие ей на язык, на край нижней челюсти и углы рта. Другими словами, трензель (трензельное удило) – часть конского снаряжения, сделанное из полированной стали и состоящее из 3-коленчатого грызла, двух колец и двух боковых цепочек с дужками, которыми пристегивается к оголовью.

23> Недоуздок в отличие от уздечки не имеет железок и не используется при езде. Надевается на голову лошади вместо уздечки, чтобы могла щипать травку. Недоуздок длинный – до двух метров, чтобы можно было легко привязывать лошадь.

24> (Под грифом: «Не подлежит оглашению»). Война Англии с Южно-Африканскими Республиками 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**. Издание Военно-учёного Комитета Главного штаба. Санкт-Петербург. Военная типография (в здании Главного штаба). 1901. С. 7–8, 13–19, 29–30, 76–81, 83–84, 152–153.

25> Камуфлет (в данном значении) – разрыв артиллерийского снаряда под землёй без выкидывания земли и осколков.

26> Гаубица (нем. *Haubitze*) – полевое артиллерийское орудие со стволом средней между пушкой и мортирой длины, стреляющее навесным огнём (под углом до 75 градусов).

27> Мортира (лат. *mortarium* – ступа) – артиллерийское орудие с коротким стволом и крутой траекторией полёта снаряда. В основном ведёт огонь под углом свыше 45 градусов и предназначена для стрельбы по фортификационным и крепостным сооружениям и по войскам, находящимся за укрытием, и по палубам кораблей. С XIX в. мортиры входили в состав полевой артиллерии.

28> Сошник – подставка у орудия.

29> Имеются в виду пулемёты **Максим** под патрон калибра 11,43 мм (.45 дюйма) от винтовки **Мартини-Генри** (**Генри-Мартини**), иногда ошибочно именовавшиеся пулемётами **Мартини-Генри**. Патроны были быстро переоснащены с дымного на бездымный порох.

30> Пулемёты **Максим** под патрон калибра 7,71 мм (.303 дюйма), временами ошибочно именовались пулемётами **Ли-Метфорд**.

31> Вероятно, имелся в виду калибр 11,43 мм (.45 дюйма).

32> Вахмистр (нем. *Wachtmeister*) – военный унтер-офицерский чин (или должность) в кавалерии, жандармерии, казачьих войсках и конной артиллерии, соответствовавший званию фельдфебеля в пехоте. Являлся помощником командира эскадрона или батареи по строевой подготовке и хозяйству.

33> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 276–278.

34> Берма – узкий уступ или нетронутая узкая полоса земли на местном горизонте между рвом и насыпью, предохраняющая от осыпания насыпи в ров, кроме того, служит для облегчения выскакивания на бруствер при контратаках и местом для складывания патронов.

35> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 165–166.

36> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 241–242.

37> Келли-Кенни Томас (Kelly-Kenny Thomas) (1840–1914) – британский генерал, ирландец по происхождению. Участвовал в войне в Китае (1866) и Абиссинии (1867–1868). В 1896 г. – генерал-майор. Командовал дивизией, которая была послана после «Чёрной недели» (10–15 декабря 1899 г.) в составе войск лорда **Робертса**, чтобы переломить ход войны. Участвовал в наступлении в феврале 1900 г. и в окружении отряда **Кронье** у Паардеберга. Затем участвовал в боях у Попларгрова (7 марта) и Дрифонтейна (10 марта) 1900 г. После охранял коммуникации в Оранжевой Республике. Вернулся в Англию в ноябре 1900 г. В 1907 г. вышел в отставку в чине генерала армии.

38> Кнокс (Нокс) Чарльз Эдмонд (Knox Charles Edmond) (1847–1938) – британский генерал. Участник экспедиции в Бечуаналенд (1884–1885). Затем служил в Англии. Во время англо-бурской войны сначала в чине полковника командовал 13-й бригадой, которую при наступлении фельдмаршала **Робертса** послали в бесполезную фронтальную атаку на бурский лагерь **Кронье** при Паардеберге, по приказу **Китченера** временно замещавшего **Робертса**. Затем принимал участие в погонях за **Деветом** и окружил часть его войск у Ботавиля 6 ноября 1900 г. В 1901 г. опять гонялся за **Деветом**, который многократно смог перехитрить его. Только после окончания англо-бурской войны в октябре 1902 г. **Кнокс** получил чин генерал-майора. (О его дальнейшей службе сведений в справочных изданиях нет.)

39> Чермсайд Герберт Чарльз (Chermside Herbert Charles) (1850–1929) – генерал-лейтенант британской армии. Закончил Итон, по-

ступил на военную службу в 1868 г. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в чине капитана королевских инженеров состоял посланником и военным атташе в Турции. Затем служил в Египте и в чине полковника военным атташе в Константинополе. Потом командовал английскими войсками на Крите. Начало англо-бурской войны застало его в Ирландии в чине генерал-майора. Был послан в Южную Африку командиром 14-й бригады, а после отсылки за некомпетентность генерала **Гатакра** унаследовал его 3-й дивизион. В марте-апреле его войска захватили Реддерсбург. Во время наступления **Робертса** из Блумфонтейна до Претории **Чермсайду** была поставлена задача охранять железную дорогу, по которой осуществлялся подвоз боеприпасов и продуктов для армии с тыловых баз. Он расположил войска гарнизонами вдоль линии от Бетулии и Норвальспонта до Блумфонтейна, и от Бетулии через Девертспорт до Вепенера. При этом половину войск он отрядил для охраны тыла от вероятного нападения партизан. Благодаря его усилиям (и бездействию бурских партизан) английская армия, в начале июня 1900 г. не имея проблем с подвозом продовольствия, и заняла столицу Трансвааля. Затем часть под командованием **Чермсайда** несла охранную службу вдоль железных дорог севернее Претории, а в конце 1900 г. **Чермсайд** вернулся в Англию, где занимал ряд военных постов до отставки в 1907 г. в чине генерал-лейтенанта.

40> Кольвиль Генри Эдвард (1852–1907) – английский генерал. Закончил Итон. В армии с 1870 г. В 1883–1883 гг. служил в Капской колонии. Участвовал в войне в Судане в 1884–1885 гг. Затем в Египте и Уганде. В 1898 г. – генерал-майор, командир бригады в Гибралтаре. В англо-бурской войне участвовал в качестве командира гвардейской бригады. Участвовал в сражениях при Белмонте (23 ноября 1899), Граспане (Энслине) (25 ноября) и Моддер-ривер (28 ноября 1899 г.). Во время последнего **Метьюн** был ранен и **Кольвиль** временно исполнял его обязанности и прекратил атаку. После сражения при Маггерсфонтейне 11 декабря 1899 г. он сделал всё от него зависящее, чтобы убедить **Метьюна** прекратить атаки у Моддер-ривер. После прибытия нового главнокомандующего **Кольвиль** получил должность начальника девятой дивизии. Участвовал в окружении отряда **Кронье** у Паардеберга в феврале 1900 г., в сражении

при Поплас-гров 7 марта 1900 г. и в наступлении на Блумфонтейн. Позднее, 31 марта он был обвинён в том, что не пошёл на выручку отряду **Бродвуда**, потерпевшего поражение от **Девета** у Саннаспоса. Затем, по мнению начальства, он напрасно не пошёл на выручку отряду полковника **Спрагге**, которого **Девет** заставил сдаться у Линдлея 31 мая 1900 г. (правда, это происходило почти в 50 километрах от его отряда). После расформирования девятой дивизии лорд **Робертс** отправил его вновь командовать бригадой в Гибралтаре. В ноябре 1900 г. **Кольвиля** заставили вернуться в Англию, где он затея громкий скандал с участием прессы, объявив ей свою трактовку событий в Южной Африке, что не понравилось начальству, и в январе 1901 г. его отправили в отставку в чине генерал-лейтенанта. Написал книгу воспоминаний. Погиб в 1907 г. в автокатастрофе.

41> Смит-Дориен Хоурас (Хорак) Локвуд (Smith-Dorrien Horace Lockwood) (1858–1930) – английский генерал. Закончил колледж Харроу и в 1876 г. поступил на военную службу. Участник англо-зулусской войны (1879), во время которой участвовал в битве при Изандалавана (22 января 1879) и был одним из пяти английских офицеров, оставшихся в живых, и войны в Египте (1882) – подавляя восстание против англичан правителя Египта **Араби-паши**. Служил в Индии. Затем участвовал в завоевании Судана в 1898 г. (командовал батальоном в сражении при Омдурмане (2 сентября) и сопровождал лорда **Китченера** для встречи с капитаном **Маршаном** у Фашоды. Служил на Мальте, откуда был послан на театр англо-бурской войны. Командовал 19-й бригадой, входившей в состав 9-й дивизии генерала **Кольвиля**. Участвовал в сражении при Паардеберге (февраль 1900), когда **Китченер** погнал его часть во фронтальную атаку на лагерь **Кронье**. Затем в сражениях при Поплар-Гров (7 марта 1900). Участвовал в походе на Преторию и в боях (отличился при Израель Порт 25 апреля 1901 г.), Таба Нху – 27 апреля и Хаутнек (30 апреля – 1 мая 1900) и при Дорнкопе (20 мая 1900). После захвата Претории его часть охраняла железную дорогу от Претории до Кронштадта (справлялся хорошо и заслужил благодарность **Китченера**). С июля 1900 г. командовал кавалерийской дивизией и участвовал в погоне за **Деветом**, затем в Западном Трансваале гонялся за бурским генералом **Бен Фильюном**, после участвовал в окру-

жении районов, занятых бурскими партизанами. Отразил атаку буров **Бен Фильюна** 5 февраля 1901 г. у Белфаста, потеряв 24 убитыми, 78 ранеными и 70 попавшими в плен. Смог отбить атаку буров 5 февраля 1902 г. В апреле 1902 г. был послан в Индию, где служил в звании генерал-адъютанта, затем командовал южным военным округом в Англии. Во время Первой мировой войны командовал 2-м корпусом, а затем 2-й армией Британского экспедиционного корпуса, отличился в нескольких сражениях. Будучи «на ножах» с фельдмаршалом **Френчем** он в 1915 г. был переведён в Англию и подал в отставку. С 1918 по 1923 г. был губернатором Гибралтара. Скончался от ран, полученных в автокатастрофе.

42> Бродвуд Роберт Джордж (Broadwood Robert George) (1862–1917 гг.) – английский генерал. В армии с 1881 г. Участник военных кампаний 1896 г. (Донгола) (северная часть Судана) и Нильской экспедиции (1897–1898 гг.). Во время англо-бурской войны командовал вторым полком южноафриканской лёгкой конницы и затем, в начале 1900 г. – второй кавалерийской бригадой. Участвовал в сражениях при Паардеберге и в снятии осады Кимберлея. Его сводная бригада хорошо действовала на флангах во время наступления, заставляя буров уходить под угрозой обхода. Участвовал в операциях против партизан возле Блумфонтейна. Его часть попала в засаду, устроенную **Христианом Деветом** у Саннаспоса возле Ватерверка (водокачек) 31 марта 1900 г. Часть отряда смогла отбиться, потеряв 480 человек пленными, семь орудий и 117 повозок. Затем его бригада участвовала в марше **Робертса** к Претории, а после – в наступлении на позиции **Луи Бота** по направлению к границе Португальского Мозамбика. В июле того же года, командуя Второй кавалерийской бригадой, он участвовал в операциях против партизан в Оранжевом Свободном Государстве, но не смог окружить **Девета**. Затем уничтожал фермы и имущество буров в районе Магалишберга, а позднее вновь участвовал в походах против партизан. В апреле 1901 г., командуя другой бригадой под общим командованием генерал-майора **Эдварда Элиота**, он захватил почти в полном составе правительство Оранжевого Свободного Государства, хотя прези-

денту **Стейну** и удалось ускользнуть. Потом, хотя и без особого успеха, действовал против буров на севере бывшего Оранжевого Свободного Государства. В конце войны **Бродвуд** получил чин бригадного генерала. Затем командовал в 1903–1904 гг. войсками в Натале, а в 1904–1906 гг. – в колонии Оранжевой реки и Китае (1906 г.). С началом Первой мировой войны командовал войсками в Западной Англии, а позднее служил во Франции, где и погиб на Западном фронте в бою в 1917 г.

43> Английское двенадцатифунтовое (трёхдюймовое) орудие калибра 76,2 мм. Снаряд – 5,6 кг. Дальность – 4940 м (3380 м – со шрапнелью).

44> Шинель – форменное пальто со складкой на спине и хлястиком. Хлястик – узкая полоска ткани, пришитая или пристегнутая сзади для стягивания одежды в талии.

45> Фланель – лёгкая бумажная или шерстяная ткань, обычно с пушистым редким ворсом.

46> Хаки (khaaky) (хинди) – пыльный, грязный. Само слово «хаки» («каки») изначально персидское по происхождению и означает «земляной».

47> В данном значении – тёплая вязаная рубашка.

48> Вершок – старинная русская мера длины. 1 вершок - 1/16 аршина - 1.3/4 дюйма - 44,45 мм.

49> Рейтузы – в данном значении – узкие брюки для верховой езды, плотно обтягивающие ноги.

50> Обмотки позднее широко применялись не только в зарубежных, но и в Русской императорской и Советской армиях.

51> Портупея (фр.) – перевязь, бандалер; ремень, тесьма через

плечо, или поперечная, пояс с застёжкой, для шпаги, сабли, шашки, кобуры.

52> Саква – холщовый мешочек с овсом или с сухарями (перемётная сума), принадлежность седла.

53> Это было первое сражение, в котором прославился один из самых знаменитых впоследствии партизанских вожаков буров, генерал **Христиан Девет**.

54> Арьергард – часть войск (или флота), находящаяся позади главных сил.

55> **Китченер** у Паардеберга при окружении **Кронье**, пользуясь отсутствием главнокомандующего **Робертса**, приказал атаковать, и англичане потеряли 320 убитыми и до 1000 ранеными. **Робертс** с 11 февраля по 13 марта 1900 г. потерял 355 убитыми и 1782 ранеными, т.е. потери в основном пришлось на безуспешную атаку в начале обложения **Кронье** (По материалам Музея англо-бурской войны).

56> Английское удлиненное морское двенадцатифунтовое (76,2 мм) орудие. Снаряд – 5,7 кг (6,4 кг – со шрапнелью). Дальность – 8230 м (7385 м) (4100 м – с замедлением взрывателя). Во время англо-бурской войны использовалось 78 орудий данного типа. Их временно ставили на колёса от тяжёлых фургонов. Интересно, что изначально данные морские орудия были задуманы и устанавливались на боевых кораблях ВМС Великобритании для защиты от торпедных катеров и миноносцев – носителей торпед.

57> Гайлендеры (гейлендеры) (гайлендеры) (хайлендеры) – шотландские горцы.

58> Русский фунт – единица массы до 1918 г., один фунт = 1/40 пуда = 32 лотам = 96 золотникам = 9216 долям = 0,4095 килограмма. Другими словами 1 кг = 2,5 русского фунта. С 1918 г. русский фунт как единица массы был упразднён и с тех пор используется кило-

граммовая мера веса (1 кг = 1000 гр). Но ещё примерно 30 лет русский фунт использовался как мера веса в разговорной речи.

59> Золотник – старая русская мера веса (массы). 1 золотник = 4,266 гр.

60> Кроки (фр. *croquis* – набросок). – 1. Чертёж участка местности, отображающий её важнейшие элементы, выполненный приёмами глазомерной съёмки. 2. Быстро сделанный рисунок (обычно карандашный), схватывающий основные, наиболее характерные черты натуры, либо фиксирующий общий композиционный замысел архитектурного сооружения, живописного, скульптурного или географического произведения.

61> Буры (особенно граждане Оранжевой Республики) были очень сильно деморализованы окружением и капитуляцией «непобедимого **Кронье**» и некоторое время в большинстве своём почти не оказывали сопротивления наступавшим английским войскам.

62> Донесения Генерального штаба полковника **Стаховича**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. Донесение № XIX от 28 марта/10 апреля 1900 г. из г. Блумфонтейна. С. 1–64.

63> Имелись в виду оккупационные деньги. История оккупационных денег насчитывает около 100 лет... Первые подобные деньги выпускались английским правительством в период англо-бурской войны. На Первой мировой войне они широко не применялись, а вот во Вторую мировую пошли в ход... Внешний вид денежных знаков был похож на тот, к которому привыкли местные жители, или же отображал символику оккупированной страны. (Байкальская Служба Новостей, 6 мая 2004).

64> Лансеры – уланы (вероятно, от латин. *lansea* – копьё).

65> Интендантство – учреждение военного ведомства, в ведении которого находится снабжение войск.

66> Что же касается сверхтяжёлых английских орудий (калибра свыше 76,2 мм) применявшихся как полевые или осадные, то это были пушки с тяжёлых броненосных крейсеров первого ранга (броненосцев) **«Terrible»**, **«Powerful»** (оба водоизмещением 14 200 т, вооружение – два 234-мм (9,2-дюймовых) 12 152-мм (6-дюймовых) 12 76-мм (12-фунтовых) 12 трёхфунтовых пушек и четыре торпедных аппарата, длина корпуса – 150 м (длина корпуса крейсера больше чем была потом у дредноутов), скорость – до 22,5 узлов, или до 41 км в час, дальность плаванья до 7000 морских миль, или до 13 000 км, при скорости в 14 узлов, или 26 км в час), **«Monarch»** (во время начала англо-бурской войны носивший название **«Tartar»** (**«Преисподняя»**) но вскоре переименованный в **«Монарх»**) (по другим сведениям, переименования не было), и лёгких крейсеров **«Doris»**, **«Philomel»**, **«Forte»** (а именно – пушки калибром 4,7 дюймов) (119,4 мм; 120 мм) и 6 дюймов (152,4 мм), имевшие дальность до 10 000 метров. Самодельные тяжёлые орудия (в частности, 4-дюймового калибра) и снаряды англичане выделывали и применяли при отражении осады городов Мафекинга и Кимберли. Снаряды, как правило, заряжались лиддитом (пикриновой кислотой) (по материалам книги *Donald Mack «The Boer War of 1899–1902»*). По поводу самих кораблей стоит сказать, что крейсер **«Monarch»** (водоизмещение 8300 т) состоял в составе Британского флота в 1868–1905 гг. и являлся первым кораблём, чьи орудия калибра 76,2 мм (12-фунтовые) были помещены в защитные башни. Что же касается бронепалубного крейсера **«Powerful»** (водоизмещение 14 200 т), то он был в составе английского флота в 1896–1929 гг. Был переведён в резерв в 1904 г. и использовался у берегов Австралии, а в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) использовался для перевозки войск из Англии на театр военных действий. С 1919 г. был переименован в **«Impregnable»** (**«Неуязвимый»**) и использовался в качестве учебного корабля, а через десять лет был продан на слом. Другой однотипный бронепалубный крейсер первого ранга **«Terrible»** был в списках флота с 1895 по 1932 г. Был в 1920 г. переименован в **«Fisgard III»** и использовался до 1932 г., когда тоже был продан на слом.

67> Имеется в виду самодельное артиллерийское английское орудие **«Длинный Сесиль»** калибра 4,1-дюйма, или 102 (104) мм.

68> Крест Виктории – высшая военная награда Великобритании. Была учреждена в 1856 г. королевой **Викторией** после окончания Крымской войны. В королевском указе об учреждении креста было предписано: изготовить крест из бронзы двух пушек, захваченных у неприятеля под Севастополем (это были китайские пушки, захваченные русскими, и использовавшиеся под Севастополем). Награда эта весьма престижна и ею не разбрасываются. За всё время с 1856 до 1997 г. крест Виктории получили немногим больше 1400 (точнее, 1365 награждений с 1856 до 2006 г.) человек, а за всю Вторую мировую войну таких награждений было всего 182. (их чеканили не из «русских пушек») (по материалам статьи **С.В. Алексеева** и материалам Интернета). К этому стоит добавить, что Британский Крест Виктории не следует путать с одноимёнными наградами Канады, Австралии и Новой Зеландии

69> Эспаньолка – короткая заострённая бородка.

70> Дерби (анг. Derby) – соревнования на главный приз года для четырёхлетних рысистых лошадей (1600 метров, бега) и трёхлетних скаковых лошадей (2400 метров, скачки), впервые проведены в Англии в 1778 г. лордом **Дерби**. Проводятся во многих странах.

71> Пятичасовой чай (five-a-clock tea'a) ввела в моду во второй половине XIX века королева **Виктория**. Резкий рост потребления чая в Британской империи в подражание подданных своей венценосной повелительнице и в континентальной Европе – в подражание иностранцев новым английским обычаям, сподвигнул британские власти выращивать чай на острове Цейлон (ныне – Шри-Ланка, занимающая четвёртое место в мире по производству чая) и завезти туда рабочих на чайных плантациях – тамилы из южной Индии. В результате тамилы (индуисты) – до 18% населения живут преимущественно в северных и восточных малоразвитых районах острова и ведут с 1983 г. вооружённую борьбу за создание независимого государства (организация Тигры освобождения Тамил Илама) не только прямыми военными действиями, но и с помощью актов устрашения – подрывов смертников, нападений на политических деятелей и военные

объекты, а 70% населения острова – сингалы (буддисты по вероисповеданию) – всячески препятствуют этому. В гражданской войне погибло за неполные 20 лет уже свыше 70 тыс. человек. Регулярная армия Шри-Ланки к началу февраля 2009 г., после долгих и тяжёлых боёв, захватила все базы и города тамилы и в мае того же года фактически захватила все земли, ранее контролируемые тамилами, и, возможно, что открытый вооружённый конфликт подходит к концу, тем более, что половина тамильских бойцов сдались властям ещё в 2004 г. Впрочем, возможно, что война перейдёт в партизанскую и продолжится ещё долгое время в джунглях на севере острова. 18 мая 2009 г. – окончание гражданской войны в Шри-Ланке. Впрочем, сотни тысяч тамилы, разорённые войной, явно готовят новую войну сингалам, которая рано или поздно разразится, если, конечно, всех тамилы не выдворят со Шри-Ланки, к вящему удовольствию сингальского большинства. Следует заметить, что данный конфликт является прямым наследием давно почившей в бозе Британской империи. А подобных «замороженных» или явных или скрытых конфликтов насчитывается в бывших Британских колониях и протекторатах многие десятки.

72> Макдональд Гектор Арчибальд (MacDonald Hector Archibald) (1853–1903) – английский (шотландский) генерал. Получил начальное образование и поступил рядовым в армию. В звании сержанта участвовал в англо-афганской войне 1879 г., его храбрость была особо отмечена командующим британским корпусом генералом **Робертсом** – он был произведён в офицеры. Участвовал в войне 1880–1881 гг. Был захвачен в плен при сражении на Амаджубе в составе полка шотландских горцев Gordon Highlander; при этом его храбрость особо отметил **Жубер**. Вскоре был освобождён и участвовал в мирных переговорах с бурами. В 1883 г. был направлен служить в Египет. Участвовал в Нильской экспедиции 1885 г. Во время войн с махдистами в 1889–1891 гг. отличился своей храбростью и получил за это чин майора. Во время завоевания Судана **Китченером**, **Макдональд** командовал бригадой особо отличившейся в сражении при Омдурмане (2 февраля 1898 г.). Обе палаты британского парламента официально выразили ему благодарность. За это он полу-

чил чин бригадного генерала и служил в индийском штате Пенджаб с октября 1899 по январь 1900 г. После гибели генерала **Уочопа** в сражении при Маггерсфонтейне был послан в Южную Африку для командования бригадой шотландских горцев (хайлендеров) (Чёрной стражи), которая входила в состав 9-й дивизии генерала **Кольвиля**. Прибыв в Кейптаун 18 января 1900 г., он вскоре повёл свою бригаду вместе с другими британскими войсками в наступление, прославился в сражении у Кудусберга (15 февраля 1900 г.), что позволило выяснить направление отступления сил бурского генерала **Кронье**. Бригада горцев участвовала во фронтальной атаке на лагерь **Кронье** у Паардеберга по открытой местности и понесла огромные потери. Сам **Макдональд** был ранен в ногу. В мае 1900 г. его бригада участвовала в марше от Линдлея до Хейльброна. В июле **Макдональд** и генерал **Хантер** участвовали в окружении генерала **Прислоо**, сдавшегося англичанам. С июля по ноябрь бригада участвовала в окружении отрядов бурских партизан в центральных районах бывшего Оранжевого Свободного Государства. В ноябре дивизион разбили на небольшие отряды, которые разместили для несения гарнизонной службы. **Макдональд** был назначен командующим южного округа. С декабря 1900 г. он участвовал в преследовании отряда **Крицингера**, прорвавшегося в Капскую колонию. В апреле 1901 г. был назначен командующим Белгаумским округом в Южной Индии. В мае 1902 г. его перевели командовать британскими войсками на остров Цейлон. Но губернатор Цейлона в 1903 г. обвинил его в противоестественных наклонностях. **Макдональд** был вызван для дачи показаний и допроса в Англию. Было принято решение судом провести тщательное расследование обвинений, однако до этого дело не дошло, поскольку 25 мая 1903 г. генерал-майор **Макдональд** застрелился в Париже, оставив без отца своего сына **Гектора** (сам генерал был разведён). Его похоронили в Шотландии в Эдинбурге. За храбрость **Макдональд** был прозван «сражающийся Мак», и тот факт, что он дослужился от рядового до генеральского звания заслужил большое уважение среди шотландцев.

73> Чёрная Стража (Чёрный дозор) – первый по старшинству горный полк Шотландии, был основан в 1725 г. в составе шести

самостоятельных рот (из лояльных Англии местных кланов, в частности **Кемпбеллов**), чтобы патрулировать Шотландское Нагорье в период восстаний **якобитов** (сторонников династии **Стюартов**). Необычное название связано с очень тёмным цветом тартана (рисунка клетки) (тёмно-синего рисунка килта и чёрных мундиров) полка и его сторожевыми обязанностями. В 1739 г. эти роты были сведены в единый пехотный полк, который по королевскому указу впоследствии стал называться 42-м Горным. Красные султаны были пожалованы в 1795 г. в качестве особого полкового знака различия... Полк участвовал почти во всех войнах и походах британской армии... Ныне преобразованная в батальон Королевского полка Шотландии, Чёрная Стража расквартирована в Северной Ирландии... (Чёрную стражу не следует путать с одноимённым отрядом чёрных бойцов под командованием капитана **Макензи**, защищавшими город Мафекинг) (по материалам Интернета).

74> Видимо имеется в виду шестидюймовое (калибра 152,4 мм) осадное орудие.

75> Вагенбург (нем. wagen – повозка, burg – защита) – построение военного обоза при ночлеге или днёвке, применяемое в древности галлами, германцами и гуннами, и в Средние века, при нападении противника на обоз, последний располагался в форме четырёхугольника или полукруга, внутри которого находились лошади и люди. С развитием артиллерии вагенбург потерял своё значение и уже почти не применялся.

76> Спруйт Корнелиус Йоханнес (Spruyt Cornelis Johannes) (1857–1901) – бывший школьный учитель. Во время англо-бурской войны – фельдкорнет, затем командант (полковник) и генерал. Попал в плен 20 февраля 1900 г. в чине команданта во время атаки **Девета** при попытке деблокировать **Кронье** при Паардеберге, но сбежал, спрыгнув с поезда, перевозившего пленных, у Колесберга. Позднее был произведён в генералы и участвовал в партизанской войне. Был смертельно ранен в июле 1901 г.

77> Его седло вместе со стременами хранится в музее Йоркширского полка в Англии в небольшом городе Ричмонде (графство Северный Йоркшир), поскольку юридически **Кронье** сдался именно этому полку.

78> Тут явный намёк на подарок, сделанный российскими подданными в 1900 г., уже после того, как пришли известия о первых поражениях африканеров. Тогда были собраны 70 000 подписей в поддержку буров и вместе с небольшой скульптурной композицией под названием «Братина» (на которой было написано «командиру буров **Питу Кронье**»), они были преподнесены послу Южно-Африканской Республики в Европе доктору **Лейдсу**.

79> Смэтс (Смутс, Смэтс) Ян Христиан (Smuts Jan Christiaan) (1870–1950) – бурский генерал и политический деятель. Юрист по образованию. Закончил с отличием Стеленбошский университет в Капской колонии и Кембридж. С 1875 г. занимался адвокатской практикой в Кейптауне. До «набега Джемсона» 1895 г. поддерживал **Сесилия Родса**, затем переселился в Йоханнесбург, где выступал в газетах со статьями о приближающейся войне и о необходимости всеми силами защищать независимость Трансвааля. Был назначен генеральным прокурором Трансвааля в 1898 г. с громадным по тем временам окладом в 2250 фунтов стерлингов в год за то, что смог доказать английским же юристам, что Преторийская конвенция 1884 г. означает полную государственную независимость Трансвааля. Он предвидел неизбежность войны, но надеялся после поражений англичан на вооружённое вмешательство Франции, Германии, России, США. С началом войны ездил с поручениями от правительства к фронту в Наталь. При отступлении буров был фактически назначен временной главой правительства при эвакуации Претории и эвакуировал золото и золотых монет на сумму 500 000 рандов, принадлежавших государству, а также запасы оружия в Миддельбург. В июне 1900 г. он принял участие в совещании командиров, на котором было окончательно решено перейти к полномасштабной партизанской войне. Генералу **Деларею** было поручено действовать в Западном Трансваале, а **Смэтс** был назначен его по-

мощником. В его задачу входило поднять на борьбу многих рассеявшихся по домам бюргеров. Вместе с **Делареєм** они провели, ставшие знаменитыми, военные действия в Магалишберге. За это время **Смэтс** постигал науку партизанской войны. В декабре он и **Деларей** стали действовать обособлено, поделив округ. **Смэтсу** достался юго-западный округ, где он преобразовал отряды партизан. В октябре 1900 г. **Луи Бота** и президент **Стейн** прибыли в лагерь **Смэтса** в Кейферфонтейн, где обсудили план проведения массовой атаки в районе Ранда с целью уничтожения ряда шахт и затем крупными силами вторгнуться в Наталь и Капскую колонию. В мае 1901 г. положение партизанских отрядов осложнилось настолько, что вожди буров на встрече на ферме Имигранти возле Эрмело решили связаться с **Крюгером** и бурскими делегатами, посланными за рубеж, чтобы обсудить вопрос – следует ли продолжать боевые действия? **Китченер** дал согласие на это и **Смэтс** приехал в Стандертон, передал секретное послание через голландское консульство и в ожидании ответа проведаль свою жену в концентрационном лагере, где к тому времени скончался их сын. Получив ответ **Крюгера**, что война должна быть продолжена, и после того как военное и гражданское руководство на встрече в Ватерфале 20 июня 1901 г. поддержало это мнение, 1 августа он был послан в Капскую колонию с небольшим отрядом трансваальцев, по пути через Оранжевое Свободное Государство отряд постоянно участвовал в стычках с англичанами, прорывался через линии блокадов, потеряв около ста человек, окружённых вместе с их командиром **Крицингером**. С оставшимися **Смэтс** предпринял тяжёлый поход в котором приходилось постоянно отбивать у англичан продовольствие и боеприпасы в многочисленных стычках. Несколько раз он чуть не угодил в плен, были убиты или захвачены в плен люди из его ближайшего окружения. Была форсирована хорошо охраняемая река Оранжевая, затем дошли до Сирберга: часто меняли направление, чтобы избежать окружения превосходящими силами британских войск – через Камдебо, Аутснорн, Лангклооф, Эландсвай. К концу ноября отряд вернулся в места прежней дислокации после ставшего знаменитым рейда, в котором потерял 245 человек (в основном пленными) и захватив, уничтожив и ранив 800 англичан. Более тысячи лошадей,

много оружия и амуниции, а также сотни присоединившихся к ним африканеров из Капской колонии, были его трофеями. **Смэтс** был назначен, вместо попавшего в плен **Крицингера**, командующим 19 отрядами общей численностью свыше двух тысяч человек, в основном трансваальцев. Он разделил отряды на более мелкие партии и создал в северо-западном районе базы для атак в южных и западных районах. **Смэтс** много делал для установления регулярной связи между партизанскими отрядами, оперировавшими в отдалённых районах, в особенности, на границе с Юго-Западной Африкой (Намибией), через которую можно было связываться с бурскими вождями, находившимися в Европе. Несколько рапортов **Смэтса** были получены ими и опубликованы в качестве свидетельств жестоких мер англичан против буров. **Смэтс** активно участвовал в боях севернее Кейптауна (Конкордия и Спрингбок). В это время начались переговоры о мире и ему предложили участвовать в них. Для этого британцы предоставили ему поезд под охраной (его юридический статус – делегат на мирной конференции, а не военнопленный, как ошибочно пишут в ряде книг и в сети Интернет). Позднее он участвовал в переговорах о мире в Ференингене в качестве советника. Вопрос стоял о продолжении борьбы, но **Смэтс** понимал, что через какое-то время бурам придётся принять английские условия и согласиться с потерей независимости, иначе их попросту истребят в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве, поскольку помощи от ведущих мировых держав не последует, а поднять восстание в Капской колонии, по большому счёту, не удалось. Вернувшись после заключения мира в Намакваленд он распустил свои отряды и вернулся к юридической практике в Претории. Основал в 1905 г. Народную партию. В феврале 1907 г. эта партия одержала убедительную победу на парламентских выборах. **Смэтс** был одним из разработчиков новой конституции и закона об индийцах 1907 г., приведшего к волне ненасильственного сопротивления (Сатьяграха) под руководством **М. Ганди**. **Смэтс** занимал ряд министерских постов, в том числе пост министра финансов. В 1909 г. вместе с семьёй поселился на ферме в Дорнклофе возле местечка Ирен и прикупил земли поблизости. В 1912 г. кабинет столкнулся с политическим кризисом, когда **Герцог** вышел из его состава. В 1913 и

1914 г. произошли стачки белых шахтёров, а затем железнодорожников и золотодобытчиков, с требованием пересмотра законодательства и признания прав профсоюзов, улучшения условий труда. Стачка 1914 г. была жестоко подавлена полицией, а её вожди высланы из страны. После вооружённого восстания части буров, он вёл переговоры с мятежниками – **Деветом** и **Бейерсом**. После поражения восставших они были не слишком сурово наказаны. Только **Фурье** был казнён и то лишь потому, что не подал прошение об освобождении. **Смэтса** обвиняла молва в неслучайной смерти генерала **Деларея** и позднее, генерала **Бейерса**. Однако он заявил, что эти события ещё больше служили объединению белой нации, хотя на самом деле было наоборот. **Смэтс** командовал частью войск ЮАС при занятии Юго-Западной Африки к северу от Свакопмунда, а позднее, на юге страны, который легко занял за три недели. В 1916 г. в чине генерал-лейтенанта принял повторное предложение возглавить английские войска в Восточной Африке, куда были посланы части и из ЮАС. Бывший бурский герой – партизан **Смэтс**, по большому счёту, так ничего и не смог толком противопоставить талантливому немецкому генералу **фон Леттов-Форбеку**. В марте 1916 г. он оттеснил германские войска из района Килиманджаро, откуда они угрожали главной железнодорожной магистрали. Немецкие войска отступили к Усамбара, но **Смэтс** не стремился любой ценой окружить и уничтожить быстро передвигавшиеся войска неприятеля под руководством полковника **Пауля фон Леттов-Форбека**. Усилия **Смэтса** были направлены на то, чтобы оттеснить врага на юго-запад. Заняв после тяжёлого перехода в дождливую погоду, по непроходимым джунглям и кустарникам, в малярийных местах северных районов, **Смэтс** заболел малярией, как и многие другие. (**Смэтса** в мае 1917 г. на посту командующего сменил другой бур – генерал-лейтенант **Якоб (Яап) Луи Ван Девертер (Jacob (Jaap) Deventer)**, командовавший войсками ЮАС в Восточной Африке до самого конца войны (ноября 1918 г.). В марте 1917 г. **Смэтс** был в Лондоне как представитель ЮАС на Имперской конференции, продолжавшейся три месяца. За это время, по просьбе премьер-министра Великобритании **Давида Ллойд Джорджа**, он был во Франции с целью изучения военного положения на фронте и составил доклад.

Смэтс выступил за Британское содружество наций. В июне 1917 г. он отклонил предложение возглавить британские войска в Египте и Палестине, но согласился войти в состав британского военного кабинета. **Смэтс** руководил, в частности, комитетом по BBC (Военно-воздушные силы стали самостоятельным родом войск) и отвечал за использование всех ресурсов страны на военные цели. А позднее – руководил демобилизацией по завершении военных действий. Выступал за создание Лиги Наций. Настоял на отдельном участии в Версальской мирной конференции представителей от каждого доминиона. Критиковал грабительский мир с Германией, который неизбежно со временем приведёт к войне. Вернувшись в ЮАС в августе 1919 г., **Смэтс** был встречен восторженно и собирался отдохнуть, но неожиданная смерть **Луи Бота** от сердечного приступа 27 августа заставила его возглавить правительство. Однако Национальная партия выступала за полную независимость ЮАС и после парламентских выборов партия **Смэтса** оказалась в меньшинстве и была вынуждена пойти на союз с юнионистской партией. В 1921 г. Британия предоставила Вестминстерский статус – полный суверенитет парламентам доминиона, создание Британского содружества наций. В январе 1922 г. **Смэтс** столкнулся с новой проблемой – забастовкой белых горняков и золотодобытчиков, недовольных заменой их на более дешёвый труд чёрных. Предприниматели были вынуждены пойти на это, чтобы избежать банкротства и закрытия половины золотых приисков из-за резко снизившихся цен на золото. Несколько недель переговоров ни к чему не привели, и когда начались столкновения с полицией с человеческими жертвами, **Смэтс** применил войска 10 марта, и через несколько дней жестоко подавил вооружённое восстание горняков (в основном африканеров). 16 человек приговорили к смертной казни за убийства во время беспорядков, четырёх из них – повесили. **Смэтса** обвинили в предумышленном доведении ситуации до восстания с целью разгромить профсоюзы. **Смэтса** сильно беспокоило положение в Европе, захват Францией в январе 1923 г. у Германии Рура, являвшегося нарушением мирного договора с Германией. В 1924 г., после трёх лет засухи, резкого увеличения безработицы из-за мирового экономического спада и событий, связанных с подавлением заба-

ставки, к власти в ЮАС пришла коалиция Национальной и Рабочей партий, а **Смэтс** перешёл в оппозицию. В 1933 г. **Смэтс** стал министром юстиции и заместителем премьер-министра **Герцога**. В 1934 г. была создана новая объединённая партия. **Смэтс** выступал за раздельное развитие всех рас, живших в ЮАС. Его тревожила политика **Адольфа Гитлера**, после аншлюса Австрии в марте 1938 г., понял, что мир движется к новой мировой войне и выступал против сдачи Чехословакии **Деладье** и **Чемберленом**, за военный союз с Советским Союзом как единственный путь предотвращения надвигающейся войны. Когда переговоры закончились ничем он понял, что война неизбежна. После объявления Британией войны Германии, 3 сентября 1939 г. пути **Смэтса** и **Герцога** окончательно разошлись, но при голосовании в парламенте большинство проголосовало за предложение **Смэтса**: принять участие ЮАС в войне на стороне Великобритании, и **Смэтс** в возрасте 69 лет вновь стал премьер-министром. Под его руководством была проведена мобилизация, осуществлён переход экономики на военные нужды и произведено обучение лётчиков на прибывших из Великобритании самолётах. В середине 1940 г., когда Италия вступила в войну, первые батальоны южноафриканских войск были посланы в Кению, и бомбардировщики участвовали в бомбежках итальянских войск в Абиссинии. Войска ЮАС участвовали в освобождении Кении, Сомали и Абиссинии. Затем – в боях в Египте против наступавших войск генерала **Роммеля** и после в освобождении Ливии и Туниса в 1942–1943 гг. В 1941 г. **Смэтс** получил чин британского фельдмаршала. В 1944 г. он принял участие в конференции в Сан-Франциско, на которой была образована Организация Объединённых Наций. Он стал известен в мире, но его поддержка внутри страны сократилась. К 1948 г. он выступал за отмену дискриминационных законов против небелого населения ЮАС, однако потерпел поражение на парламентских выборах и отошёл от активной политической деятельности, хотя и стал руководителем оппозиции в парламенте. Неожиданная смерть сына, затем ближайшего соратника по партии **Хофмейера** и поражение на местных выборах в 1949 г., подорвали его силы. **Ян Смэтс** скончался в 1950 г. в возрасте 80 лет.

80> Это было делом рук генерала **Христиана Девета**.

81> Альбрехт Фридрих Вильгельм Ричард (Albrecht Friedrich Wilhelm Richard) (1848–1926) – родился в Германии, участвовал в франко-прусской войне 1870–1871 гг. (в частности, в боях у Сент-Прива и Вомона и в осаде Седана и Парижа). Проживал в Австро-Венгрии в городе Прага (ныне – столица Чехии). В 1880 г. переселился в Оранжевое Свободное Государство в качестве капитана и начальника всей артиллерии страны. Много сделал для приведения артиллерии в порядок по прусским стандартам. Был послан в 1894 г. в Германию для закупок артиллерии. Добился хорошей боевой выучки своих частей (вместо 5 офицеров и 14 солдат он создал корпус в 14 офицеров и 400 солдат и унтер-офицеров и столько же резервистов), не забывая и о средствах связи – полевом телеграфе. Уже при битве у Вельмонта (23 ноября 1899 г.) его артиллеристы показали себя прекрасными стрелками. Они участвовали в сражениях при Кимберлее 16 ноября, при Моддер-ривер 28 ноября, и при Энслине 7 декабря и при Маггерсфонтейне 11 декабря 1899 г. майор **Альбрехт**, с несколькими товарищами по оружию и четырьмя тяжёлыми полевыми орудиями, попал в плен вместе с отрядом **Кронье** при Паардеберге 27 февраля 1900 г. После войны он занимал крупный пост в Законодательной ассамблее Колонии Оранжевой реки до своей отставки в 1910 г. Скончался в 1926 г.

82> Августус Е.Ф. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901. № 7. С. 645–659.

83> Артамонов А.К. (1859–1932). Позднее – генерал от инфантерии. Участник Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., подавления восстания Боксёров в Китае в 1900–1901 г., русско-японской войны 1904–1905 гг. (командир дивизии) и Первой мировой войны. Окончил Константиновское и Михайловское артиллерийское училища (1879), Николаевскую инженерную академию (1884) и Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Известный военный учёный-географ и путешественник (совершил в 1897 г. путешествие в Абиссинию). Полковник с 1896 г. Получил чин генерал-майора за отличия при по-

давлении восстания Боксёров в 1900 г. В генерал-лейтенанты произведён в 1907 г. А с 1913 г. – генерал от инфантерии. В 1908–1911 гг. – начальник, комендант Кронштадтской крепости. В 1911–1914 гг. – командир 1-го армейского корпуса. В начале Первой мировой войны в августе 1914 г. в Восточной Пруссии в составе войск второй армии генерала **Самсонова** он командовал 1-м армейским корпусом. 18 августа 1914 г. был отстранён от должности после неудачных действий в Восточной Пруссии. С 1914 г. в резерве чинов при штабе Минского военного округа. В 1915 г. – комендант крепости Перемышль. С 1916 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. С 29 января по 12 апреля 1917 г. временно командовал 18-й Сибирской стрелковой дивизией. В 1918–1924 гг. работал в Моссовете, а позднее – бухгалтером. В 1927 г. арестован и выслан в Новгород. В 1930 г. реабилитирован, вернулся в Москву. Автор книг (редактор-составитель). Его перу принадлежат следующие книги: «Персия как наш противник в Закавказье. Сообщения, произнесённые в собрании офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа». Тифлис. 1889.; «Маршруты по Аз. Турции», Тифлис, 1889; «Северный Азербайджан». Военно-географический очерк генерального штаба капитана **Л.К. Артамонова**. Тифлис. 1890–1891 гг.; «Гератский театр военных действий», Асхабад, 1893; «Астрабад-Шахруд-Бастимский район и сев. Хоросан», Тифлис, 1892–1893; «Поездка в Персию. Астрабад-Хахрудский район и Северный Хоросан». Военно-статистическое исследование. **Л.К. Артамонова**. Генерального штаба подполковника. Ч. 1–2. Тифлис. 1894. Ч. 1; Ч. 2 (Хоросанский театр) 206 с.; «По Афганистану. Гератская провинция». Опыт военно-статистического исследования Генерального штаба подполковника **Артамонова**. Асхабад. Секретно. 1895 г.; «Покорение туркмен-текинцев русскими военными под начальством **Скобелева** в 1880–1881 гг.» Составитель **Л.К. Артамонов**. СПб. 1898. 3-е издание. 35 С.; Некролог сенатора Генерального штаба генерал-лейтенанта **Алексея Андреевича Тилло**, помощника председателя Русского Географического общества. СПб. 1900.; Сборник материалов по Китаю и борьбе с мятежным движением «Больших кулаков». СПб., 1900; Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке. Вып. I–XII. под ред. Генерального штаба полковника Артамонова.; Вооружённые силы Сербии. СПб., 1911;

Л.К. Артамонов (редактор). СССР. Управление военных топографов Рабоче-крестьянской Красной Армии. М.-Л. 1937 г. (издано через пять лет после смерти **Артамонова**); «Через Эфиопию к берегам Белого Нила (отчёт и статьи об экспедиции 1897–1899 гг.)». М. 1979.

Приведём и его биографию до Первой мировой войны:

Артамонов Л.К. – генерал-лейтенант, родился в 1859 г. Образование получил во Владимирской Киевской военной гимназии, Константиновском военном, Михайловском артиллерийском училищах, Николаевской инженерной академии и Николаевской академии Генерального штаба. Произведённый в 1879 г. в подпоручики 20 артиллерийской бригады, Артамонов принял с ней участие в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. и за боевые отличия награждён орденами Святого Станислава 3 степени, Святой Анны 3 и 4 степени. По возвращении из экспедиции **Артамонов** поступил сначала в Николаевскую инженерную академию, а по окончании её – в Николаевскую академию Генерального штаба. В 1897 г. с Высочайшего соизволения полковник **Артамонов** был командирован в Абиссинию, в составе чрезвычайной миссии, впервые отправленной к императору Эфиопии **Менелику II**. Эта командировка принесла **Артамонову** большую известность. Тотчас по прибытии нашей миссии в резиденцию **Менелика** – Адис-Абебу, **Артамонов**, по желанию негуса, отправился к корпусу **Дадьязмача Тасамы**, имевшему задачей дойти до реки Белый Нил на широте Ладо и сосредоточившемся на Западной границе Эфиопии у города Горе. Сопровождаемый двумя казаками, небольшим караваном, **Артамонов** прошёл в 20 переходов около 700 вёрст до Горе, но не застал уже там **Тасама**. Тогда **Артамонов** через совершенно неизвестные страны отправился на соединение с **Тасамой** и 15 апреля 1898 г. достиг, наконец, лагеря абиссинцев у реки Джубы. Тут он нашёл двух французов, оставшихся от неудачной экспедиции **Боншана** в 1897 г., имевшей целью пройти к Белому Нилу, соединиться с **Маршаном** и водрузить французский флаг на левом берегу реки, согласно договора **Менелика** с Францией. Совершив 11 переходов, корпус **Тасамы** вступил в пустыню Шир и, не имея водоподъёмных средств, очутился в крайне тяжёлом положении. На военном совете абиссинских военачальников, в котором принял участие и **Артамонов**, было решено с главными

ми силами идти к верховьям реки Джубы, а к Белому Нилу направить отборный отряд в 1 ½ тысячи человек. С этим отрядом отправился и **Артамонов** и 10 июня дошёл до слияния рек Сабата с Белым Нилом, который достигает здесь ширины 630 сажень и имеет очень быстрое течение и большую глубину. Так как никто не решался переправиться на противоположный берег и водрузить там французский флаг, то **Артамонов**, зная презрительное мнение абиссинцев о мужестве и решительности «белых», со словами: «Я помогу французскому государству» – бросился в воду, сопровождаемый своими казаками, достиг левого берега реки и водрузил там французский флаг. Вернувшись в Адис-Абебу 20 декабря 1898 г. и в Джибути 5 января 1899 г. **Артамонов** выступил оттуда, морем переправился в пределы английского протектората и ознакомился с побережьем от Зейлы до Берберы. Императорское Русское географическое общество ещё в 1882 г. избрало **Артамонова** своим действительным членом за доклад об Ахал-Текинском оазисе. В 1888 г. **Артамонов** издал 3 выпуска маршрутов и исследование Эрзерумского вилайета. Кроме того, напечатаны его труды: «Северный Азербайджан», «Астрабад-Шахруд-Бастамский район и Северный Хорасан», «Описание Гератской провинции». За труды в области географии **Артамонову** в 1899 г. Императорским Русским географическим обществом присуждена золотая медаль имени графа Ф.П. Литке. В 1900 г. **Артамонов** был назначен начальником штаба Южно-Манчжурского отряда и за отличие в делах против Боксёров произведён в генерал-майоры и награждён золотым оружием с надписью «За храбрость». По возвращении из китайского похода был назначен сперва командиром 2-й бригады 31-й пехотной дивизии, направленной в 1903 г. в Манчжурию, а затем, в феврале 1904 г., начальником 8-1 Восточно-Сибирской строевой бригады (потом – дивизия) и в октябре 1904 г. – начальником 54-й пехотной дивизии. В Мукденском сражении на долю этой дивизии выпала особая роль. К 17 февраля 1905 г. она занимала правый боевой участок позиции V Сибирского корпуса. Когда японцы в этот день перешли в наступление против 9-го корпуса, то повели обход и правого фланга позиции 54-й дивизии, вследствие чего ей приказано было в ночь на 18 февраля очистить Холентай и держаться в треугольнике Синтайзы–Сахобетай–Сандиоза. В предвидении, что

обход японцами его правого фланга будет продолжаться, **Артамонов** приказал приспособить к упорной обороне деревни Паюнчзуон и Сахобетай. Но японцы наступали столь энергично, что утром 18 февраля командир корпуса приказал очистить позицию у деревни Сандиоза. Согласно новой диспозиции, в ночь на 19 февраля отряд **Артамонова**, занимая позицию Шодалинзо–Ланшанцу, имел всего лишь 2 батальона в резерве. Утром этого дня снова обнаружился обход японцами нашей позиции в северо-западном направлении, а в 2 часа дня противник повёл атаку в промежуток между деревнями Шоуализа и Ланшанцу, очищенный нами ещё утром. Прибыв лично в деревню Шоуалинза, **Артамонов** испробовал все средства отстоять позицию, но убедился в невозможности удержаться в деревне, обстреливаемой артиллерией со всех сторон. Началось отступление в деревню Куанлинпу, причём контратакой Оровайцев дальнейшее движение японцев было остановлено. Ночью 20 февраля командир корпуса приказал отряду **Артамонова** отойти на новую позицию между деревнями Слытхайхы и Бейтацзын: арьергарду было указано «непременно завязать бой с противником и, отступая на нашу новую позицию, заставить его тянуться за собой». К рассвету 20 февраля главные силы отряда прибыли на новую позицию и удерживали её в течение целого дня, невзирая на все попытки противника овладеть ей. 21 февраля противник не предпринимал против позиции 54-й дивизии никаких активных действий, а 22 февраля вечером было получено приказание отвести некоторые части дивизии к Мукдену, в состав стратегического резерва главнокомандующего. В распоряжении **Артамонова** осталось всего 5 батальонов, 24 орудия и 1 сотня, с которыми он, согласно приказания главнокомандующего, и выступил 23 февраля на деревню Ируэртун, в распоряжение командира VIII корпуса генерала **Мылова**. Последний направил отряд генерала **Артамонова** на Тацзыин, где он составил резерв отряда, занимавшего фронт деревень Слююза–Цуэртун–Фандятун. Вечером 24 февраля 1904 г. генерал **Мылов** приказал **Артамонову** вступить в командование всеми частями, занимавшими деревни Сягоуза, Тунчанца, Кусантун и Сесинтун, и во что бы то ни стало удерживать эту позицию. Кроме частей 54-й дивизии, под начальство **Артамонова** поступили: 3 батальона Томского, 1 батальон Тобольского полков и роты

маршевых команд. В 2 часа по полуночи 25 февраля стало известно, что деревня Сесинтун занята японцами, что от батальона тобольцев осталась горсть нижних чинов без офицеров, что томцы, оставшиеся в Кусантуне и в Тунчанца, понесли огромные потери и сильно утомлены. Прибыв в деревню Сягоуза, **Артамонов** застал там остатки частей как чужих, так и своих, бывших в отделе, и привёл эти части в порядок. Завязалась упорная борьба за деревню Тунчанца, которую японская артиллерия расстреливала с 1500 шагов, и сюда **Артамонов** направил все имевшиеся у него части. В полдень деревня Тунчанца была нами потеряна, и в 11 часов вечера 25 февраля отряду **Артамонова** приказано было отходить. За время с 15 февраля по 1 марта 1905 г. 54-я дивизия потеряла 124 офицера и 5760 нижних чинов; в её рядах осталось 3210 человек. За отличия в делах с японцами **Артамонов** награждён орденом Святого Станислава 1 степени и Святой Анны 1 степени с мечами. В январе 1906 г. **Артамонов** был назначен временно командующим 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией с приказанием вступить в исполнение должности коменданта крепости Владивостока, с правами временного генерал-губернатора Владивостокского крепостного района. В июле 1906 г. **Артамонов** был назначен начальником 22-й пехотной дивизии; в 1907 г. произведён в генерал-лейтенанты, 14 декабря того же года назначен главным начальником Кронштадта, в марте 1911 г. – командиром сперва 16-го, а потом 1-го армейского корпуса. (Военная энциклопедия, СПб. 1911 г., Т. 3. С. 67–69.) В 1913 г. он был награждён орденом Белого орла, а в 1916 г. – орденом Святого Александра Невского. (Решение об отступлении (под Ляоляном) было принято **Куропаткиным** после получения донесения от некоего генерала **Артамонова**, занимавшего участок на фронте бездействовавшей 3-й армии. **Артамонову** почудилось скопление каких-то крупных сил противника. Это оказалось на руку нашему главнокомандующему, давно лелеявшему мечту отказаться от широких планов наступления, связанных со столь опасной, по его мнению, разброской сил. Попытки 1-го Сибирского корпуса развить наступление не входили в планы **Куропаткина**, а виновным оказался не **Артамонов**, доносивший о мнимой угрозе, а **Штакельберг**, притянувший на себя значительные силы противника. **Артамонову** это не помешало впоследствии полу-

чить в командование корпус, паническое бегство которого в Первую мировую войну послужило началом разгрома армии **Самсонова** в Восточной Пруссии. (Главкомандующий) Великий князь **Николай Николаевич Романов** в припадке ярости, как рассказывали, сорвал с **Артамонова** погоны. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М. 1989. Т. 1., С. 313.) Генерал-лейтенант, путешественник, инженер, географ **Артамонов Леонид Константинович** участвовал в Первой мировой войне, а после Октябрьской революции 1917 г. работал бухгалтером и скончался в 1932 г. По некоторым сведениям, именно он, работая военным советником в Красной армии, настоятельно советовал в 1921 г. не захватывать вооружённым путём Грузию и Армению, совершенно справедливо полагая, что при следующем изломе России они опять станут независимыми и не вспомнят тех огромных сил и средств, которые многие поколения закачивали в эти районы Российской империи и СССР, забывая, что в противном случае они бы существовали лишь как отсталые исламизированные провинции Ирана (Персии) или Турции.

84> Общество ревнителей военных знаний существовало в Санкт-Петербурге и других городах (Вильно, Риге (с 1900 г.), Минске, Сувалках, Калуге, Оренбурге и Чугуеве (с 1904 г.), Самарканде) в 1898–1919 гг. и Белграде в 1919–1924 гг.

85> Имеются в виду винтовки **Мартини-Генри** различных модификаций калибра 11,43 мм (.45 дюйма) (патрон 11,43х60) оснащённые дымным порохом. Но закупили их по причине любви бурского главнокомандующего генерала **Кронье** к винтовкам и карабинам крупного калибра, а не хитрости ради. – *Прим авт.-сост.*

86> Новое Время. 10 (23) марта 1900. № 8632.

87> Бурских генералов **Жубера** и **Кронье** многие исследователи, возможно небезосновательно, обвиняли, да и обвиняют до сих пор, даже не в грубейших ошибках в проведении операций, а в самом прямом и заранее спланированном сговоре с британцами по поводу предстоявших боевых действий буров. Было очевидно, что следова-

ло бы сразу после ультиматума **Крюгера** 3 октября 1899 г., не дожидаясь окончания мобилизации африканерских отрядов и пока не прибыли английские подкрепления из Индии, захватить или Наталь с портом Дурбан (хотя на эту операцию могло просто не хватить сил и средств), или же идти маршем в Капскую колонию, в надежде поднять там массовое восстание десятков тысяч африканеров, а не распылять немногочисленные бурские силы на осаду сразу трёх английских городов и охрану горных проходов. Но о правильности подобных выводов авторам судить трудно, поскольку даже взгляды непосредственных очевидцев тех событий не дают однозначного ответа на вопрос о возможном сговоре некоторых бурских вождей с врагом.
– *Прим. авт.-сост.*

88> Сообщение **г. Потапова**, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке. № III, от 22 февраля/6 марта 1900. из лагеря под Glencoe. С. 1–6.

89> Кордон (фр. Cordon – шнур, лента) – заградительный или пограничный отряд, местопребывание охраны, караула, растянутое расположение войск вдоль определённой линии или для обороны страны отдельными отрядами на путях и направлениях возможного движения противника.

90> Слово «коммандо» (commando) означало первоначально любой конный отряд африканеров. Однако после перехода войны в партизанскую, оно постепенно превратилось в широко распространённый термин, обозначающий небольшой по численности, но хорошо подготовленный диверсионный конный отряд.

91> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко** № IV. От 9/22 марта 1900. На пароходе «**The Mexican**» (Мексиканец) из Капштадта в Лоренсу-Маркеш. С. 1–6.

92> *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War 1899–1902. Rodepoort. 1981. P. 76.*

93> Вильбоа (Вильбоа) де Марейль (де Марей) Георг-Арни-Эми-Мари-Виктор (1847–1900) (**De Villebois-Mareuille George Henry Annee-Marie Victor**) – француз, из аристократической семьи (граф в двенадцатом колене), полковник в отставке. По военной специальности – морской пехотинец. Окончил училище в Сен-Сире. Служил в Кохинхине (Вьетнам), Алжире. Ветеран франко-прусской войны 1870–1871 гг., во время которой был ранен. Участвовал в кампании в Тунисе в 1881 г., командовал Иностраннным легионом. В 1895 г. ушёл в отставку (возможно, из-за смерти молодой жены). В 1896–1899 гг. написал воспоминания и несколько книг, а также занимался чтением лекций, в которых разоблачал продажных французских политиков, которые, по его мнению, вели Францию и её вооружённые силы к катастрофе. После начала англо-бурской войны 25 ноября 1899 г. прибыл в Преторию и был назначен военным советником главнокомандующего **Жубера**. Присутствовал при сражении у Колензо 15 декабря. Предложил **Жуберу** план атаки Ледисмита. Затем присутствовал при неудачном штурме бурами Мафекинга. Недовольный бездействием **Жубера**, он отправился к генералу **Кронье**. Однако его план захвата Кимберлея отрядом французских добровольцев хотя и был одобрен, но так и не приведён в исполнение. Во время наступления англичан он вместе со своим Французским корпусом избежал окружения. Участвовал в сражении при Абрамскраале 10 марта 1900 г. Был назначен фехт-генералом (боевым генералом) и командиром Иностранного легиона (сборного отряда иностранных добровольцев). 4 марта 1900 г. с частью Иностранного легиона – чуть более 100 человек – в основном французов, голландцев и частично буров (75 добровольцев и 11 буров) отправился в тыл англичанам с целью провести диверсию на железной дороге близ Кимберлея, но (возможно, из-за плохих проводников) 5 апреля был окружён возле Бошофа превосходящими силами англичан (750 бойцов при четырёх полевых орудиях) под руководством лорда **Метьюна** и вместо отступления занял два холма, но после четырёхчасового боя его отряд сдался, потеряв убитыми семь человек (по другим сведениям – восемь человек), включая своего командира, атаковавшего британцев с целью прорыва при приближавшейся тропической грозе и 11 ранеными. Англичане потеряли в этом бою трёх бойцов убитыми и

десять ранеными. **Граф Вильбоа де Марейль** был похоронен с воинскими почестями. В 1971 г. его останки были перезахоронены в Маггерсфонтейне в присутствии его внуков. Множество памятников графу **Вильбоа де Марейлю** были установлены в различных французских городах. На родине его заслуженно чтят, как храброго героя. Полевые дневники графа **Вильбоа де Марейля** об англо-бурской войне были опубликованы на многих европейских языках и являются ценным источником сведений о тех событиях.

94> Штабс-ротмистр – до революции офицерский чин в кавалерии, равный штабс-капитану, а также лицо, имеющее этот чин. Соответствует нынешнему званию капитана.

95> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко** № V от 17/30 марта 1900 г. из Претории.

96> Линч Артур Альфред (Lynch Arthur Alfred) (1861–1934) – ирландский доброволец, писатель, воевавший на стороне буров. Родился в Австралии в ирландско-шотландской семье. Окончил университет в Мельбурне по специальности инженер. Затем уехал в Европу в 1890 г., где изучал философию в Берлинском университете и получил диплом инженера-электрика в Париже. Занимался некоторое время журналистикой в Англии, затем стал репортёром в газете «Electrical Engineer». После начала англо-бурской войны поехал в Трансвааль в качестве военного корреспондента. Сформировал вторую ирландскую бригаду в составе бурских войск (первой бригадой командовал **Макбрайд (MacBride)**, получил чин полковника. Участвовал в сражениях при Вашбанке (12 мая 1900 г.), где задержал на несколько часов атаку **Торнейкрофта**. После эвакуации Претории **Линч** уехал из Южной Африки сначала в США, а затем во Францию. Свои впечатления за шесть месяцев службы у буров он описал в «En compagnie avec les Boers; notes critiques». (Компания с бурами: критические замечания). Его имя стало известным и в ноябре 1901 г. он был избран в Британский парламент от ирландской фракции, находясь во Франции. По прибытии в Англию в 1902 г. был арестован и через год приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным

заклЮчением, но через год освобождён, после просьбы со стороны влиятельных друзей. В 1907 г. английский король **Эдуард VII** окончательно помиловал его. В 1909 г. он был избран в Палату общин от одного из округов в Ирландии. Получил образование врача-терапевта. С началом Первой мировой войны предложил свои услуги английской армии как офицер по рекрутскому набору в Ирландии, что привело к тому, что в 1918 г. он потерял своё место в парламенте. Написал множество книг, в частности, «My Life Story», «The Case against Einstein» (История моей жизни).

Первой ирландской бригадой командовал **Макбрайд. Макбрайд Джон (MacBride John)** (1868–1916) – ирландский доброволец на стороне буров, журналист, командир Первой ирландской бригады. С 1895 г. жил в Трансваале. В середине 1899 г. стал готовить отряд ирландцев для помощи бурам. Участвовал во многих сражениях войны с первых дней конфликта. Позднее жил в Париже. Избирался, как и **Линч**, членом английского парламента от Ирландии, находясь за границей, в Париже, где работал корреспондентом ряда американских и ирландских газет. Позднее ему было разрешено вернуться в Ирландию, где он служил в муниципалитете Дублина. В 1916 г. принял участие в восстании против английского господства. Его схватили, припомнили участие в англо-бурской войне и казнили в числе первых. Перед смертью он отказался просить помилование. Его помнят в числе мучеников ирландского народа. Его сын **Шон Макбрайд** был первым министром иностранных дел Ирландии в 1949 г. а позднее – личным представителем Генерального секретаря ООН по Намибии.

97> Провизор (от лат. *provisor* – заготавливающий) – аптечный работник с высшим фармацевтическим образованием.

98> Капельмейстер (нем. *Kapellmeister*) – в данном значении дирижёр театрального, военного или симфонического оркестров.

99> Сообщение **г. Потапова**, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке. № IV. от 4/17 марта 1900 г. из лагеря под Glencoe.

100> Салазки – в данном значении – скользящая деталь в некоторых машинах.

101> Трансвааль. Артиллерия. Население и пространство Южно-Африканской республики по округам. (Сб. материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899–1900 г. под ред. полковника Генерального Штаба **Артамонова**. Изд. Военно-учёного комитета Главного штаба. СПб. Вып. VII. С. 65–66, 71–72).

102> Канонир (нем. *kanonier*) – пушкарь, артиллерист-наводчик; в царской артиллерии рядовой второго разряда, нижний чин ниже бомбардира.

103> Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899–1900 гг. под ред. полковника Генерального Штаба **Артамонова**. Изд. Военно-учёного Комитета Главного штаба. СПб., Вып. XX. Военные действия в Южной Африке с октября 1901 г. по январь 1902 г. С. 180–181.

104> На складах в Трансваале находилось в начале войны 37 100 винтовок **Маузер**, 31 600 ружей **Мартини-Генри**, 4750 винтовок **Гедез**, 2340 ружей **Ли-Метфорд**, и 100 норвежских винтовок **Крайоргенсон**. В Оранжевом Свободном Государстве на складах находилось 12 700 винтовок **Маузера**, 12 000 ружей **Мартини-Генри**, 1400 винтовок **Гедез** и 300 ружей **Ли-Метфорд** (Boer Commando 1876–1902. Ж. *Warrior*, № 86, Р. 27.). Интересно отметить, что во время Первой мировой войны устаревшие винтовки **Маузер** образца 1896 г. калибра 7 мм (патрон 7х57 мм) (так называемый испанский **Маузер**) поставлялись в Российскую империю (точное количество не выяснено). А во время Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) гораздо более устаревший вариант винтовки **Маузер** образца 1893 г. (патрон 7х53 мм) поставлялся из-за рубежа белым армиям (точное количество не известно) (по материалам музея пограничных войск ФСБ России).

105> Однозарядные винтовки **Мартини-Генри** (11,43 мм, или

.450 дюйма), применявшиеся во время англо-бурской войны были четырёх модификаций (**Martini-Henry Mk.I, Martini-Henry Mk.II, Martini-Henry Mk.III, Martini-Henry Mk.VI**), пятой модификацией являлся карабин **Мартини-Генри**, производившиеся с 1874 по 1887 г. Много винтовок данного типа было распределено среди чёрных, лояльных Великобритании, помогавших отражать осаду трёх окружённых бурами городов – Мафекинга, Кимберли и Ледисмита, и среди чёрных служивших для охраны блокгаузов и для поиска бурских партизан во время англо-бурской войны, а также для вооружения племён, живших в Капской колонии и Натале, для отражения нападений бурских партизанских отрядов и для вооружения туземной полиции следившей за порядком. Интересно, что в каждом блокгаузе помимо офицера и шести солдат было и четверо чёрных, размещавшихся на флангах на расстоянии 400 ярдов от блокгауза. Двое из них были вооружены (как правило, старыми однозарядными винтовками **Мартини-Генри** калибра 11,43 мм) (*Bester R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902. Brandford. 2003. P. 33, 36, 37*).

106> Вестлей-Рихард (Вестлей-Ричардс) (Westley Richards) – очень дорогое английское дуствольное охотничье ружьё, выпускаемое и по настоящее время, высоко ценится любителями голубиной охоты. Здесь имелась в виду винтовка **Вестлей-Ричард** образца 1897 г. стрелявшая дымным порохом и произведённая для Трансвааля по образцу однозарядной винтовки **Генри-Мартини** калибра 11,43 мм (.45 дюйма) (11,43x60R) производства английской фирмы **Вестлей-Ричардс**, применявшаяся обеими сторонами во время англо-бурской войны.

107> Однозарядная винтовка Гедез (длина 1210 мм и вес 4,1 кг, четыре нареза в стволе) была разработана капитаном португальской армии **Луишом Фаусто де Кастро Гедез Диашом** – калибра 8 мм (патрон с дымным порохом 8x60) и была принята на вооружение в 1885 г. Производилась она с 1886 г. в Австро-Венгрии на фирме **Steyr** (заказ на 40 000 единиц, но после производства 18 000 винтовок заказ был отменён, при этом Португалия заплатила за сде-

ланную работу 132 миллиона рейсов), поэтому её именуют «австрийской винтовкой». Но осталось, по различным оценкам, от 8000 до 9000 единиц не купленными Португалией, которая разрешила фирме продать их для возмещения издержек. И хотя патрон винтовки **Гедез** оснащался дымным порохом, позднее собирались заменить его на бездымный (это произошло лишь частично), как позднее поступили англичане с патроном .303 (7,71 мм) для винтовки **Ли-Метфорд**, выпускавшейся первоначально в 1888 г. под дымный порох, но через несколько лет уже в бездымном варианте. Следует отметить, что патрон для винтовки **Гедез** (8х60) (**Штайр-Гедез**) (**Стайр-Гедез**) являлся не только первым в мире мелкокалиберным винтовочным патроном, но и первым патроном с бутылочным (суживающимся) горлышком. С 1893 г. их закупал Трансвааль по благословлению главнокомандующего **Пита Жубера** за 8,5 фунта за штуку (с 500 патронами в придачу для каждой винтовки) для проведения опытных стрельб. В ноябре 1894 г. было заключено правительством Трансвааля соглашение с английской фирмой **Stein&Hunter** о поставке 3000 винтовок **Гедез** (8х60) по цене 2 фунта стерлингов и одного шиллинга за штуку и 1,5 миллиона патронов к ним. Они были доставлены в 1896 г. через Делагоа. Затем поступили дополнительные заказы. Интересно, что поставка шла через Капскую колонию, поскольку не нужно было платить пошлину Капской колонии, если винтовки предназначались для вооружённых сил Трансвааля и их не продавали частным лицам. Поставки 5000 винтовок и 500 000 патронов были осуществлены в 1895 г. через Порт-Элизабет. Патроны к винтовкам данного типа не производились в Трансваале. Цена патронов с доставкой составляла позднее 6 фунтов стерлингов и 7 шиллингов за каждую тысячу патронов. Всего было поставлено в бургские республики 7505 винтовок **Гедез** (возможно, что до этого винтовок 800 было заказано частными лицами) и свыше 1 700 000 патронов, не считая 5 000 000 патронов заказанных частными лицами. Но лишь 500 300 патронов были оснащены бездымным порохом. 1400 винтовок **Гедез** и 954 000 патронов к ним было в ноябре 1899 г. послано Трансваалем своей союзнице – Оранжевой Республике (*Bester R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902. Brandford. 2003. P. 159–176*).

108> Патроны для винтовки **Гедез (Штайр-Гедез)** (8х60 мм) оснащённые дымным, а позднее и бездымным порохом производились, в частности, в Австро-Венгрии в Вене на заводах **Keller and Company** и **George Roth** (интересно отметить, что сами австро-венгерские винтовки **Гедез (Guedes)**, были закуплены Трансваалем у английской фирмы **Alfred Field and Co.**) (*Bester R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902. Brandford. 2003. P. 321*).

109> Шестизарядный револьвер **Веблей** калибра 11,45 мм (.455 дюйма) с патронами, оснащёнными дымным порохом (11,45х19,6 мм) (в 1881–1913 гг.), а с 1942 г. (1923 г.?) – калибром .38 дюйма (9х19,7 мм) или (9,2х19,6 мм) различных модификаций выпускался в Великобритании в 1881–1963 гг. компанией «**Веблей&Скотт**» («**Webley&Scott**») в Бирмингеме и широко использовался в Первую и Вторую мировые войны. Одна из модификаций револьвера **Веблей Mk IV** состояла на вооружении с 1899 по 1904 г. и широко использовалась (наряду с другими модификациями **Веблей Mk I**, **Веблей Mk II**, **Веблей Mk III**, **Веблей RIC**) во время англо-бурской войны. Револьвер **Веблей** также продавался на коммерческом рынке и использовался для вооружения полиции, в том числе и в Трансваале (как до англо-бурской войны, так и позднее, после захвата Южно-Африканской Республики англичанами). Вес револьвера – 1–1,1 кг. Только с 1913 г. данный револьвер оснащался пулями с бездымным порохом. (Во время русской революции 1905–1906 гг. револьвер **Веблей** часто именовался «оружием революции», поскольку тысячами приобретался в Великобритании и переправлялся в Россию революционерами. Немало их попало в Россию во время Первой мировой и Гражданской войн). Револьверы различных типов широко использовались в Первую мировую войну при наступлении для уничтожения живой силы в захваченных неприятельских окопах. Револьвер **Веблей** был снят с вооружения в Англии только в 1963 г., после 82 лет службы. Интересно, что во время англо-бурской войны им вооружались для самообороны не только английские офицеры, но и английская прислуга (фейерверкеры) при артиллерийских орудиях. Кроме того, револьверы «**Веблей**» выпускались малыми сериями калибром .450 дюйма (11,43 мм) и калибром .476 дюйма (12,1 мм) (последний

приобретался британскими офицерами за свой счёт) и типа «**Веблей Фосберн**» (**Webley Fosbery**) калибра .455 (11,45 мм) (конструкции американского полковника **Фосберн**, выпускался в Англии) и использовались во время англо-бурской войны. Буры широко использовали различные модификации револьвера **Веблей**, в основном, калибра 11,45 мм или .455 дюйма. Данный револьвер изредка встречается в локальных войнах до сих пор как вспомогательное короткоствольное оружие. **Веблей** пользуется устойчивым спросом среди коллекционеров (по материалам Интернета).

110> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 305.

111> За время англо-бурской войны 1899–1902 гг. 15 000 капских африканеров были приговорены английскими судами к различным срокам тюремного заключения за измену или пособничество бурам. Капских буров участвовало на стороне бурских республик 3437 человек. Из них 794 были заключены в английские концлагеря и до 300 – приговорены к смертной казни, в большинстве своём заменённой на пожизненное заключение. В октябре 1902 г. их сроки заключения были снижены до 2–3 лет или некоторые освобождены из мест заключения, но лишь в 1906 г. амнистия была дана всем (*Barber B.J. A Coincise Dictionary of the Boer War. Cape Town 1999. P. 45*).

112> Фуражка – головной убор с околышем и козырьком. Околыш – часть головного убора – ободок, непосредственно облегающий голову.

113> Донесения военного агента в Брюсселе и Гааге Генерального штаба подполковника **Миллера** № XVIII от 15/28 марта 1900. из Брюсселя. С. 1–6.

114> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия СПб. 1903. С. 118.

115> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия СПб. 1903. С. 161–162.

116> **Ольга Александровна (Аполлоновна?) фон Баумгартен** позднее участвовала в русско-японской войне и написала об этом следующие воспоминания: Артур пал! Дневник сестры милосердия **О.А. Баумгартен**. СПб. 1907 г. 137 С. (**Фон Баумгартены (Baumgarten)** – дворянский род, происходит из Швеции, куда переселился из Эльзаса, а со второй половины XVII в. – в Прибалтику). **Ольга Баумгартен**, по-видимому, являлась дочерью генерал-адъютанта, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., **Александра Карловича фон Баумгартена**.

117> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен** 1899–1900 СПб., 1901. С. 24.

118> Королева **Виктория** боялась посещать Ирландию целых 39 (38) лет. Причины этого привёл один из американских конгрессменов-ирландцев по фамилии **Петтигрю (Pettigrew)**, выступая в 1900 г. против англо-саксонского единства, и привёл страшные цифры: за время правления королевы **Виктории** 1 200 000 ирландцев умерли с голода, 3 668 000 были насильственно выселены из своих домов и мест проживания ростовщиками-англичанами и 4 185 000 были вынуждены эмигрировать, чтобы не околесть от голода (*Mulanax R.B. The Boer War in American Politics and Diplomacy. L.NY 1994. P. 113.*) Население Ирландии в основном кельтского происхождения. По данным всеобщей переписи 2006 г., оно составляет 4,2 миллиона человек. На протяжении английского владычества, Ирландия стремительно теряла население: если в 1841 г. численность населения составляла 8 млн 178 тыс. человек, то в 1901 г. — всего 4 млн 459 тыс. То есть, численность населения даже не осталась на прежнем уровне. Во время гражданской войны в Англии, английский контроль над островом сильно ослабел, и ирландцы-католики восстали против протестантов, временно создав Конфедеративную Ирландию, но уже в 1649 г. в Ирландию прибыл **Оливер Кромвель** с многочисленным и опытным войском, взяв приступом города Дрогеду и Уэксфорд около Дублина. В Дрогед

Кромвель приказал перебить весь гарнизон и католических священников, а в Уэксфорде армия учинила резню уже самовольно. В течение девяти месяцев **Кромвель** покорил почти весь остров, а затем (из-за восстания в Англии) передал начальство своему зятю **Айртону**, который и продолжил начатое дело. Целью **Кромвеля** было положить конец беспорядкам на острове путем вытеснения ирландских католиков (по другим сведениям – уничтожить всех ирландцев-католиков), которые принуждены были или покинуть страну, или перебраться на запад, в Коннахт, между тем как земли их раздавались английским колонистам, большей частью – солдатам **Кромвеля**. В 1641 г. в Ирландии проживало более 1,5 млн человек, а в 1652 г. осталось лишь 850 тыс., из которых 150 тыс. были английскими и шотландскими новопоселенцами. В результате английской колонизации коренные ирландцы практически полностью потеряли свои земельные владения; сформировался новый правящий слой, состоящий из протестантов, выходцев из Англии и Шотландии. В 1801 г. Ирландия стала частью Соединённого королевства Великобритании и Ирландии. Ирландский язык стал вытесняться английским. С середины 40-х гг. XIX в. начался аграрный переворот. Падение цен на хлеб (после отмены в 1846 г. в Англии «хлебных законов») побудило землевладельцев начать интенсивный переход от системы мелкой крестьянской аренды к крупному пастбищному хозяйству. Усилился процесс сгона мелких арендаторов с земли (так называемая «очистка имений»). Отмена «хлебных законов» и болезни картофеля, который был основной культурой у малоземельных ирландских крестьян, привели к страшному голоду 1845–1849 гг. В результате голода погибло около 1 млн человек. Значительно увеличилась эмиграция (с 1846 по 1851 г. выехали 1,5 млн чел.), ставшая постоянной чертой исторического развития Ирландии. В итоге только в 1841–1851 гг. население Ирландии сократилось на 30%. Многовековая борьба ирландского народа за независимость привела к тому, что в 1921 г. был заключён англо-ирландский договор, по которому большая часть Ирландии получила статус доминиона (фактически – независимого государства) при сохранении английского господства над наиболее экономически важной частью – Северной Ирландией (Ольстером) (по материалам Интернета).

119> Донесения военного агента в Лондоне Генерального штаба полковника **Ермолова**, № LVIII. От 24 марта/5 апреля 1900 г. из Лондона. С. 1–3.

120> Погибший нидерландский военный агент поручик **Никс**, с разрешения лорда **Робертса**, был похоронен со всеми воинскими почестями. За это голландский генеральный консул в Блаумфонтейне официально выразил благодарность лорду **Робертсу** (Новое Время. 4 (17) апреля 1900 г. № 8658).

121> Поскольку многие британские офицеры во время англо-бурской войны получали звания местного (временного) генерал-лейтенанта, генерал-майора или бригадного генерала, то довольно часто об этом сообщалось в донесениях и в печати, но почти не отмечалось в их биографиях. В итоге временный генерал-лейтенант продолжал службу после англо-бурской войны в чине подполковника или полковника, в котором он и начал войну и уходил в отставку годы спустя в чине полковника, бригадного генерала, генерал-майора или генерал-лейтенанта. И не зная этой своеобразной британской военной традиции исследователям и любителям военной истории трудно понять, почему британский генерал-лейтенант вдруг после англо-бурской войны закончил военную службу в чине полковника, то есть на три ступеньки ниже в звании. – *Прим. авт.-сост.*

122> Брабант Эдвард Юд (Brabant Edward Yewd) (1839–1914) – британский генерал. Родился в Англии, поступил на военную службу в 1855 г., затем служил в Южной Африке в полку Cape Mounted Rifles до расформирования полка в 1870 г. и вышел в отставку в чине капитана. Жил в Ист-Лондоне, занимался фермерством. С 1873 г. был депутатом парламента Капской колонии. Участвовал в войнах с окрестными чёрными племенами, в частности, в англо-зулусской войне (офицером) и в войне с **басуто**. С началом англо-бурской войны был произведён из полковников в бригадные генералы, командовал Колониальной дивизией и создал Брабантских конников, с которыми в феврале 1900 г. захватил Додрехт; затем был окружён в Вепенере, но подоспевшие подкрепления деблокировали в апреле его дивизию.

зию, оттеснив буров. Затем его часть участвовала в сражении при Табанчу и в операции по окружению отряда генерала **Принслоо** в конце июля-начале августа 1900 г. В октябре дивизию разделили на мелкие подразделения для несения караульной службы. Его отряды (и, в частности, Брабантских конников) превозносились британской пропагандой, но буры не считали его отряды достойным противником. **Брабанту** за его подвиги против преимущественно мирных жителей в 1901 г. пожаловано было звание рыцаря, а в следующем году – чин генерал-майора. После войны он ушёл в отставку и вновь занялся политикой. Скончался в 1914 г.

123> 37-мм скорострельное орудие **пом-пом** однотипное со скорострельным орудием **Максима-Норденфельта**.

124> Донесения Генерального штаба полковника **Стаховича**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. Донесение № XX от 7/20 апреля 1900 г. из Блумфонтейна. С. 1–22.

125> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. № VI, от 3/16 апреля 1900 г. из Брандфорда.

126> Приказчик – служитель при магазине.

127> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. № VII, от 19 апреля/2 мая 1900 г. из Брандфорда.

128> Донесения Генерального штаба полковника **Стаховича**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. Донесение № XX от 7/20 апреля 1900 г. из Блумфонтейна. С. 12–13.

129> Абрис (нем. Abrib – чертёж, план, очерк) – в данном случае – линейное очертание предмета, контур.

130> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 127.

131> Головачёв В. Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, СПб., 1905 (в книге изложены события лишь по декабрь 1900 г.) С. 366–367.

132> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 171.

133> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 7, л. 61.

134> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 7, лл. 70, 70 об.

135> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 205.

136> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 7, л. 71.

137> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 206.

138> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 199.

139> Иолшины – польский дворянский род Минской губернии герба Покора, происходящий от полковника польских войск **Ивана Добеслава Иолшина** (1683 г.).

140> РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2774, л. 2. Дело о командировании подполковника 1-го сапёрного батальона **Зигеря-Корна** в Южную Африку для изучения инженерного дела в армии буров во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. 6 мая 1900–19 февраля 1904 г. 56 листов (Цит. по Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Т. I. М., 1999. С. 192).

141> РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2774, л. 22.

142> РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 2774, л. 15.

143> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 7, л. 73.

144> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 213.

145> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 78 (микрофильм) (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900–31 октября 1901 г.).

146> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 55 (микрофильм) (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900–31 октября 1901 г.).

147> Обер-офицер (от нем. ober – старший) – так в царской России до 1917 г. именовались младшие офицеры от прапорщика до капитана (прапорщик, подпоручик, поручик, штабс-капитан, капитан) и на флоте – от мичмана до старшего лейтенанта включительно (мичман, лейтенант, старший лейтенант).

148> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 83 (микрофильм) (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900–31 октября 1901 г.).

149> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 289.

150> **Михаил Антонович фон Зигерн-Корн** – его отчёт приведён далее почти полностью, за исключением С. 88 и больших по объёму карт.

151> *Зигерн-Корн фон М.А.* Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Краткий исторический очерк южноафриканских республик. Моя встреча с

первым буром. Лоренсо-Маркеш. Английское шпионство. Отношение португальцев к волонтерам, едущим в Трансвааль, и к бурам. С. 1–14.

152> Филиппики – обличительные речи **Демосфена** против македонского царя **Филиппа II**. В переносном значении – гневные, обличительные речи.

153> Шанец – в XVII – XIX веках – отдельное полевое укрепление, окоп.

154> Гауптвахта (нем. Hauptwache – главный караул) (в просторечье – «губа») – помещение для содержания военных под арестом, как правило, на срок до десяти дней.

155> Слово кунктатор (лат. Cunctator) от латинского cunctatio и буквально означает «медлительный человек». **Квинт Фабий Максим**, прозванный **Медлителем (Кунктатором)** – полководец; прославился во время второй Пунической войны (умер в 203 г. до нашей эры), в современном значении кунктатор – медлительный, нерешительный человек.

156> Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу, б.г., б.м., 125 л. с оборотами, машинопись. Имеет после названия цитату из Ветхого Завета: «Спаси мя, Господи, от уст львовых, и от рог единорож смирение моё». (Псалом Давида XXI, ст. 22). Далее напечатано: Прикомандированный к 1-му сапёрному батальону, Туркестанского сапёрного батальона, подполковник **Зигерн-Корн**. (Отчёт для **Николая II** напечатан, вероятно, в середине или в конце 1901 г. Находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки). Гл. II. Машададорп. Буры. С. 14–18.

157> Весной 1900 г. в Европу была отправлена делегация южноафриканских республик в составе: **А. Фишера** (главы делегации), **К.Х. Весселса** и **Э.Д.В. Вольмаранса** – для переговоров о политической и военной помощи. Делегаты посетили Нидерланды, США,

Францию, Германию и Россию. Но, несмотря на тёплый приём населения, ни одно правительство не оказало содействия республикам.

158> РГИА, ф. 776, оп. 34 (1900 г.), д. № 17, л. 240; РГИА, ф. 473, оп. 3 (1898 г.), д. № 664, л. 1 (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999 г. (СПб., 2001.) С. 76.

159> РГИА, ф. 473, оп. 2 (1900 г.), д. № 605, л. 9–9 (оборот) (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999. С. 76.

160> РГИА, ф. 473, оп. 2 (1900 г.), д. № 605, л. 7 (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999 г. С. 76–77.

161> РГИА, ф. 473, оп. 2 (1900 г.), д. № 605, л. 10 (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999. С. 77.

162> Гофмейстер (нем. *Holfmeister*) – придворная должность в средневековой Германии (в XIX – начале XX вв. почётный титул); в России придворный чин и должность 3-го класса (обер-гофмейстер – 2-го класса). Гофмейстер (и стоявшие над ними обер-гофмейстеры) управляли дворцовым хозяйством и штатом придворных, ведали придворным церемониалом; при германских княжеских дворах обер-гофмейстер – председатель дворцового суда и совета при князе, наместник князя в делах управления.

163> Петергоф – ныне Петродворец (Ленинградская область).

164> РГИА, ф. 473, оп. 2 (1900 г.), д. № 605, л. 12 (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999. С. 77.

165> Гофмаршал (нем. Hofmarschall) – придворная должность в средневековой Германии; в России – придворный чин и должность 3-го класса (обер-гофмаршал – 2-го класса); ведал дворцовым хозяйством (снабжение, устройство приёмов и так далее).

166> Ливрея (фр. Livree) – форменная одежда особого покроя, обычно обшитая галунами, для швейцаров, лакеев, кучеров.

167> РГИА, ф. 473, оп. 2 (1900 г.), д. № 605, л. 13–13 (оборот) (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999. С. 77–78.

168> Камер-фурьер (нем. Kammerfurier) – в Российской империи придворный чиновник 6-го класса. Вёл запись дворцовых церемоний и быта царской семьи (камерфурьерский журнал).

169> Бенкендорф П.К. (1853–1921) – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал, член Государственного совета.

170> Вероятно, её супругом являлся **Данилов Ю.Н.** (1866–1937) – позднее – генерал от инфантерии. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915). Один из разработчиков стратегических операций Русской армии в 1914 г., за неудачи отстранен от обязанностей. В 1916–1917 гг. – начальник штаба Северного фронта. В 1918 г. – вступил в Красную армию, но, будучи противником заключения мира с Германией, подписанного больше-

виками в 1918 г. позднее, в 1919 г., перешёл на сторону белых. У белых – на штабных должностях. Эмигрировал во Францию.

171> Великий князь **Георгий Михайлович Романов** (1863–1919).

172> РГИА, ф. 516, оп. 2 (1900 г.), д. № 130, л. 31 (оборот) –33 (Цит. по: *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX века. Вестник восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999. С. 78.

173> Изначально четыре **Лонг-Тома** (французских дальнобойных орудия **Крезо** калибром 155 мм) были предназначены для защиты фортов вокруг Претории. Несмотря на их вес и габариты, эти тяжёлые осадные орудия были перевезены к фронту. Все четыре орудия так и не были захвачены английскими войсками и участвовали во многих сражениях – Бергендале, Дальмануте, Диамонд Хилл, Дунди, Импати, Кимберли, Лейденбург, Ледисмит, Спитскоп, Гекторспруйт, Булвана, Цезарькоп, Мафекинг. Последний раз батарея из двух **Лонг-Томов** 8–11 сентября 1900 г. применялась у Лейденбурга в местечке ныне названном Лонг Том Пас (Проход Лонг-Том). Что же касается последнего применения данного орудия, то последние 13 снарядов были истрачены в бою у Хутбосберг (Фископ) 30 апреля 1901 г. Все орудия были уничтожены (взорваны) самими бурами во время войны, а их обломки утоплены в реках (по материалам капитана первого ранга ВМС ЮАР профессора **Т. Потхитера**).

174> Каково это было пережить офицеру, прослужившему 25 лет и получившему четыре ордена за образцовую службу, останется известным только **Михаилу Антоновичу**. (Комментарий цит. по: *Шаповалова Т.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия. М., 1995. Диссертация. С. 123.)

175> **Михаил Антонович** понимал, что оказался в смешном положении – в глазах бура грязная работа недостойна белого – но ниче-

го не мог поделаться, так как не желал опускаться до рукоприкладства. (Комментарии цит. по: *Шаповалова Т.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия. М., 1995. (Диссертация). С. 123.

176> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Глава III. На биваке главнокомандующего у станции Дальманута. С. 33–52.

177> Кекевич Роберт Джордж (Kekewich Robert George) (1854–1914) – британский генерал-майор, в чине подполковника прославился защитой города Кимберлей во время англо-бурской войны. Закончил колледж Марлборо и поступил на военную службу. Участвовал в Малайской экспедиции (1875–1876), в войне в Судане (1884–1885), затем служил в звании майора в Индии, в Мадрасе с 1891 по 1897 г. В 1898 г. в звании подполковника в качестве командира 1-го батальона королевского североланкаширского полка он прибыл в Капскую колонию (его полк входил в состав сил, которые постепенно посылались на Юг Африки в связи с усиливающейся вероятности войны с бурами). 13 сентября 1899 г. Верховный комиссар Капской колонии **Альфред Мильнер** послал его с секретным заданием в Кимберлей с целью изучить возможности обороны города. А 20 сентября подполковник **Кекевич** получил приказ организовать оборону Кимберлея и одновременно ему в подчинение были даны все британские силы, находившиеся в Бечуаналенде и Западном Грикваланде. Но кадровых войск было очень мало и ему поручили мобилизовать добровольцев в самом городе и им была создана хорошо продуманная оборона по периметру границы города. С 14 октября 1899 г. он объявил осадное положение, хотя первое столкновение с силами буров произошло только 27 октября. В городе на момент начала осады проживало 13 000 белых, 7000 цветных и индусов и свыше 30 000 чёрных. К ним добавилось 5000 чёрных беженцев. Под ружьём у него было 4219 человек, включая добровольцев с 14 полевыми орудиями и 11 пулемётами (*Gloete G.P.* The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 41). **Кекевич** отказался сдать город войскам африканерского генерала **Весселса** 4 ноября 1899 г. и в конце ноября даже выслал несколько отрядов с целью помочь бри-

танским войскам под руководством **Метьюна**, идущим на выручку осаждённому гарнизону Мафекинга. Но после поражения войск генерала лорда **Метьюна** у Маггерсфонтейна (11 декабря 1899 г.) он получил сообщение, что гарнизон нельзя будет вызволить из осады до конца февраля 1900 г. Несмотря на бомбардировку и начавшиеся болезни, самым большим вопросом было присутствие в городе хозяйина всех алмазодобывающих шахт Кимберлея небезызвестного **Сесилия Родса** и нескольких важных шишек из состава совета директоров могущественнейшей Де Бирс, которой принадлежало в Кимберли буквально всё. **Родс**, не разбираясь в военном деле, постоянно вмешивался в дела обороны города и это часто приводило к открытым стычкам между **Родсом** и подполковником **Кекевичем**. Не меньше задела **Родса** не только угроза коменданта посадить его под арест, если не перестанет совать свой нос не в свои дела, но и то, что после долгожданного освобождения Кимберли войсками генерал-майора **Джона Френча** 15 февраля 1900 г. **Кекевич** получил тёплые поздравления от главнокомандующего лорда **Робертса** за умело проведённую оборону города, высокую награду и чин полковника. (Другими словами, когда 14 октября 1899 г. началась осада Кимберли – города, где, в том числе и в его окрестностях – к примеру, на шахте в одноимённом местечке Коффифонтейн в 80 километрах от Кимберли, добывалось 90% (а по другим оценкам – до 95%) тогдашней мировой добычи алмазов, то подполковник **Роберт Кекевич**, командир первого батальона королевского ланкаширского полка (The Royal Lancashire Regiment) столкнулся с тем, что весь военный гарнизон состоял из половины списочного состава батальона, батареи старых полевых орудий (позднее, за 25 дней силами инженеров Де Бирс под руководством американского инженера **Лабрама** (вскоре погибшего) было построено 4,1-дюймовое (калибра 104 мм) орудие «**Длинный Сесиль**», дальнобойностью до 7,3 км и фугасный снаряд весом в 13,2 кг – единственное орудие, которое могло (с 23 января 1900 г.) ответить на выстрелы дальнобойных бургских орудий), пяти прожекторов, 3650 добровольцев и 352 полицейских – почти все они работали на всемогущую Де Бирс и на весьма нехотевшего **«Колосса Родосского»** – **Сесилия Родса**. И если вначале **Родс** сибаритствовал в голодающем городе и не вмешивался в дела

обороны, наоборот, Де Бирс снабдила гарнизон 700 000 (750 000) патронов, 442 винтовками **Ли-Метфорд** и шестью пулемётами **Максим** – приготовленными ещё к восстанию ойтландеров в Йоханнесбурге в 1895 г. Но постепенно **Родс** стал посылать сообщения с посыльными, в которых описывал ужасное положение города, и звал на помощь **Буллера** и давал указания, то есть попытался сам стать командующим гарнизоном. Затем требовал послать 200 человек конной пехоты, чтобы освободить **Мафекинг**, находящийся в 200 милях, и был в ярости, когда **Кекевич** объяснил, что это глупость, равно как позднее и другие его советы по поводу обороны города и снятия осады, в частности, спешки со стороны английских войск, стремившихся деблокировать мировую столицу алмазов – Кимберлей и несших из-за этого большие потери и потерпевших ряд тяжёлых поражений от буров. (За время осады погибло и умерло от болезней в городе 1500 человек, в основном чёрных, а за всё время при попытках освободить осаждённый город погибло 2237 британских военнослужащих). Затем **Сесиль Родс** стал требовать немедленного снятия осады, в противном случае угрожая, что сам сдаст город. К февралю 1900 г. **Родс** уже открыто вёл войну против **Кекевича** в газете «The Diamond Fields Advertiser», которую издавал в городе и все не понимали, почему **Кекевич** просто не арестует «сорвавшегося с резьбы» **Родса**, подрывавшего и без того невысокий моральный дух среди гражданского населения города, а лишь грозит посадить его под домашний арест. Но подполковник **Кекевич** хорошо понимал, что 75% бойцов гарнизона составляли рабочие и служащие Де Бирс и арест хозяина мог привести к окончательному падению воинского духа в осаждённом и окружённом колючей проволокой оголодавшем городе. Кроме того, когда **Кекевич** сказал лично под большим секретом **Родсу**, что **Робертс** планировал наступление через Оранжевое Свободное Государство в феврале 1900 г. и его главной целью было освобождение Кимберли, **Родс** громогласно объявил эту, в то время строго секретную информацию, хотя она могла достичь буров через их агентов. Возможно, эти вспышки ярости и крайне неразумного поведения были проявлением неизлечимой венерической болезни через два года сведшей «**Колосса Родосского**» (**Сесилия Родса**) в могилу. Тем не менее после освобождения Кимберли **Родс** устроил роскошный

банкет генералу **Френчу** (предварительно поговорив с ним наедине), который быстро понял, что от него требуется, и тут же сместил **Кекевича** с поста руководителя гарнизона Кимберли. Другими словами, **Кекевич** оборонял Кимберли 126 дней, но получил лишь внеочередной чин полковника (с зарплатой подполковника) и третью степень Ордена Бани (Ордена Купели), что не давало прав на дворянство. **Кекевич** вновь вступил в должность командира 1-го батальона королевского североланкаширского полка и в составе колонны войск генерала лорда **Метьюна** действовал в Западном Трансваале. Однако 30 сентября 1901 г. его полк понёс тяжёлые потери при незапном нападении отрядов бургских генералов **Девета** и **Кемпа** у местечка Мудвил (англичане потеряли 56 убитыми и 131 ранеными и 327 лошадей), хотя **Кекевич**, будучи дважды легко ранен, проявил завидное хладнокровие и выдержку (потери буров составили девять убитыми и 33 ранеными и трое попавшими в плен). В 1902 г., когда буры (800 конников) под руководством **Кемпа** и **Потхитера** пошли в кавалерийскую атаку на открытой местности у Рудеваля 11 апреля на 1500 (по другим сведениям – на 12 000 англичан, ошибочно полагая, что британцев было не более 2000) вооружённых англичан с шестью полевыми орудиями, но были отбиты, потеряв 42 убитыми (включая **Потхитера**), 50 ранеными (40 из них попали в плен) и 36 пленными. А англичане потеряли 12 убитыми и 75 ранеными. В августе 1902 г. **Кекевич** был произведён из полковников вне очереди в постоянные генерал-майоры (минуя чин бригадного генерала) за победу при Рудевале в апреле 1902 г., но был вызван в октябре того же года в королевскую комиссию и отправлен в отставку (сказались его сильные трения с **Сесилем Родсом** и другими «денежными мешками» из Де Бирс). В октябре 1909 г. он был назначен полковником Королевского Восточно-Кентского полка (**Royal East Kent Regiment (Buffs)**) – третьего по значению полка в сухопутной армии Великобритании, чьи командиры были в звании не ниже генеральского. После начала Первой мировой войны в 1914 г. он получил назначение командиром 13-й (Западной) дивизией в Англии. Однако ему не давали возможности отправиться на фронт. Это обстоятельство вместе с ухудшающимся состоянием здоровья и нервной депрессией привели к тому, что старый холостяк, герой к тому време-

ни уже полузабытой англо-бурской войны генерал **Кекевич** застрелился в начале октября 1914 г.

178> Гроблер Фредерик Альбертус (Grobler) (1850–1901) – бурский генерал, участник первой и второй англо-бурской войны. Не проявлял должной инициативы и в сентябре 1900 г. был смещён. Воевал как простой боец. Скончался от лихорадки.

Гроблер Хендрик Стефанус (Grobler) (1859–1938) – бурский генерал и политический деятель. Активный участник англо-бурских войн 1899–1902 гг. Участник переговоров в Ференингинге. После войны занимался фермерством, затем был избран в парламент Трансвааля (в 1907–1910), а затем в 1910–1929 – парламента ЮАС.

179> У станции Ритфонтейн 24 октября 1899 г. произошло сражение, когда отряд генерала **Вайта** для облегчения отступления отряда генерала **Юла**, шедших к Ледисмиту, вышел из Ледисмита с 4000 пехоты, 1100 ездящей пехоты и 18 полевыми орудиями и стал обстреливать два холма возле дороги, на которых окопались свыше 1000 буров из Оранжевого Свободного Государства, чтобы не дать им возможность перехватить 8-ю бригаду **Юла**, отступавшую из Ледисмита. Но буры открыли оружейный огонь и во второй половине дня англичане были вынуждены отступить, потеряв 12 убитыми, 103 ранеными и 2 пропавшими без вести. Буры потеряли 9 убитыми и 21 ранеными (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 46*).

180> Донесения командированного на театре военных действий в Южной Африке Генерального штаба подполковника **Гурко**. № IX, от 21 Мая (3 июня) 1900 г. из Машадодорпа. (Донесение № VIII в Главном штабе не получено).

Оглавление

Успехи англичан и начало перехода войны в Партизанскую	3
Сноски	291

Table of contents

The Successes of the British and the Beginning of the Transition to the Guerilla Phase	3
Footnote.....	291

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных
В 13 томах. Т. 3.**

Авторы-составители:

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор

*Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович*

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

Memories

www.membook.ru

info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.

Формат 60x84/16. Бумага писчая.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,34.

Тираж 100 экз. Заказ № 21.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 3

**Успехи англичан и начало перехода войны
в Партизанскую.**

Москва
Memories
2012